

АРАБСКИЕ ИСТОРИКИ
О ПРОТИВОСТОЯНИИ
ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА
В СРЕДНИЕ ВЕКА

ФРАНЧЕСКО
ГАБРИЭЛИ

КРЕСТОВЫЕ
ПОХОДЫ
ВЗГЛЯД С ВОСТОКА

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.
ВЗГЛЯД С ВОСТОКА

FRANCESCO GABRIELI

**ARAB
HISTORIANS
OF THE CRUSADES**

ФРАНЧЕСКО ГАБРИЭЛИ

**КРЕСТОВЫЕ
ПОХОДЫ
ВЗГЛЯД С ВОСТОКА**

АРАБСКИЕ ИСТОРИКИ
О ПРОТИВОСТОЯНИИ
ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА
В СРЕДНИЕ ВЕКА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4
Г12

Охраняется законодательством РФ
о защите интеллектуальных прав.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

*Оформление художника
Я.А. Галеевой*

Д73 Габриэли Франческо
Крестовые походы. Взгляд с Востока. Арабские
историки о противостоянии христианства и ислама
в Средние века / Пер. англ. Л.А. Игоревского. — М.:
ЗАО Центрполиграф, 2019. — 319 с.

ISBN 978-5-9524-5343-2

Важнейшие события эпохи Священных войн обстоятельно и достоверно изложены в многочисленных сочинениях западноевропейских историков, тогда как свидетельства арабских авторов представлены избирательно и фрагментарно. Цель этой книги — рассказать историю Крестовых походов с точки зрения защитников ислама. Профессор Франческо Габриэли на страницах своей книги обобщил труды семнадцати авторов, среди которых такие именитые и авторитетные историки, как Ибн аль-Каланиси, Ибн аль-Атир и Абу-ль-Фила, а также биографы и соратники Саладина — Баха ад-Дин и Имад ад-Дин. Наряду с описаниями важнейших сражений, осад и дипломатических миссий, профессор Габриэли приводит короткие зарисовки о нравах франков, их обычаях и взглядах на жизнь, чуждых и непонятных арабским наблюдателям. Зачастую они несут сатирический характер и привносят юмор в повествование. Книга в целом дает ясную и точную в деталях картину периода войн за Святую землю.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-9524-5343-2

© Перевод, ЗАО
«Центрполиграф», 2019
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2019

**КРЕСТОВЫЕ
ПОХОДЫ
ВЗГЛЯД С ВОСТОКА**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача настоящей книги — помочь европейскому читателю увидеть период Крестовых походов с другой стороны, глазами людей, бывших в то время врагами христиан. Такой опыт особенно интересен и дает много любопытной информации о средневековом конфликте между христианством и исламом, двумя цивилизациями, у которых было очень много общего. Они основывались на схожих религиозных концепциях, обладали схожей идеологией, и только их борьба за мировое господство привела к конфликту и заставила дойти до крайностей — до фанатизма. В наши дни фанатизма больше нет, по крайней мере среди христиан, но сражения продолжают, да и причины остались теми же. Мы больше не говорим о кинжалах или молотах веры. Характерной чертой сегодняшнего дня является сочувственное и примирительное отношение к исламу, хотя у другой стороны позиция иная. Тем не менее насилие и антагонизм выплескивается со страниц средневековых хроник и трудов полемистов, и мы имеем обыкновение видеть «врагов» крестоносцев в свете старой религиозной и расовой ненависти, которую более поздние конфликты углубили и усилили. В поэме «Освобожденный Иерусалим» Т. Тассо Клоринда из лагеря Сулеймана желает умереть в своей христианской вере. Те, кто хотят подняться выше такого взгляда на историю и увидеть больше чем один аспект ситуации, должны проанализировать позиции и идеалы противника, его образ жизни

и методы ведения военных действий, какими они представляются на страницах трудов арабских хронистов и историков Средневековья. Свидетельства, которые они представляют, такие же множественные и важные, как свидетельства их европейских современников. Конечно, лозунги меняются на прямо противоположные. Так, «сарацинская собака» сменилась «христианской свиньей», образ Гроба Господня — видением священной скалы, на которой стоял пророк в ночь своего чудесного вознесения на небеса, святого Готфрида вытеснил святой Саладин. В этой книге нет громких философских и религиозных заявлений. Мы всего лишь попытались предложить широкому кругу читателей подбор картин, созданных другой стороной, чтобы, по крайней мере, сравнить их с тем, что пишут европейские авторы.

Крестовые походы обрушились на мусульманскую империю в критический момент ее истории. Волна арабских завоеваний уже прошла, а военная активность свелась к обороне. В это же время турки еще только наращивали свое военное господство в рамках мусульманской империи, готовясь начать свое великое наступление на христианский мир. Ислам пострадал от рук христиан во время византийских войн, особенно в X веке, однако эта яростная атака латинян, имеющая чисто религиозные причины, застала мусульман врасплох, в состоянии политического разброда, который помешал эффективной подготовке к войне. Формула Груссе — начальная мусульманская анархия против франкской монархии — есть точная характеристика ситуации в Сирии в последней декаде XI века и первой декаде века XII. Земля была разделена между соперничавшими эмирами, атабеками Сельджукидов и их вассалами. Фатимиды Египта слабо контролировали Палестину. В Багдаде халиф Аббасидов правил под опекой турецкого султана, и его величие представлялось бледной тенью того, что было при аль-Мансуре и аль-Мамуне. Правители Южной Сирии и военачальники Фатимидов в Палестине делали слабые попытки оказать сопротивление, но крестоносцы быстро распространились по империи, и противоборство им было неэффективным.

С середины XII века мусульманское сопротивление укрепилось в результате усилий Артукидов Мардина, Туктегина из Дамаска и, особенно, Занги и Нур ад-Дина, атабеков Мосула. Когда пограничное графство Эдесса пало под натиском крестоносцев, Занги сосредоточил внимание на Сирии с двойной целью — объединить ее под своей властью и оттеснить франков обратно к морю. Арабизм как политическая сила теперь имел лишь второстепенное значение. Династии, возглавлявшие контратаку, были турецкими (тюркскими) по расе, социальной и военной организации, хотя их культура оставалась арабской. Приход к власти Саладина, с одной стороны, прервал, но с другой — продолжил движение к турецкому господству. Он имел курдское происхождение, получил образование и в турецкой, и в арабской культуре и придерживался глубоко ортодоксальных взглядов на веру и образ жизни. Он вернул Египет на традиционный путь, сделав центром своей империи, и придал новый авторитет арабизму. Два монарха сошлись в битве при Хаттине, и латинская корона Иерусалима рухнула в пыль.

Третий крестовый поход сумел остановить продвижение мусульман и поддержать пошатнувшиеся христианские государства в Палестине. Используя дипломатию и силу, Айюбиды аль-Адиль и аль-Камиль в середине века поддержали равновесие. Они отразили натиск Пятого крестового похода и удержали Фридриха II в известных пределах, однако не смогли организовать эффективное контрнаступление против христианских государств. Эта задача досталась мамлюкским султанам, которые к середине XIII столетия отобрали контроль над Египтом у ослабевших Айюбидов. Этим не слишком цивилизованным воинам, усовершенствовавшим систему военного феодализма, введенную Сельджукидами и продолженную Айюбидами, ислам обязан освобождением и от монгольских вторжений (победа при Айн-Джалуте в 1260 году спасла Сирию), и от крестоносцев. Запад не мог вечно сохранять свою искусственную империю за Средиземным морем. Папство направило возвышенный религиозный импульс первых Крестовых походов на службу собственным инте-

ресам в борьбе за власть в Европе, сделав крест символом на флаге, который несли в бой против христиан-еретиков (в Крестовом походе против альбигойцев и войне против Гогенштауфенов). И теперь ему пришлось беспомощно наблюдать, как Антиохия, Триполи и Акра рушатся друг за другом, и мусульмане возвращают себе контроль над Палестиной. Последний рубеж тамплиеров на Святой земле был также, хотя они об этом не знали, преддверием катастрофы, которая постигла их на западе.

Два богатых события века, которые привели весь христианский мир в состояние конфликта с исламом (хотя греческая церковь стала невинной жертвой западных дипломатических просчетов) на территории, которую мусульмане удерживали в течение пяти столетий, подробно описаны трудолюбивыми мусульманскими историками.

Мы используем термин «мусульманские», потому что многие авторы не были арабами по рождению, однако термин «арабские» оправдан на основании использованного языка (персидские историки и те немногие, что писали на турецком языке, не добавили почти ничего к истории Крестовых походов). Можно говорить и «арабо-мусульманские», имея в виду вдохновлявший этих авторов дух. Правда, арабоязычные христианские историки Египта тоже внесли свою лепту.

Франкские вторжения — так мусульмане называли вторжения европейских христиан, в отличие от византийских Руми. Несмотря на вызванные франкскими вторжениями хаос, огромные потери и высокую цену, заплаченную исламом за сопротивление, которое в конечном счете привело к победе, они никогда не были для мусульманских хронистов отдельной темой, рассматриваемой изолированно. Несмотря на безусловную важность для Востока, как и для Запада, Крестовые походы всегда включались в привычные литературные формы, им уделялось место в анналах всеобщей истории, а также в биографиях мусульманских исторических личностей и династий, позиционировавших себя как сторонники веры. Можно изучить множество мусульманских исторических трудов, но так и не найти отдельной «Истории войн против франков».

Такую работу, однако, можно создать, соединив и сопоставив материалы из разных типов исторических трудов этого периода. Сначала идет общая история мусульманского мира, к примеру классический труд ибн аль-Атира, менее известные анналы Сибт ибн аль-Джаузи и ибн аль-Фурата, а также более поздние компиляции. Далее можно привести хроники городов и регионов: ибн аль-Каланиси, писавшего о Северной Сирии, Камаль ад-Дина — о Месопотамии, истории регионов и их династий, такие, как писали аль-Макризи и ибн Васил, и чисто династические труды, которые писал Абу Шама. Наконец, существуют жизнеописания и записи о деяниях отдельных лиц. Среди них можно назвать биографии Саладина (авторы — Имад ад-Дин и Баха ад-Дин), и официальные жизнеописания первых мамлюкских султанов, принадлежащие перу ибн Абд аз-Захира. Уникальная работа, имеющая огромное историческое и литературное значение, — автобиография Усамы. Отметим исключительное многообразие стилей. Одни труды представляют собой сухое перечисление фактов, другие написаны помпезной рифмованной прозой. Одни являются грамотными и точными, другие — всего лишь искусственная компиляция неподтвержденных фактов. Все их, как и следовало ожидать, объединяет презрительное и враждебное отношение к нечестивым фанатикам-неверным, которые вторглись на земли ислама.

Крайне малочисленны аналитические обзоры и комментарии, касающиеся военных целей противников. Соответствующая полемика была популярна лишь в течение короткого периода мирных переговоров Третьего крестового похода. Присутствие вооруженного врага на мусульманской территории могло вызвать только один ответ — военные репрессии, одобренные Кораном, который призывал правоверных не ослаблять натиск на врагов, пока они не будут или уничтожены, или обращены в истинную веру. Не могло быть настоящего мира с франками или любыми другими неверными — только временное перемирие, когда это было целесообразно или необходимо. Известному миру — или перемирию — 1192 года между Ричардом и Саладином противились очень многие му-

сульмане — в принципе, если не в сущности. Двести лет Крестовых походов не могли пройти в постоянных военных действиях. Разумеется, были мирные периоды, а в XII веке даже возникали «нечестивые союзы» между мусульманами и христианами против единоверцев той или другой стороны (ибн аль-Каланиси откровенно описывает самый скандальный из таких союзов — между франками и Дамаском, — призванный остановить продвижение Занги в 1140 году).

Однако мир не является излюбленной темой мусульманских историков — впрочем, других историков тоже. Мусульманским рассказам о Крестовых походах нет конца, они зачастую являются монотонными описаниями сражений, вылазок, засад, набегов. Убийства, грабежи, разрушения — самые распространенные слова в рассказах о священных войнах. Меняются только имена участников. Если ранние историки описывали падение прибрежных городов Сирии и их переход в руки франков в огне, хаосе и крови, двумя столетиями позже описываются те же сцены, зачастую такими же словами, но только роли поменялись. *Qui gladio ferit gladio perit* — поднявший меч от меча и погибнет. Хотя нельзя не восхищаться отвагой и самопожертвованием участников сражений, качествами, которые проявляли обе стороны. Самые ожесточенные конфликты за два века имели место во время Третьего крестового похода, при Хаттине и осаде Акры, когда противоборствующие стороны действовали на грани возможностей, сражения были самыми масштабными, а их последствия — драматичными. Даже однообразные военные хронисты испытали воодушевление. Их рассказы о повседневной жизни в лагере Тверии, о сражениях не на жизнь, а на смерть у стен Акры, стремительных маршах и хитрым маневрах чем-то похожи на религиозные эпосы. Не менее важны, хотя иногда утомительно перегружены подробностями и несколько запутанны повествования о длительных мирных переговорах.

Двести лет христианство и ислам сражались лицом к лицу на Святой земле. Эти официальные враги вели нескончаемые военные действия, прерываемые только ко-

роткими и опасными перемириями. Такое официальное отношение было принято мусульманскими историками того времени и определило ограниченность их подхода. Они не выказывали интереса к социальной, экономической и культурной организации франкских государств. Иногда довольство собой или презрение заставляло историков упоминать случаи, когда более высокая исламская культура и образ жизни оказали влияние на противника. К примеру, в биографии Саладина упомянут правитель Шакиф-Арнуна. Он говорил по-арабски, изучал литературу и исламское право, но все свои знания употреблял лишь на попытки обмануть противника (а Саладин, этот благородный принц, наказал его всего лишь заключением). Единственный намек на интерес к франкским обычаям, идеям и образу жизни присутствует в автобиографии не имевшего предрассудков Усамы. Его рассказы присутствуют в этой книге. Когда средневековый мусульманин пишет о христианских верованиях или ритуалах, они, как правило, становятся гротескной карикатурой, основанной на ложных представлениях, которую можно сравнить только с христианскими рассказами о мусульманских верованиях и практиках. В этом отношении обе стороны платят друг другу той же монетой. Крестовые походы оказались абсолютно неэффективными, как средство познакомить каждую из сторон с лучшими аспектами веры другой стороны. Из мусульманских источников также ясно, что тот мизерный обмен людьми и идеями, который все-таки происходил, практически всегда был инициативой франков. Вильгельм Тирский, изучивший арабский язык и написавший историю Востока (ныне утраченную) на основании арабских источников, не имеет аналога в мусульманском лагере.

Больше всего интереса мусульманские историки проявляют к своей стороне и своим героям. Этот аспект их трудов, дополняя европейские источники, представляет наибольший интерес для западных читателей. В первых главах арабские историки приводят откровенный и ясный обзор успеха Первого крестового похода (есть только язвительный отрывок у Камаль ад-Дина, обвиняющего со-

перничающих эмиров Сирии в слепых и эгоистичных действиях — поддержке франкского вторжения и получении от этого выгоды). Они пишут с облегчением, хотя и сдержанно, о претензиях на законность, которые выдвигались, о подвиге великих поборников исламского сопротивления: Туктегина, Занги, Нур ад-Дина, Саладина. Отчаянная оборона Дамаска от осаждающих его франков — замечательный пример сопротивления в открытых военных действиях местных войск и городского ополчения. Вскоре после этого, все еще на первом этапе войны, Зангиды, Айюбиды и мамлюки поочередно брали на себя ответственность за организацию обороны, что, теоретически, являлось обязанностью халифа Багдада. Халифат, ставший собственной тенью, в ходе Крестовых походов исчез полностью. Халифы не делали ничего более эффективного, чем рассылали благочестивые наставления и проповеди, а еще поздравления одержавшим победу поборникам веры. Анналы антикрестового похода содержат сведения об определенных мусульманских династиях — Зангидах, мамлюках и ряде других, — члены которых несли на своих плечах тяжкую ношу священной войны. Делали они это по самым разным причинам, как религиозным, так и политическим, и даже жертвовали жизни за веру. Понятно, что хронисты, руководствуясь благочестием, благодарностью и преданностью династии, не скупились на похвалы.

Самой впечатляющей фигурой из них, вызывавшей восхищение даже у врагов, был, конечно, Саладин. Его происхождение туманно, а взлет к власти — стремителен. Судьба предназначила ему, на беду или на счастье, роль живого олицетворения власти и престижа, и одновременно благородства и гуманности восточной цивилизации Средневековья. В то же время он был несгибаемым защитником традиционного ислама. Его описание как мусульманского *optimus princeps*, данное Баха ад-Дином и Имад ад-Дином, представляет нам скорее благочестивого правителя, чем отважного рыцаря, и оно никак не объясняет восхищения, которое этот человек вызывал у своих современников и преемников, друзей и врагов. Но

легенда, наделившая его местом в «Чистилище» Данте, равно как и в великом множестве эпосов и сказаний, не прижилась в его собственной стране, где намного более известны и почитаемы деяния менее человеческого султана Бейбарса. В мусульманских хрониках присутствуют яркие повествования об обоих героях исламского контраступления, а еще — о Занги, Нур ад-Дине, аль-Камале и других великих защитниках веры.

Точная характеристика — одна из больших заслуг мусульманских историков. Она используется ими в коротких, но информативных описаниях лидеров франков. Проницательность Балдуина II, воинская доблесть Ричарда Львиное Сердце, неисчерпаемая энергия Конрада Монферрата, дипломатия и скептическая ирония Фридриха II — все это было отмечено и подтверждено мусульманскими историками. Другие суждения представляются менее авторитетными; например, описание святого Людовика IX как хитрого негодяя: разве хитрость — закончить жизнь, прожитую в строгой вере и утопичном идеализме, в глупой экспедиции в Тунисе в разгар лета? (Тем не менее он предстает перед нами как живой в повествовании ибн Васила о его беседе с египетским представителем в тюрьме Мансуры.)

Арабские истории Крестовых походов сравнимы с их христианскими аналогами богатым собранием материалов и хронологической информацией (хотя информация не всегда последовательна и зачастую не совпадает с приведенной в европейских источниках), а также точностью характеристик. Мы не можем ожидать от них полной беспристрастности в отношении к врагу или глубины понимания и оригинальности. Высказанные ими взгляды — это взгляды средневековых мусульманских историков, которые колеблются между прагматизмом и механической пиетистической теологией. Лишь один человек выделяется из рядов старательных хронистов, представляясь настоящим историком, — ибн аль-Атир. Его репутация среди востоковедов снизилась из-за свободного и тенденциозного использования им источников. Но качества, которые снижают надежность его трудов, как документальных сви-

детельств, — это черты оригинального мыслителя, выдающегося среди множества пассивных компиляторов фактов.

Хотя для этого периода у арабов не было историка ранга Вильгельма Тирского, их общий уровень учености был выше, чем у большинства христианских современников. Следует отметить, что арабы в основном были опытнее в техниках своего творчества и более профессиональны в подходе. О причине этого уже говорилось. Арабские историки Крестовых походов, как правило, являются только частью общей исторической панорамы.

Данная книга никоим образом не является первой попыткой западных авторов показать иные аспекты Крестовых походов. После «Библиотеки крестовых походов» (*Bibliothecque des Croisades*, Paris, 1822) Мишо, великий ученый Рейно, учитель Микеле Амари, создал «Арабские хроники» (*Chroniques Arabes*, Paris, 1829). В этом труде он собрал переводы и пересказы отрывков из произведений средневековых арабских историков. Они были взяты из манускриптов *Bibliothecque du Roi*, тогда еще не изданных. Эта новаторская работа, которой до сих пор пользуются неарабисты, являлась последовательным рассказом о Крестовых походах, созданным на основе арабских источников. Целью автора не являлось знакомство читателя с арабскими источниками ради них самих. То же можно сказать о части, названной *Historiens Orientaux* («Восточные историки») знаменитого сборника *Recueil des Historiens des Croisades*, опубликованного во второй половине XIX века под эгидой Академии надписей и изящной словесности. Восточную часть в основном редактировал Барбье де Мейнар, и пять томов, опубликованных в Париже в 1872—1906 годах, содержат отрывки (в оригинале и в переводе) таких историков, как ибн аль-Атир, Абу Шама и Абу-ль-Фида. Этот впечатляющий труд совершенно не приспособлен для чтения, как последовательный рассказ, и его также широко критиковали за плохой подбор отрывков, ошибки в тексте и переводах. Тем не менее он остается широко цитируемым источником, как для востоковедов, так и для специалистов по истории Средневековья.

Настоящая книга — очень скромный труд, по сравнению с упомянутыми выше, разумеется, содержит выдержки из них. Но большинство цитат взяты непосредственно из оригинальных текстов. В книге представлено пятнадцать авторов. Разумеется, ими не исчерпывается список мусульманских авторов, писавших о Крестовых походах, но выбраны наиболее важные представители разных литературных направлений.

Критерий выбора отрывков очевиден: историческая важность, человеческий или литературный интерес, занимательные или живописные детали, возможно не имеющие исторического значения, но помогающие создать яркий запоминающийся образ.

Вторая часть книги, посвященная Саладину и Третьему крестовому походу, по всем критериям является самой объемной. Мы надеемся, что книга в целом даст ясную в целом и точную в деталях картину периода, и, насколько позволяет объем книги, раскроет характерный стиль каждого автора.

Несколько месяцев я провел в компании мусульманских историков Крестовых походов, прочувствовал их яростную фанатичную враждебность к вере наших предков, их преданность и любовь к собственной вере и традициям, проникся их восхищением поборниками веры и мучениками, посвятившими себя ее защите. Я изучал мусульманский мир много лет, но, признаюсь честно, никогда не испытывал такого сочувственного понимания и уважения к этой цивилизации. Несмотря на все ее ошибки и неудачи, она обладала выносливостью, самоотверженностью, жертвенностью, удивительной гибкостью и способностью восстанавливаться и, главное, негибимой верой в абсолютный, данный свыше закон. Когда подобные качества демонстрирует противник, к ним нельзя относиться без уважения. Мы обязаны отдать им должное, не уклоняясь от фактов, и это вовсе не означает, что тем самым мы предаем свою веру.

Франческо Габриэли

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Современные истории Крестовых походов, написанные не востоковедами, использовавшими труды Рейно и сборник *Recueil*, — это R. Grousset, *Histoire des Croisades et du Royaume Franc de Jerusalem*, Paris, 1934—1936; S. Runciman, *A History of the Crusades*, Cambridge, 1951—1954, также следует упомянуть созданный Груссе популярный обзорный труд — *L'épopée des Crusades*, Paris, 1939. Отметим также книгу A. Waas, *Geshichte des Kreuzzuge*, Freiburg, 1956 и два тома масштабного труда по истории Крестовых походов под редакцией Ла Монте и Сеттона, над которыми трудился большой коллектив авторов: *The first hundred years, The later Crusades, 1189—1311*, Philadelphia, 1955, 1962.

Фундаментальная работа по мусульманской историографии и ее многообразию — F. Rosenthal, *A History of Muslim Historiography*, Leiden, 1952; обзор и общая оценка арабских историков Крестовых походов даны в С. Cahen, *La Syrie du Nord a l'époque des Croisades et la principauté franque d'Antioche*, Paris, 1940, p. 39—93. Еще я могу упомянуть свою главу *Historiography of the Crusades* в сборнике *Historians of the Middle East*, Oxford, 1962, p. 98—107. Отмечу также труды следующих авторов: H.A.R. Gibbs, J. Laeumer, B. Lewis.

АВТОРЫ И ИХ ТРУДЫ

Ибн аль-Каланиси

Абу Йала Хамза ибн Аса дат-Тамими, известный как ибн аль-Каланиси (Дамаск, 465/1073—555/1160). Самый ранний арабский историк, писавший о Крестовых походах в своей хронике *Dhail ta'rikh Dimashq* (Приложение к «Истории Дамаска» Хилала ас-Саби). Эта работа, которая продолжает ас-Саби в том же манускрипте, охватывает период с 363/974 до 555/1160 года — года смерти автора.

В «Истории Дамаска» говорится и о Месопотамии, но в основном она посвящена истории Сирии и Дамаска, где ибн аль-Каланиси занимал разные муниципальные и административные должности. Его труд является информацией из первых рук касательно Первого и Второго крестовых походов, до входа Нур ад-Дина в Дамаск. Рассказ обстоятелен и точен и выказывает некоторое пристрастие к династии Туктегина в Дамаске.

Стиль повествования аль-Каланиси сух и объективен, если не считать нескольких глав, написанных более стилизованной прозой. Его объективность в большинстве вопросов, рассказы очевидца о событиях, которые ему довелось пережить, и использование достоверных документов делают хронику ибн аль-Каланиси основным источником информации о первом периоде Крестовых походов.

Ибн аль-Атир

Изз ад-Дин ибн аль-Атир (555/1160 — Мосул, 630/1233) был выходцем из Месопотамии, самым знаменитым из трех братьев, хорошо известным мусульманам с арабским образованием. Его самый важный труд — *Kamil at-Tawarikh* («Совершенная история, или Собрание историй»). Это масштабная история всего мусульманского мира от арабских и иудейских легенд и домагометанского периода до 628/1231 года.

Для раннего периода (до начала XI века) он воспроизводит по большей части собрание ат-Табари. Но что касается последних трех веков, и, особенно, периода жизни самого автора, широта и гармоничность его суждений, богатство собранного материала и, главное, здравый личный взгляд на исторический процесс делают его свидетельства очень важным источником информации. Некоторые ученые считают аль-Атира единственным настоящим историком периода.

Столь выраженная индивидуальность также является причиной его недостатков как автора: тенденции иногда выказывать явное предпочтение династии Зангидов (Занги, Нур ад-Дин и его преемники), неточной хронологии и, временами, отсутствия уважения к источникам. Однако с этими оговорками можно только восхищаться целостностью его труда, который охватывает весь мусульманский мир от Трансоксианы до Магриба и Испании. В нем автор стремится проследить причинно-следственные связи событий, преодолевает трудности техники изложения хрониста и представляет нам факты ясно и убедительно.

Ибн аль-Атир был свидетелем Крестовых походов, хотя и не всегда сочувствующим, а также карьеры Саладина и использовал в качестве источников труды ибн аль-Каланиси, Баха ад-Дина и Имад ад-Дина. Ясность и простота его стиля, отсутствие архаизмов и декоративных элементов, отчетливое желание представить самые существенные факты создали ему репутацию главного историка поздних Крестовых походов.

Камаль ад-Дин

Камаль ад-Дин ибн аль-Адим (Алеппо, 588/1192 — Каир, 660/1262) был историком своего родного города. Он создал большой биографический труд, в наше время еще не опубликованный (*Bughyat at-Talab*, «Желание студентов»), от которого сохранилась только часть, а также историю города (*Zubdat al-halab fi tarikh Halab*, «Сливки истории Алеппо»).

Эти труды основаны на собранных материалах, охватывающих период до 641/1243 года. Его труды были для Алеппо XII и XIII веков тем же, что хроники ибн аль-Каланиси для Дамаска XII века. Для историков Крестовых походов они являются арабским взглядом на события в Северной Сирии.

Усама

Усама ибн Мункыз, эмир Шайзара (Шайзар, 488/1095 — Дамаск, 54/1188) — один из самых интересных сирийских арабов, живших в эпоху Крестовых походов. Он был человек действия и писатель, отличный наездник и охотник, любитель книг и придворный, а также беспринципный политический интриган. Большую часть своей жизни он контактировал с франками, эмирами Сирии и Фатимидами — халифами Египта, но в конце концов умер в полном забвении.

Своей репутацией он обязан автобиографии (*Kitab al-Itibar*, «Книга назидания с иллюстрациями»), которая дошла до нас в неполном манускрипте, хранящемся в библиотеке Эскориала. Это искренний, хотя и многословный автопортрет, а также кладезь анекдотичной информации о мусульманах и франках, современниках автора. К сожалению, сохранилась лишь часть его богатого литературного наследия, в том числе *Kitab al-Asa* («Книга посюха»), сборник традиционных арабских анекдотов, рифм, высказываний и поговорок. В настоящем издании присутствуют выдержки из этого труда.

Баха ад-Дин

Баха ад-Дин ибн Шаддад (Мосул, 539/1145—632/1234) поступил на службу к Саладину в 1188 году, стал кади для армии и остался преданным членом султанской свиты до самой смерти Саладина. При его непосредственных премниках он стал главным кади Алеппо. Его биография султана (*an-Nawadir as-Sultaniyya wa l-mahasin al-yusufiyya*, «Султанские анекдоты и достоинства Юсуфа», Юсуф — собственное имя султана) является отличным историческим и биографическим источником, написанным в духе искренней преданности и восхищения, без примеси грубой лести, и основанным на личных наблюдениях. Стиль прост и свободен от литературной искусственности. Баха ад-Дин дает нам самое полное описание Саладина — таким его видели мусульмане и яркую хронику Третьего крестового похода.

Имад ад-Дин

Имад ад-Дин аль-Исфакхани (Исфакхан, 519/1125 — Дамаск, 597/1201) был секретарем Нур ад-Дина, а потом Саладина, работал в канцелярии при кади аль-Фадиле. Он был ученым и ритором до мозга костей и оставил ценные труды — сборник арабской поэзии XII века, разные исторические произведения, написанные от начала до конца в самом витиеватом и искусственном стиле, на какой только способен язык: белый и рифмованный стих, бесконечная череда аллитераций, метафор и двусмысленностей. Эта трудная и скучная литературная форма заставила других составителей антологий, таких как Абу Шама, приводить лишь основной смысл произведений Имад ад-Дина, однако встречаются чрезвычайно важные исторические факты, не включенные в такие синопсисы, и, чтобы их узнать, нам приходится обращаться к оригиналу. Известен исторический труд Имад ад-Дина о падении Иерусалима, охватывающий период до смерти Саладина (*alFath al-qussi fi l-fath al-qudsi*, что можно перевести как

«Цицероново красноречие о завоевании Святого города», — высокопарный стиль виден даже в названии). Также мы знаем часть *barq ash-Shami*, или «Сирийская молния», которая фиксирует жизнь Саладина и его деяния, начиная с 1175 года. В этих трудах современные исследования выявили — под слоем невозможного стиля — важные сведения о карьере Саладина, а также событиях в Сирии и Месопотамии, которых Имад ад-Дин был участником и которые он описал обстоятельно, точно и трудолюбиво. Тем не менее нам приходится смириться с фактом, что в выбранных отрывках конкретные детали отчасти теряются под ворохом словесного мусора.

Абу Шама

Шихаб ад-Дин Абу-ль-Касим Абу Шама (Дамаск, 599/1203—665 1267) — филолог, преподаватель и трудолюбивый составитель антологий. Его *Kita bar-Raudatain*, «Книга двух садов», касающаяся династий Саладина и Нур ад-Дина, объединяет ценные материалы, для большинства которых у нас также есть первоисточники. Он цитирует (ссылается) работы ибн аль-Каланиси, Имад ад-Дина (переработанные до более скромного и терпимого стиля), Баха ад-Дина, ибн аль-Атира и др. Самыми важными для нас являются его цитаты из не дошедших до нас трудов шиитского историка Алеппо ибн аби т-Тайи (Ibn Abi t-Taуу), среди прочего автора биографии Саладина. «Книга двух садов» также воспроизводит многочисленные документы из канцелярии Саладина, большинство из них от главного секретаря, от которого также осталось собрание личных писем.

Манакиб Рашид ад-Дин

Мы используем это имя для ссылки на писателя из исмаилитской секты в Сирии — ассасинов. «Добродетели нашего господина Рашид ад-Дина» — так можно переве-

сти название его труда, это собрание воспоминаний и анекдотов о лидере исмаилитов в Сирии, которого звали Рашид ад-Дин Синан. Он был современником Саладина. Эти записи, в которых нравочениями придается намного больше важности, чем исторической информации, были собраны в 1324 году скромным членом секты по имени шейх Абу Фирас из Майнаки. В то время влияние исмаилитов уже шло на убыль. Отрывок, переведенный в этой книге, если приподнять завесу легенды, оказывается рассказом об убийстве Конрада Монферрата.

Ибн Васил

Джамал ад-Дин ибн Васил (Хамат, 604/1207—697/1298) занимал разные посты при последних Айюбидах и первых мамлюках. В 1261 году он был послом Бейбарса при дворе Манфреда, и завершил свою карьеру главным кади своего родного города. Его главный труд (*Mufarrij al-Kurub fi akhbar Bani Ayub*, «Рассеиватель тревог, касающихся истории Айюбидов») по большей части повествует о карьере Саладина, но начинается с Зангидов и завершается после Саладина мамлюками — до 680/1282 года.

Сибт ибн аль-Джаузи

Внук более раннего хрониста ибн аль-Джаузи был известным проповедником, прожившим всю жизнь в Дамаске при Айюбидах (Багдад, 582/1186 — Дамаск, 654/1256). Его пространная и масштабная всеобщая история (*Mirat az-zaman*, «Зеркало времен»), два варианта которой дошли до нас, чрезвычайно важна, поскольку только из нее нам известно о некоторых событиях сирийской истории. Этой работе, к примеру, мы обязаны интереснейшими подробностями о визите Фридриха в Иерусалим, а также нашими знаниями об осаде Дамаска крестоносцами веком раньше.

Тарих Мансури

Хроника, повествующая о событиях до 631/1233 года, неизвестного чиновника при дворе Айюбидов в Сирии, некоего Абу-Фадашда из Хамата, посвящена аль-Малику аль-Мансуру, эмиру Химса, отсюда и название — Мансурова хроника. Она представляется важной, поскольку излагает некоторые факты визита Фридриха II на Святую землю, а также конца мусульман на Сицилии, как описано сицилийскими арабами, которые прибыли в Сирию как эмиссары и беженцы. Эти ценные фрагменты были отредактированы Амари.

Ибн Абд аз-Захир

Мухий ад-Дин ибн Абд аз-Захир (Каир, 620/1233—692/1293) был секретарем мамлюкских султанов Бейбарса и Калауна, компилятором официальных актов канцелярии и позднее их биографом на основе собранных им материалов. Части биографии Бейбарса (*Sirat al-Malik az-Zahir*) до сих пор существуют, равно как и антология, собранная его племянником Шафи аль-Аскалани. Большую часть биографии Калауна можно найти в анонимном труде *Tashrif al-ayyam wa l-usur bi-sirat as-Sultan al-Malik al-Mansur* («Чествование лет и дней через жизнь султана аль-Малика аль-Мансура»). Ибн Абд аз-Захир также соиздал жизнеописание сына Калауна — аль-Ашрафа, покорителя Акры, фрагмент которого был опубликован. Остальная работа этого автора пока не опубликована, несмотря на ее важность, как свидетельства очевидца, а также поскольку она содержит ценные официальные документы (письма, договоры и т. д.). Естественно, угодливость автора в отношении своих хозяев заставляет использовать его информацию с осторожностью.

Ташриф

См. ибн Абд аз-Захир

Макризи

Таки ад-Дин аль-Макризи (Каир, 776/1364—845/1442), великий ученый и собиратель древностей, собрал ценные материалы по исторической топографии Египта. Важным для нас является один из его исторических трудов, который почти полностью составлен из произведений других авторов (ибн Васил, Сибт ибн аль-Джаузи, ибн Абд аз-Захир и др.). Он является воистину ключевым при современном состоянии наших знаний. Его *Kitab as-sulukh fi marifa tarik al-mulukh* — «Торная дорога для познания царских династий» — включила историю Айюбидов и мамлюков с 577/1187 до 840/1436 года. В ней можно найти описание двух франкских экспедиций в Египет и описание финальной победы мамлюков в Сирии.

Ибн аль-Фурат

Назир ад-Дин ибн аль-Фурат (Каир, 735/1334—807/1405) был, как Макризи и почти все его современники, составителем антологий. Их важность зависела от тех источников, которые они использовали. Его *Tarikh ad-duwal wa l-muluk* — «История династий и королей» содержит интересные материалы о ранних мамлюках до конца XIV века. Также важным является список цитат из не дошедших до нас трудов шиитского историка Алеппо ибн аби т-Тайи (Ibn Abi t-Taуу) о жизни и временах Саладина.

Аль-Айни

Бадр ад-Дин аль-Айни (Айнтаб, 762/1360 — Каир, 855/1451) был мамлюкским чиновником и придворным, а также филологом и исследователем хадисов. Он также стал составителем всеобщей истории *Iqd al-Juman fi tarikh ahl az-zaman* — «История человечества в разные эпохи», к которой обычно обращаются в поисках источников, пока не приписанных известным авторам или к которым нет прямого доступа.

Абу-ль-Фида

Абу-ль-Фида Имад ад-Дин Исмаил ибн Али аль-Айюби, *Абулфед* арабистов XVIII и XIX веков, вызывающая расположение фигура, эмир и литератор (в стиле Усамы). Он принадлежал к дому Айюбидов после того, как он утратил власть, вытесненный из Сирии и Египта мамлюками. Он заставил их признать свои права на Хамат, где правил, имея титул аль-Малик аль-Муайяд до самой смерти. Его два основных литературных труда — по истории (*Mukhtasar tarikh al-Bashar* — «Краткая история рода человеческого») и по географии (*Takwim al-Buldan* — «Упорядочение стран») — были среди первых сочинений арабской литературы, ставших известными и частично изданными в Европе после начала здесь современного движения арабистов. Это привело сначала к переоценке значения этих двух антологий, которые впоследствии были почти полностью вытеснены обнаруженными более старыми оригиналами. Часть истории, касающаяся времени жизни автора, сохраняет интерес. Он видел, будучи молодым человеком, падение Триполи и Акры и стал очевидцем трагического конца Крестовых походов.

Абу-ль-Махасин

Абу-ль-Махасин ибн Тагрибирди (Каир, 813/1441—874/1468) был одним из большой группы воинов и ученых, которые процветали в эпоху мамлюков. Его знаменитая история Египта — *An-Nujum az-Zahira fi muluk Misr wa l-Kahira* — «Блестящие звезды владык Египта и Каира» — масштабная хроника египетской истории до 857/1453 года. Но она целиком является антологией трудов, написанных другими авторами. Его рассказ об осаде и падении Акры при аль-Ашрафе (из современного источника), в сравнении с повествованием Абу-ль-Фида, представляется самым интересным из всех известных нам описаний этого события. В опубликованной биографии султана ибн Абд аз-Захира нет упоминания об этом событии.

Часть первая ОТ ГОДФРУА ДО САЛАДИНА

ГЛАВА 1

Наши основные источники информации о Первом крестовом походе ибн аль-Каланиси из Дамаска и ибн аль-Атир из Месопотамии. Если ибн аль-Каланиси ограничивается хронологическим перечислением событий, то ибн аль-Атир рассказывает о разных этапах Крестового похода, увязывая их в общую картину христианского восстания против ислама, начиная с завоевания Испании и норманнского вторжения на Сицилию. Он дает самый полный и убедительный, если и не строго фактический рассказ о падении Антиохии и Иерусалима, создании христианских государств на Святой земле и первых попытках мусульман отомстить.

Франки захватывают Антиохию

Ибн аль-Атир

Сила франков впервые стала очевидной, когда в году 478/1085—1086 они вторглись на территории ислама и захватили Толедо и другие районы Андалусии. Затем в 484/1091 году они напали на остров Сицилия и покорили его (дата явно относится к концу Норманнского завоевания), после чего обратили свои взоры на африканское по-

бережье. Некоторые из покоренных ими территорий впоследствии были отвоеваны, но, как вы увидите, у франков были другие успехи.

В 490/1097 году франки напали на Сирию. Вот как все начиналось. Балдуин, их король (этот Балдуин — *Bardawil* — мифический персонаж, собранный из разных Балдуинов Фландрии и Иерусалима; или же первого Балдуина ошибочно считали королем на западе), родственник Рожера-франка, который покорил Сицилию, собрал большую армию и послал сообщение Рожеру. В нем было сказано: «Я собрал большую армию и теперь направляюсь к тебе, чтобы использовать твои базы для покорения африканского побережья. Так мы с тобой станем соседями».

Рожер собрал своих приближенных, чтобы посоветоваться об этих предложениях. «Это будет хорошо и для них, и для нас, — решили они, — ибо таким образом эти земли будут обращены в истинную веру». Этот самый Рожер поднял одну ногу, громко пустил газы и заявил, что их совет ничего не стоит. Если эта армия придет, ей понадобится много продовольствия, флот, чтобы переправить ее в Африку, и подкрепление. Если франкам удастся покорить эту территорию, им понадобится снабжение продовольствием с Сицилии. Это будет стоить годового дохода с урожая. Если у них ничего не выйдет, они вернутся сюда, и от них будут только неудобства и неприятности. А Тамим (эмир Туниса из Зангидов Тамим ибн Муиз) скажет, что он, Рожер, нарушил договор с ним, и дружественным, равно как и торговым отношениям с ним придет конец. Африка никуда не денется. Рожер решил, что, когда он будет достаточно силен, он сам ее захватит.

Он призвал посланца Балдуина и сказал: «Если вы решили воевать с мусульманами, лучше сначала освободите Иерусалим от их правления, и заслужите этим большие почести. А я связан обещаниями и договорами с правителями Африки». Итак, франки приготовились и решили напасть на Сирию.

Согласно другому варианту, Фатимиды Египта испугались, когда увидели, что Сельджукиды расширяют свою империю через Сирию до Газы, а Атзиз даже вторгся в

Египет (генерал сельджукидского султана Малик-шаха, в 1076 году напавший на Египет из Палестины). Поэтому они пригласили франков вторгнуться в Сирию и защитить Египет от мусульман (разумеется, Фатимиды тоже были мусульманами, но они были еретиками, выступавшими против суннитского ислама).

Когда франки решили напасть на Сирию, они направились на восток — к Константинополю, чтобы переправиться через пролив и попасть на мусульманскую территорию более простым сухопутным путем. Когда они подошли к Константинополю, император Востока отказал им в разрешении пройти через его владения. Он сказал: «Если вы сначала не пообещаете мне Антиохию, я не разрешу вам пройти в мусульманские земли». Его подлинным намерением было подбить их напасть на мусульман, поскольку он был убежден, что турки, чью неодолимую власть над Малой Азией он видел, уничтожат их всех. Франки приняли его условие, и в 490/1097 году переправились через Босфор в Константинополе. Иконий и вся остальная территория, куда теперь двигались франки, принадлежала Кылыч Арслану ибн Сулейману ибн Кутлумишу, который преградил им путь своими войсками. Они прорвались (в районе Дорилея) в месяце раджаб 490/июле 1097 года, перешли Киликию (буквально — земля сына Армена — так арабские авторы называют Малую Армению). Наконец, они дошли до Антиохии и осадили ее.

Когда Яги Сиян, правитель Антиохии, услышал об их приближении, он не знал, как поведут себя христиане города, поэтому вывел за стены одних только мусульман, чтобы они рыли траншеи, а на следующий день заменил их христианами, которым поручил продолжить работу. Когда они в конце дня собрались по домам, он не пустил их обратно. Антиохия ваша, сказал он, но вам придется оставить ее мне, пока я не увижу, что будет между нами и франками. Они спросили, кто защитит их женщин и детей, и правитель заверил, что позаботится о них. Тогда христиане Антиохии смирились со своей судьбой и в течение девяти месяцев, пока город оставался в осаде, жили в лагере франков.

Яги Сиян продемонстрировал небывалую смелость и мудрость, силу и рассудительность. Если бы все франки, которые умерли, остались живы, они бы заняли все земли ислама. Он защитил семьи христиан Антиохии, и с их голов не упал ни один волос.

Осада затянулась, и франки договорились с одним из защитников города, который отвечал за башни. Это был человек, делавший кирасы, по имени Рузбих (другой вариант чтения — Фируз), которого подкупили большой суммой денег и участком земли. Он работал в башне, которая стояла над рекой, в том месте, где она вытекает из города в долину. Франки заключили сделку с этим человеком — будь он проклят! — и он провел их к водным воротам. Франки открыли их и вошли в город. Еще одна банда франков забралась в башню по веревкам. На рассвете, когда больше 500 франков вошли в город, а защитники были утомлены ночным бдением, слышали звуки труб. Яги Сиян проснулся и спросил, что за шум. Ему сказали, что трубы играли в цитадели, а значит, ее, наверное, взяли. На самом деле звуки доносились не из цитадели, а из башни. Яги Сиян запаниковал. Он открыл ворота города и в ужасе бежал. С ним было не больше тридцати человек. К правителю прибыл командир гарнизона, но, узнав, что Яги Сиян бежал, он последовал его примеру, воспользовавшись другими воротами. Тем самым он оказал помощь франкам, поскольку, если бы он продержался еще час, с ними было бы покончено. Они толпой вошли в город через ворота, разграбили его и убили всех мусульман, которых встретили. Это случилось в первом месяце джумада 491/апреле—мае 1098 года (3 июня, согласно европейским источникам). Что касается Яги Сияна, когда солнце встало, он успокоился и осознал, что успел удалиться на несколько фарсахов от города (один фарсах — парсанг — около 4 миль). Он спросил своих спутников, где они находятся, и, услышав, что до Антиохии четыре фарсаха, жестоко раскаялся в том, что решил спастись, а не бороться с иноземцами. Он стал стенать и рыдать, понимая, что бросил на произвол судьбы своих жен и детей. Его горе было таким сильным, что он лишился чувств и упал с коня. Спутники

попытались поднять его и усадить в седло, но не преуспели, и оставили его лежащим на земле, посчитав мертвым, а сами отправились дальше. Он уже был при последнем издыхании, когда его нашел армянский пастух, убил, отрезал голову и отнес франкам в Антиохию.

Франки написали правителям Алеппо и Дамаска, что их не интересуют мусульманские города, за исключением тех, что раньше принадлежали Византии. Это был обман, рассчитанный на то, чтобы убедить этих правителей не помогать Антиохии.

Мусульманские нападения на франков и их результаты

Ибн аль-Атир

Когда Кавам ад-Даула Кербога (турецкий эмир Мосула) услышал, что франки взяли Антиохию, он собрал армию и пошел в Сирию, где разбил лагерь в районе Мардж-Дабик. Все турецкие и арабские силы в Сирии присоединились к нему, за исключением армии из Алеппо. Среди его сторонников были: Дукак ибн Тутуш (правитель Дамаска из Сельджукидов, которого вскоре сменил его военачальник, атабек Туктегин, чье имя следующее в списке, ставший самым активным и непримиримым противником крестоносцев во время первой фазы завоеваний), атабек Туктегин, Джанах ад-Даула из Химса, Арслан Таш из Санджара и другие, не столь важные эмиры. Когда франки услышали об этом, они встревожились и испугались, потому что их армия была уже слабой, и ей не хватало продовольствия. Мусульмане наступали и оказались лицом к лицу с франками как раз перед Антиохией. Кербога думал, что кризис заставит мусульман сохранить лояльность ему, но настроил их против себя гордыней и дурным обращением. Они втайне сговорились предать его и покинуть в разгар сражения.

Взяв Антиохию, франки стояли там лагерем в течение двенадцати дней без еды. Богатые ели своих лошадей, а бедняки — падаль и листья с деревьев. Их лидеры, видя,

что дело плохо, написали Кербоге, требуя безопасного прохода через его территорию, но тот отказался, заявив: «Вам придется пробиваться силой». Среди лидеров франков был Балдуин (впоследствии Балдуин II), Сен-Жиль, Годфруа Буйонский, будущий граф Эдессы, и Боэмунд Антиохийский. С ними был также святой человек, имевший на них большое влияние, который заявил, что Мессия закопал копьё в Qusyan — большом сооружении в Антиохии (речь идет о церкви Святого Петра в Антиохии; в арабских источниках ее называют Qusyan, по имени человека, сын которого был воскрешен из мертвых святым Петром). «Если вы его найдете, то одержите победу, а если нет — умрете». Перед этим он закопал копьё в определенном месте и скрыл все следы. Он заставил франков поститься и каяться в течение трех дней, а на рассвете четвертого дня повел их к месту, где закопал копьё, и они его выкопали (такой видит находку священного копья с участием Петра Бартоломью, мусульманин-рационалист). После этого он воскликнул: «Возрадуйтесь! Ваша победа обеспечена!» И на пятый день франки покинули город группами по пять или шесть человек. Мусульмане сказали Кербоге: «Ты должен идти в город и убить их всех, когда они будут выходить. Легко поймать их сейчас, когда они разделились». Но Кербога ответил, что надо подождать, когда они выйдут все, и тогда их убить. Он не позволил людям атаковать врага, и, когда какие-то мусульмане убили группу франков, он лично позаботился, чтобы осудить такое поведение и предотвратить повторение. Когда все франки покинули город, и в Антиохии не осталось никого, они начали мощную атаку, и мусульмане бежали. Это была ошибка Кербоги. Сначала он отнесся к мусульманам с презрением, а потом не позволил убить франков. Мусульмане обратились в бегство, не нанеся ни одного удара и не выпустив ни одной стрелы. Последними бежали Сукман ибн Артук и Джанах ад-Даула, которые были посланы устроить засаду. Кербога спасся вместе с ними. Когда франки увидели это, они побоялись, что им устроили ловушку, поскольку не было никакого боя, от которого следовало бежать. И они не осмелились преследовать

мусульман. Единственными мусульманами, которые держались твердо, были люди со Святой земли, которые сражались, ибо старались заслужить одобрение Всевышнего, стать мучениками. Франки убивали их тысячами. Они разграбили их лагерь, унесли продовольствие, имущество, оружие, увели коней и присвоили все это себе.

Франки берут Мааррат-ан-Нуман

Ибн аль-Атир

Нанеся удар мусульманам, франки двинулись на Мааррат ан-Нуман и осадили его. Жители храбро защищали свой город. Когда франки поняли, что решимость и упорство защитников не сломить, они построили деревянную башню, высокую, как городские стены, и забрались на самый ее верх, но не причинили защитникам особого вреда. Однажды ночью нескольких мусульман внезапно охватила паника. Они по непонятной причине решили, что если забаррикадируются в самой высокой постройке города, то им будет легче себя защитить. Поэтому они спустились со стены и покинули позицию, которую защищали. Другие заметили их бегство и последовали их примеру, оставив большой участок стены незащищенным. Так одна группа следовала за другой, и вскоре вся стена осталась незащищенной, и франки забрались на нее, используя осадные лестницы. Их появление в городе привело мусульман в ужас, и они закрылись в своих домах. Три дня не прекращалась бойня. Франки убили больше 100 000 жителей и взяли несчетное число пленных. Захватив город, франки провели в нем шесть недель, после чего отправили экспедицию в Акру, которую осаждали четыре месяца. Хотя они проделали несколько брешей в стенах, взять город штурмом не смогли. Мункид, правитель Шайзара, заключил с ними договор об Акре, и они оставили ее, направившись к Химсу. Там правитель Джанах ад-Даула тоже заключил с ними договор, и они выступили к Акре мимо ан-Наварика. Однако Акру они не взяли.

Франки покоряют Иерусалим

Ибн аль-Атир

Тадж ад-Даула Тутуш (сирийский Сельджукид, брат Маликшаха) был господином Иерусалима, но отдал его, как фьеф, эмиру Сукману ибн Артуку, туркмену. Когда франки разгромили турок в Антиохии, бойня лишила их мужества, и египтяне, которые видели, что армии турок ослаблены дезертирством, осадили Иерусалим под командованием аль-Афдаля ибн Бадр аль-Джамали (визирь Фатимидов). В городе были сыновья Артука, Сукман и Ильгази, их брат Сунидж и племянник Якути. Египтяне доставили больше сорока осадных машин, обстреляли Иерусалим и проломили стены в нескольких местах. Жители оказали сопротивление, и осада и бои велись больше шести недель. В конце египтяне заставили город сдаться. Это было в месяце шабан 489 / августе 1096 года (если бы эта дата была верна, то не было бы связи с падением Антиохии; на самом деле египтяне взяли Иерусалим в 1098 году). Аль-Афдаль хорошо обошелся с Сукманом, Ильгази и их друзьями. Он дал им много денег и отпустил. Они отправились в Дамаск, а потом пересекли Евфрат. Сукман обосновался в Эдессе, а Ильгази отбыл в Ирак. Египетским правителем Иерусалима стал некто Ифтихар ад-Даула — который все еще был там во время, о котором мы говорим.

После тщетной попытки взять Акру осадой франки пришли к Иерусалиму и осаждали его шесть недель или больше. Они построили две башни, одну из которых, расположенную возле Сиона, мусульмане сожгли и убили всех, кто был в ней. Она еще продолжала гореть, когда прибыл гонец с просьбой о помощи. Он же принес весть, что другая часть города пала. На самом деле Иерусалим был взят с севера утром в пятницу, 22-й день месяца шабан 492 / 15 июля 1099 года. Население было предано мечу франками, которые неделю грабили окрестности. Отряд мусульман забаррикадировался в *Mihrab Dawud* (в европейских источниках — Башня Давида, расположен-

ная в цитадели; не путать с небольшим святилищем, носившим то же название, в окрестностях Храма) и сражался несколько дней. Им обещали жизнь в обмен на капитуляцию. Франки сдержали слово, и эта группа мусульман ночью ушла в Аскалон. В *Masjid al-Aqsa* (мечеть аль-Акса) франки убили 70 000 человек, и среди них много имамов и мусульманских ученых, набожных людей и аскетов, которые покинули свои дома, чтобы вести благочестивую жизнь в Святом городе. Франки сняли с Купола Скалы сорок или больше серебряных канделябров, каждый из которых весил 3600 драм, и большую серебряную лампу, весившую сорок четыре сирийских фунта, а также сто пятьдесят серебряных канделябров меньшего размера и еще двадцать золотых. Было много и другой добычи (мусульмане, веря, что с этой скалы Мухаммед вознесся на небеса, построили над ней так называемую мечеть Умара, главный исламский памятник Иерусалима; отсюда и добыча). Беженцы из Сирии добрались до Багдада в месяце Рамадан. Среди них был кади Абу Сад аль-Харави. Они рассказали людям халифа историю, которая тронула их сердца и вызвала слезы. В пятницу они пошли в мечеть и попросили помощи, плача так, что те, кто был вокруг, тоже начинали плакать, слушая о страданиях мусульман в Святом городе: мужчин убивали, женщин и детей вводили в плен, дома разоряли. Из-за ужасных трудностей, которые им довелось пережить, им разрешили нарушить пост.

Разлад между мусульманскими принцами — мы в этом убедимся — позволил франкам завоевать страну. Абу л-Музаффар аль-Абиварди, иракский поэт X—XI веков, написал на эту тему несколько поэм, в одной из которых сказано:

Мы мешали кровь с текущими слезами, и в нас не осталось
места для жалости.
Лить слезы — худшее орудие мужчины, когда мечи ворошат
угли войны.
Сыны ислама, позади вас битвы, в которых головы падают к
ногам.

Смеете ли вы спать в благословенной тени безопасности, где жизнь так же нежна, как цветок орхидеи?
Как может глаз прятаться под веками в то время, когда несчастья будят всех спящих?
Пока ваши сирийские братья могут спать только на спинах своих коней или в животах стервятников.
Должны ли чужеземцы богатеть на нашем бесславии, пока вы ведете приятную жизнь, как люди, чей мир в мире?
Когда пролита кровь, когда красивые девушки вынуждены от стыда закрывать лица руками.
Когда белые острия мечей красны от крови, и наконечники копий покрыты бурыми пятнами.
При звуке меча, ударяющего по копыю, волосы малых детей белеют.
Это война, и мужчина, который избегает водоворота, чтобы спасти свою жизнь, должен покаянно скрипеть зубами.
Это война, и неверный сжимает в руке обнаженный меч, готовясь снести нам головы.
Это война, и тот, кто лежит в гробнице Медины, кажется, призывает: «О сыны Хашима!» (пророк из могилы упрекает своих потомков (сынов Хашима), то есть недостойных халифов, не проявляющих энтузиазма в сопротивлении крестоносцам).
Я вижу, что мой народ не спешит направить копьё против врага, я вижу, что наша вера опирается на слабые столбы.
Боясь смерти, мусульмане избегают огня сражения, отказываются верить, что смерть непременно найдет их.
Должны ли тогда арабские воины покорно страдать, пока храбрые персы закрывают глаза на свое бесчестье?

Захват Боэмунда Антиохийского

Ибн аль-Атир

В месяце зуль-када этого года (493 / сентября 1100) Кумуштикин ибн ад-Данишманд Таилу, правитель Малатии, Сиваса и других территорий, встретил Боэмунда-франка, одного из франкских лидеров, возле Малатии. Прежний правитель Малатии имел договор о дружбе с Боэмундом и попросил его о помощи. Боэмунд прибыл с 5000 человек, но был разбит в сражении и взят в плен ибн ад-Данишмандом. Тогда семь франкских графов

прибыли из-за моря, чтобы освободить Боэмунда. Они подошли к крепости, названной Анкурийя, взяли ее и убили всех мусульман, которые в ней были, после чего перешли к другому форту и осадили его. Исмаил ибн ад-Данишманд, защищавший форт, собрал большую армию, устроил им засаду и бросил вызов в бою. В сражение вступили крупные силы, и из 300 000 франков только 3000 сумели спастись. Но и они были ранены и измучены. Ибн ад-Данишманд напал на Малатию, захватил ее и пленил правителя. Франкская армия вышла из Антиохии, чтобы бросить ему вызов, но он вступил в бой и разбил ее. Все это случилось в течение нескольких месяцев.

Смерть Годфруа и последовавшие за ней завоевания франков

Ибн аль-Атир

В этом году (491/1100) Годфруа, франкский король Сирии, правитель Иерусалима, пошел на прибрежный город Акра и осадил его, но был убит стрелой (все мусульманские источники утверждают, что Годфруа был убит в бою). До своей смерти он укрепил город Яффа и передал его франкскому графу по имени Танкред. После смерти Годфруа его брат Балдуин пошел на Иерусалим. С ним было 500 воинов конных и пеших. Когда ибн Дукак, правитель Дамаска, услышал об этом, он повел свою армию против них. С ним был Джанах ад-Даула из Химса. Вместе они разбили франков.

В том же году франки взяли Сарудж в Месопотамии. В их руках уже была Эдесса, по соглашению с жителями, большинство которых были армяне, и только несколько мусульман. В это время Сукман собрал большую армию туркмен в Сарудже и напал на франков, но потерпел поражение. Это было в первом месяце раби / январе-феврале 1100 года. Когда франки разбили мусульман, они пошли на Сарудж, осадили его и взяли. Они убили большинство мужчин, увели в рабство женщин и разорили город. Только те, кто сумели заблаговременно выбраться из города, спаслись.

В том же году франки взяли порт Хайфа, что недалеко от Акры, и изгнали население. В месяце раджаб / мае они атаковали и взяли Кесарию, убили население и разграбили город.

Франк Сен-Жиль осаждает Триполи

Ибн аль-Атир

Франк Сен-Жиль (Раймунд де Сен-Жиль, граф Тулузы и основатель франкской династии в Триполи) и Кылыч Арслан ибн Сулейман ибн Кутлумиш, правитель Икония, сошлись в сражении. У Сен-Жилля было 100 000 человек (едва ли стоит указывать, что это нелепое преувеличение, как это часто бывает с данными мусульманских хронистов), а у Кылыч Арслана только несколько. В бою франки были разбиты, многие убиты или взяты в плен, и Кылыч Арслан вернулся домой с добычей от этой неожиданной победы. Победенный Сен-Жиль удалился в Сирию, имея при себе только 300 человек. Правитель Триполи Фахр аль-Мульк ибн Аммар послал к эмиру Яхузу, который правил Химсом для Джанаха ад-Даула, и к Дукаку ибн Тутушу, правителю Дамаска, чтобы предложить им воспользоваться благоприятной возможностью — слабостью Сен-Жилля. Яхуз отправился лично, а Дукак послал 2000 человек, к которым присоединилось подкрепление из Триполи. Они собрались у ворот Триполи и вызвали Сен-Жилля на бой. Принц франков приказал сотне своих людей напасть на отряд из Триполи, другой сотне — на армию из Дамаска. Еще 50 человек напали на отряд из Химса. 50 человек он оставил при себе. Люди из Химса бежали, едва увидев противника, за ними последовали люди из Дамаска. Только люди из Триполи были тверды и дали бой. Когда Сен-Жиль понял, что происходит, он возглавил отряд из 200 других франков, который напал на мусульман, разогнал их и убил семь тысяч. Затем он осадил Триполи — ему помогло местное население с гор и из окрестных селений, которое было в основном христиан-

ским. Горожане упорно защищались, и 300 франков были убиты. Сен-Жиль заключил с ними договор, и в обмен на деньги и лошадей снял осаду Триполи и напал на Гортосу, что в той же провинции. Осада была успешной. Франки убили большую часть населения, после чего пошли к форту Ат-Тубан, что недалеко от Ранийи, где командиром был некто ибн аль-Арид. В битве, которая имела место, мусульмане одержали верх и взяли в плен одного из главных франков, за которого Сен-Жиль предложил выкуп в 100 000 динаров, и еще 1000 пленных, но предложение не было принято (в средневековом мусульманском мире существовали разные значения динара; «официальный» эквивалент — 4,25 грамма чистого золота).

Боэмунд освобожден, а Балдуин потерпел поражение при Рамле

Ибн аль-Атир

В этом году (495/1102) Данишманд освободил франка Боэмунда, правителя Антиохии, о пленении которого мы рассказали. Выкуп был 100 000 динаров и возвращение дочери Кылыч Арслана, которую Боэмунд взял в плен. Освободившись, Боэмунд направился прямо в Антиохию, где его прибытие вселило энтузиазм и подняло моральный дух его людей. Вскоре после этого он послал гонцов через Сирию в Киннасрин и окрестности, чтобы потребовать дань. Это вызвало страдания мусульман, которые свели на нет славные дела Данишманда. В том же году Сен-Жиль осадил Хисн-аль-Акрад (Крак-де-Шевалье — могущественная крепость, расположенная к северо-востоку от Триполи, которая сыграла важную роль в истории Крестовых походов). Джанах ад-Даула собирал армию, чтобы напасть на франков с тыла, когда был убит в большой мечети Химса членом секты батинитов (они же исмаилиты и ассасины; террористическая деятельность этой секты, о которой есть упоминания во всех историях Крестовых походов, не приветствовалась ни мусульманами, ни, разумеется, франками).

Говорят, что родственник короля Балдуина вложил нож в руку убийцы. Наутро после смерти Джанах ад-Даула Сен-Жилль появился у стен Химса, осадил его и взял. Из Химса он стал контролировать все владения Джанах ад-Даула.

Во втором месяце джумада/апреле 1102 года граф осадил Акру и едва не захватил ее. Он доставил к стенам города осадные машины и башни и блокировал гавань шестнадцатью галерами. Мусульмане собрались со всего побережья, сожгли осадные машины и башни врага и потопили его корабли. Аллах даровал мусульманам славную победу над неверными.

Франкский граф Эдессы провел много месяцев, осаждая Бейрут, но в конце концов оставил тщетные попытки и увел войска.

Наконец, в месяце раджаб/мае 1102 года египетские армии двинулись на Аскалон, чтобы не позволить франкам занять остатки египетских владений в Сирии. Когда Балдуин Иерусалимский услышал новость, он выступил на мусульман с 700 кавалеристами. Но Аллах даровал победу мусульманам, и франки понесли большие потери. Балдуин попытался спастись, спрятавшись в зарослях тростника, но его выкурили оттуда, и он сильно обгорел. Он бежал в Рамлу, преследуемый мусульманами, и сумел добраться до Хайфы, хотя многие его спутники были убиты или взяты в плен.

Франки берут Джубайль и Акру

Ибн аль-Атир

В этом году (497/1103—1104) некоторые корабли из земли франков достигли Лаодикеи. Они привезли солдат, купцов, паломников и других людей. Сен-Жилль использовал их как сухопутное и морское подкрепление в осаде Триполи и продолжал нападать на город. Но он не смог довести дело до конца и стал нападать на Джубайль. Когда жители поняли, что дальнейшее сопротивление бесполезно, они попросили мира и сдали город. Но франки не выполнили условий мирного соглашения. Они захватили имущество

мусульман, используя все доступные им формы насилия, и даже пытки. После Джубайля франки пошли дальше к Акре на помощь Балдуину, королю Иерусалима. Город был осажден с суши и моря. Его правителем был некий Банна, известный, как Захр ад-Даула аль-Джуйуши, по имени фатимидского визиря аль-Малика аль-Джуйуши аль-Афдаля. Он оказал упорное сопротивление, хотя атаки не прекращались, но в конце концов капитулировал и покинул город. Франки взяли его штурмом и обрушили всю свою ярость на население. Правитель бежал в Дамаск, но через некоторое время вернулся в Египет, чтобы защититься перед аль-Афдалем, который принял его объяснения.

ГЛАВА 2

Следующие страницы, тоже взятые из трудов ибн аль-Атира, описывают два важных процесса: энергичное сопротивление мусульман натиску франков на Харран, аванпост на пути в Багдад, и формирование в это время франко-мусульманской коалиции для ведения войн между собой. Отсутствие объединяющей политики у мусульман, которая дала преимущества крестоносцам, «заразило» победителей, и Балдуин Эдесский и Танкред Антиохийский не испытывали никаких угрызений совести, заключая союзы с противоборствующими мусульманскими эмирами.

Сук Ан и Чекермиш возглавляют экспедицию против франков

Ибн аль-Атир

Пока франки завоевывали и обустривались на территориях ислама, правители и армии ислама воевали между собой, сея разлад и вызывая отсутствие единства среди своих народов и ослабляя их могущество, которое они могли бы использовать для противоборства с врагом. В городе Харран правил один из мамлюков Малик-шаха по имени

Караджа, который годом раньше покинул город под командованием Мухаммеда аль-Исфахани. Этот человек, опираясь на народную поддержку, восстал против Караджа, потому что тот был тиран, а аль-Исфахани — умный и грамотный человек. Единственным сторонником Караджа в Харране был турок по имени Жавали, с которым аль-Исфахани подружился и сделал его командиром армии. Однажды, когда они вместе пили и аль-Исфахани опьянел, Жавали убил его — с молчаливого согласия одного из слуг. Затем франкская армия из Эдессы пошла на Харран.

Муин ад-Даула Сукман и Шамс ад-Даула Чекермиш (первый, как уже говорилось раньше, был артукидским эмиром Хисн-Кайфы, а второй — эмиром Мосула) устроили вендетту, вызванную убийством Чекермишем племянника Сукмана. Об этом пойдет речь дальше. Узнав, что случилось, они предложили объединить свои силы, чтобы спасти положение в Харране. Каждый заявил, что отдает себя Аллаху и ждет награды только от него. Они приветствовали инициативы друг друга и встретились на берегу реки Хабур, где подтвердили свой союз. Вместе они пошли на франков. У Сукмана было 7000 туркменских кавалеристов, а у Чекермиша — 3000 турецких конников, а также арабы и курды. Они встретили врага на берегу реки Балих, где в мае 1104 года состоялась битва. Мусульмане сделали вид, что отступают, и франки преследовали их на протяжении двух фарсахов. Потом мусульмане набросились на своих преследователей и убили их. Туркмены взяли много добычи. Добыча оказалась не только большой, но и очень ценной, потому что они находились рядом с регионами, где властвовали франки. Боэмунд Антиохийский и Танкред Галилейский находились на некотором расстоянии от главных сил армии. Они прятались за холмом, откуда должны были напасть на мусульман в разгар битвы. Появившись, они обнаружили, что франки бегут, а их владения грабят. Они дождались ночи и отступили, преследуемые мусульманами, которые убили и взяли в плен многих. Боэмунд и Танкред с шестью рыцарями спаслись. Балдуин Эдесский бежал с группой своих графов. Они направились в сто-

рону Балиха, но их кони увязли в грязи, и их схватил отряд туркмен Сукмана. Балдуина отвели в шатер хозяина, но Сукман в это время отсутствовал — вместе с отрядом он преследовал Боэмунда. Воины Чекермиша поняли, что армия Сукмана захватила добычу из лагеря франков, в то время как сами они вернулись с пустыми руками, и сказали Чекермишу: «Что мы должны говорить нашим людям или туркменам, если солдаты Сукмана захватили всю добычу, а у нас нет ничего?» Они убедили его захватить графа из шатра Сукмана. Когда Сукман вернулся, он очень разозлился, а его люди вскочили в седла и приготовились броситься в погоню. Но Сукман остановил их и сказал: «Мусульмане лишатся мужества из-за нашей ссоры и обрадуются нашему примирению. Я не желаю доставлять удовольствие противнику. Он не увидит, как я даю волю гневу и выплескиваю его на своих собратьев по вере».

Сукман вернулся на поле боя, поднял оружие и знамена, брошенные франками, велел своим людям надеть одежды франков и сесть на их коней и направил их к фортам, занятым франками в Шайхане. Думая, что их люди возвращаются с победой, те вышли им навстречу из первого форта и были убиты. Мусульмане взяли форт и повторили трюк со следующими фортами. Тем временем Чекермиш пошел на Харран, занял его, оставил там доверенного офицера, проследовал дальше и две недели осаждал Эдессу. Потом он вернулся в Мосул, взял с собой Балдуина, которого захватил из шатра Сукмана, и установил выкуп в размере 35 000 и еще сто шестьдесят мусульманских пленных. Франки потеряли 12 000 человек.

Балдуин Эдесский и Танкред Атихийский

Ибн аль-Атир

Когда Жавали (турецкий эмир, который захватил Мосул у Чекермиша, тюремщик Балдуина) добрался до Ма-

кисина, он освободил франкского графа, который был пленником в Мосуле. Он привез его с собой. Имя графа — Балдуин. Он был правителем Эдессы, Саруджа и других городов. Находясь в тюрьме, он предлагал огромные суммы за свое освобождение, но так и не получил свободу. После того как он провел в тюрьме пять лет (с 1104 по 1108 год), Жавали освободил его и подарил почетные одежды. Было договорено, что выкуп составит некое количество динаров, освобождение мусульман, которые находились в плену у его людей, и обязательство прийти на помощь Жавали, когда возникнет необходимость. Когда условия были согласованы, Жавали отправил графа в форт Джабар под надзор его правителя, которого звали Салим ибн Малик, до прибытия племянника графа Жослена, храброго франкского рыцаря и принца Тель-Башира. Он был взят в плен в том же бою, что и граф, но выкупил себя за 20 000 динаров. Жослен прибыл в Джабар в качестве заложника за графа, который свободно отправился в Антиохию. После этого Жавали освободил Жослена, приняв в качестве заложников вместо него племянников его и графа. Жослен направился вслед за графом, чтобы укрепить его решимость освободить мусульманских пленных, заплатить выкуп и выполнить остальные обязательства. Когда Жослен прибыл в Марбидж, он захватил и разграбил его. Некоторые из людей Жавали, сопровождавшие его, упрекнули его в насилии, но тот возразил, что это не их дело.

Граф, вернувшись в Антиохию, получил от Танкреда 30 000 динаров, лошадей, оружие и одежду. Танкред взял город, пока граф был в заключении. Теперь Балдуин потребовал, чтобы тот возвратил ему город, но не встретил понимания. Он перебрался в Тель-Башир, где прибытие Жослена, освобожденного Жавали, обрадовало и вдохновило его. Тем временем Танкред готовился напасть на него, прежде чем он успеет собрать армию и заручиться подкреплением, и раньше, чем Жавали придет ему на помощь. Эти люди привыкли воевать друг с другом, а потом, после боя, ужинали вместе и беседовали.

Граф освободил сто шестьдесят мусульманских пленных, все из графства Алеппо. Он дал им одежду и отправил восвояси. Танкред вернулся в Антиохию, так и не решив проблему Эдессы. Балдуин и Жослен совершили ряд набегов на форты Танкреда с помощью Кавасила, армянина, контролировавшего Рубан, Кайсум и другие форты, расположенные к северу от Алеппо, армия которого являла собой весьма разношерстное сборище, в котором были даже мусульманские ренегаты. Балдуин получил от него подкрепление — 2000 кавалеристов и 2000 пехотинцев, все они были обращенными. Танкред приготовился к бою и послал патриарха Эдессы, статус которого, как статус халифа у мусульман, требовал всеобщего подчинения, чтобы провести переговоры относительно Эдессы. Группа митрополитов и священнослужителей засвидетельствовала, что Боэмунд, дядя Танкреда, который намеревался вернуться в Европу, велел Танкреду возвратить город графу, когда тот освободится из тюрьмы. И в 9-й день месяца сафар 502 / 29 сентября 1108 года Танкред вернул Эдессу Балдуину. Балдуин переправился через Евфрат и передал послам Жавали деньги и людей, которых обещал, а также пленных из Харрана и других мест. В Сарудже послы Жавали отремонтировали мечеть, где молились три сотни бедных мусульман. Правитель Саруджа был новообращенным. Люди Жавали слышали, как он плохо говорил об исламе, и побили его. Это привело к большой ссоре. Дело дошло до графа. Тот сказал: «Этот человек не нужен ни вам, ни мне», и его убили.

В месяце сафар 502 / сентябре 1109 года имело место сражение между Жавали Сакау и Танкредом-франком, князем Антиохии. Причиной стало письмо, посланное Ридваном из Алеппо Танкреду, в котором сообщалось о предательском плане Жавали напасть на Алеппо. Ридван сказал, что, если Жавали будет в Алеппо, франки Танкреда не смогут удержаться в Сирии. Он хотел, чтобы Танкред помог ему отбросить их. Танкред с радостью согласился и вышел из Антиохии с шестью сотнями кавалеристов, посланных Ридваном. Когда Жавали услышал

об этом, он, в свою очередь, попросил помощи Балдуина Эдесского в обмен на остаток суммы выкупа. Балдуин покинул Эдессу и встретился с Жавали в Марбидже. В это время Жавали узнал, что армия султана (Сельджукида Мухаммеда ибн Маликшаха, 1104—1117, феодального властелина всех этих эмиров) захватила Мосул и все деньги и сокровища, которые там были у Жавали. Это был тяжелый удар для него, и его покинули многие прежние сторонники, среди которых были атабек Занги ибн ак Сункур и Бакташ ибн ан-Нахаванди. У Жавали осталась тысяча кавалеристов, а также отряд добровольцев, сохранивших ему преданность. Когда две армии развернулись возле Телль-Башира, у Танкреда было 1500 своих кавалеристов, шестьсот от Ридвана и еще пехота. Жавали расположил эмиров Аксияна и Алунташа аль-Абарри на правом фланге, Бадран ибн Садака, Испахбад Сабау и Сункура Дираза на левом фланге, а в центре поместил двух франков, графа Балдуина и Жослена. В последовавшем сражении люди из Антиохии преследовали графа Эдессы, и после ожесточенной битвы Танкред вынудил вражеский центр отступить. Но левый фланг Жавали набросился на пехоту из Антиохии, и убили так много людей, что поражение Танкреда казалось неминуемым. В это время люди Жавали наткнулись на коней, принадлежавших Балдуину. Жослен и некоторые другие вскочили на них и ускакали. Жавали преследовал их, желая вернуть в бой, но они не должны были ему подчиняться, после потери Мосула, и отказались вернуться. Когда он понял, что они не станут ему подчиняться, он испугался и велел армии отступать. Испахбад Сабау направился в Сирию, Бадран ибн Садака — в крепость Джабар, ибн Чекермиш — в Джазират-ибн-Умар, а сам Жавали — в Рахбу. Многие мусульмане были убиты, а их собственность захвачена Танкредом. Франкские армии обрушили всю свою свирепость на мусульман. Балдуин и Жослен бежали в Телль-Башир, и многие мусульмане искали убежища вместе с ними. С ними хорошо обращались, о раненых заботились, тем, кто лишился одежды, дали новую, и все отправились по домам.

ГЛАВА 3

Приведенные далее отрывки из трудов ибн аль-Каланиси дают яркую картину падения городов сирийского побережья (Триполи, Бейрута, Сидона и Тира). Из них также становится ясно, какое влияние на духовную столицу ислама имел приток франкских завоевателей в империю. Мусульманское общественное мнение, встревоженное рассказами о сирийских беженцах, потребовало от властей — халифа и султана из Сельджукидов — принятия немедленных и самых решительных действий. Те, как обычно, «обещали обеспечить».

В месяце шабан 502 / марте 1109 года Бертран (в некоторых отрывках указано имя Раймунд — сына путают с отцом), сын Сен-Жилля, ранее осаждавший Триполи, прибыл из земель франков по морю с шестьюдесятью кораблями, полными франков и генуэзцев, и разбил свой лагерь под стенами города. Между ним и де Серданье, племянником Сен-Жилля, возникли разногласия. Танкред, правитель Антиохии, пришел на поддержку Серданье. Король Балдуин, правитель Иерусалима, поддержал Бертрана. Он пришел со своей армией и восстановил мир между ними. Де Серданье отправился назад в Арук, но, повстречав по дороге в полях какого-то франка, вознамерился ударить его, но этот франк сам ударил и убил его. Когда об этом узнал Бертран, сын Сен-Жилля, он послал одного из своих офицеров захватить Арук.

Тогда франки со всеми своими силами направились к Триполи. Они осадили город и атаковали его, желая заставить население сдаться. Это продолжалось с 1-го дня месяца шабан / 6 марта до 11-го дня месяца зуль-хиджа / 12 июля) 1109 года. Они воздвигли у стен города осадные башни, и, когда его жители собственными глазами увидели армию противника и осознали, что надежды нет, их боевой дух упал. Воцарилось всеобщее отчаяние, вызванное задержкой египетского флота, который должен был по морю доставить в город продовольствие и подкрепление. Но провизии было мало, дул встречный ветер, и, по воле Аллаха, произошло то, что должно было произойти.

Франки атаковали город со своих осадных башен и силой оружия захватили его в понедельник, на 11-й день месяца зуль-хиджа (12 июля) этого года. Они разграбили все, что могли, пленили мужчин и забрали в рабство женщин и детей. Они захватили неисчислимое количество трофеев и сокровищ, в том числе книги из городской библиотеки (dar al-‘ilm, дословно «дом учености», одновременно библиотека и учебное заведение — гордость эмиров Триполи) и собственность местной знати. Правителя города и часть его войска помиловали. Они попросили пощады еще до захвата города и после захвата были отпущены на свободу. Вскоре они прибыли в Дамаск. С остальным населением города обошлись очень жестоко. Горожан подвергли жестоким пыткам, их собственность была конфискована, и спрятанные ими ценности найдены. По договору франков с генуэзцами они получили по трети земли со всем награбленным там добром, и треть отошла Бертрану. Часть самых ценных трофеев была выделена для короля Балдуина, чем он остался доволен.

Танкред, не получив того, на что рассчитывал, когда поддерживал Серданье, ушел и затем осадил Банияс, который заключил с ним договор в месяце шавваль / мае 1109 года. После этого он атаковал порт Джубайль, где проживал Фахр аль-Мульк ибн Аммар (эмир Триполи). Город обладал лишь скудными запасами продовольствия, и жители подвергались сильному давлению. В пятницу, 22-го дня месяца зуль-хиджа / 23 июля 1109 года они начали переговоры с Танкредом. Он предложил им неприкосновенность в обмен на город, и те приняли его условия. Фахр аль-Мульк ибн Аммар предпочел покинуть город, хотя франки пообещали относиться к нему с уважением и вниманием.

Вскоре после этого прибыл египетский флот. Что касается числа людей и кораблей, количества оснащения и провизии, это был самый крупный флот, когда-либо выходивший из египетских портов. Он доставил достаточно людей, денег и провианта, чтобы держать осаждающих на расстоянии целый год, а также для снабжения остальных египетских территорий в Сирии. Флот, по воле Бога, при-

был в Тир на восьмой день после падения Триполи. Запасы были выгружены в Тире и распределены по различным районам, что было существенным подспорьем для населения Тира, Сидона и Бейрута, которое жаловалось на отсутствие ресурсов и слабость перед лицом франкской агрессии.

Падение Бейрута

Ибн аль-Каланиси

В этом году (503/1109—1110) Танкред вышел из Антиохии со своими приспешниками и направились к окружающим регионам Сирии. Они захватили, бросили в тюрьму правителя Тарсуса и разорили ближайшие территории. После возвращения в Антиохию они отправились в поход к Шайзару и, разграбив провинцию, потребовали дань в десять тысяч динаров. Затем они осадили Хиз-аль-Акрад и, когда гарнизон сдался, пошли к Акре. Тем временем король Балдуин и сын Сен-Жилля осадили порт Бейрут с земли и с моря, и, пока Танкред следовал обратно в Антиохию, Жослен, правитель Телль-Башира, отправился к порту Бейрут, чтобы помочь Балдуину и попросить его поддержки в борьбе против армии эмира Мавдуда, которая угрожала Эдессе. Франки начали строить осадную башню у стен Бейрута, но едва они завершили ее сооружение, башня была разрушена камнями из катапульт. Тогда франки приступили к строительству еще одной башни, а сын Сен-Жилля взялся соорудить третью.

В это время прибыли двенадцать боевых кораблей египетского флота, взяли верх над флотом франков и, захватив несколько кораблей, вошли в Бейрут с припасами. Этот успех воодушевил население города. Король Балдуин направил в Сувайдию (порт Антиохии) просьбу о помощи генуэзцам, флот которых находился там. Сорок кораблей с войсками пришли к Бейруту в ответ на его призыв, и в пятницу 21-й день месяца шавваль / 13 мая 1110 года франки собрали все свои силы на море и на суше и ата-

ковали город. Они подвели к стенам две осадные башни и отчаянно сражались. В конце концов, осознав свою неминуемую гибель, население города дрогнуло. Вечером франки предприняли атаку и прорвались в город. Правитель попытался бежать с частью своего войска, но его поймали и привели к франкам, которые казнили его вместе со спутниками и забрали все добро, которое он пытался увезти с собой. Город был разграблен, его жители пленены или отданы в рабство, а все их имущество захвачено. Вскоре после этого три сотни всадников прибыли из Египта на помощь Бейруту. Но когда они достигли провинции Иордан, их встретил небольшой отряд франков, и египтяне ретировались в горы, а многие из них погибли.

Из Бейрута король Балдуин повел армию на Сидон и направил жителям требование сдать город. Они попросили у него отсрочить дату платежа дани, которую они были ему должны. Он согласился, обязав их ежегодно уплачивать ему сумму в шесть тысяч динаров, вместо двух тысяч, которые он требовал раньше. После этого он отправился в Иерусалим, чтобы совершить паломничество.

ПАДЕНИЕ СИДОНА

Ибн аль-Каланиси

В этом году (503/1109—1110) стали поступать сообщения о прибытии одного из королей франков (Сигурда I, короля Норвегии) по морю с шестьюдесятью кораблями, полными паломников и воинов, для войны против ислама. Они направились в Иерусалим, и король Балдуин вышел, чтобы встретить их и принять решение о совместной атаке на исламские земли. Из Иерусалима они отправились на осаду Сидона и с 3-го дня второго месяца раби 504 / 19 октября 1110 года блокировали его с земли и с моря. В это время египетский флот все еще находился в порту Тир, но не мог прийти на помощь Сидону. Франки за несколько дней изготовили осадную башню, закрыв ее

ветками кустарника, циновками и сырыми шкурами волов для защиты от камней и греческого огня. Они установили башню на колеса, а в день сражения снабдили ее оружием и водой, чтобы гасить пламя. Когда это увидели защитники Сидона, их сердца дрогнули, поскольку они боялись, что их постигнет та же участь, что и жителей Бейрута. Кади и несколько знатных граждан города были посланы к франкам, чтобы просить у Балдуина гарантий безопасности. Он согласился выполнить их просьбу и пообещал также безопасность для войск, которые находились в городе, взял на себя обязательство сохранить их жизнь и собственность и позволить всем желающим покинуть город и отправиться в Дамаск. Поверив клятве Балдуина, правитель, казначей и все войска, стража и многие горожане покинули город и отправились в Дамаск. Это было на 20-й день первого месяца джумада 504 / 4 декабря 1110 года. Осада города продолжалась сорок семь дней. Балдун восстановил в городе порядок, разместил гарнизон и вернулся в Иерусалим. Вскоре он снова вернулся в Сидон и потребовал от тех мусульман, что там остались, дань размером более двадцати тысяч динаров. Таким образом он лишил людей собственности, доведя до нищеты. Франки использовали силу, чтобы отобрать деньги тех, у кого еще хоть что-то оставалось.

ВЛИЯНИЕ СОБЫТИЙ В СИРИИ НА БАГДАД

Ибн аль-Каланиси

Во втором месяце джумада 504 / ноябрь—декабрь 1110 года султан Гийас аль-Дунья вад-Дин Мухаммад, сын Малик-шаха, прибыл в Багдад из Хамадхана. Там он принял посланцев с письмами из Сирии с отчетом о положении дел и действиях франков после их возвращения с Евфрата, о событиях в Сидоне, Аль-Атарибе и провинции Алеппо. В первую пятницу месяца шабан хашиמיד шариф (истинный или предполагаемый потомок Мухаммеда, пользующегося большим авторитетом у мусульман)

из Алеппо с группой суфитов, торговцев и теологов пришли в мечеть султана просить о помощи для Сирии. Они прогнали проповедника с кафедры и разломали ее на куски. Они, плача и стеноя, поведали о горестях, постигших ислам по вине франков, об убийствах людей и захвате в рабство женщин и детей. Они устроили такой беспорядок, что люди не смогли совершить молитву. Дабы их успокоить, служители мечети и имамы пообещали суфитам от лица халифа направить армии для отмщения франкам и неверным за горести ислама. В следующую пятницу они снова вернулись в мечеть халифа и повторили все свои действия, плач и рыдания, мольбы о помощи и поминовения погибших. Вскоре после этого принцесса, сестра султана и жена халифа, прибыла в Багдад из Исфахана. Ее караван поражал роскошью и блеском. При ней было огромное количество украшений, денег, посуды, повозок и вьючных животных всех видов, мебели, различных восхитительных нарядов, слуг, стражи, рабынь и пажей. Крики о помощи шарифа и его спутников омрачили спокойствие города и радость горожан по поводу ее прибытия. Халиф аль-Мустазхир Биллах, предводитель правоверных, пришел в крайнее раздражение и пожелал сурово наказать нарушителей. Султан же не позволил ему сделать это, простил людям такое поведение и повелел эмирам и командирам вернуться к делам управления и начать подготовку к священной войне против неверных, против врагов Аллаха. В Багдаде того времени было два правителя: халиф из Аббасидов, номинальный суверен и лидер ортодоксального ислама, и султан из Сельджукидов, реальный правитель Персии, Ирака и феодальных земель в Сирии. Союз между ними, периодически укрепляемый брачными узами, был не всегда крепким.

Во втором месяце джумада / декабрь 1110 — январь 1111 года прибыл посланец византийского императора Алексея Комнина (1081—1118) с подарками, драгоценностями и письмами, приглашающими мусульман совместными действиями изгнать франков из Сирии. Он призвал подняться и уничтожить их раньше, чем они смогут нанести непоправимый ущерб. Он заявил, что не позволил

им проходить через его территорию в земли мусульман. Но если их посягательства на земли ислама будут сопровождаться непрерывным прибытием все новых армий и подкреплений, то обстоятельства заставят его договориться с ними, предоставить им свободный проход и помощь в достижении целей. В заключение он повторил свой призыв предпринять совместные действия в борьбе против франков и изгнать их из этих земель.

Осада Тира

Ибн аль-Каланиси

В этом году (505/1111—1112) король Балдуин собрал всех франков, каких только мог, и отправился на Тир. Его правитель Изз аль-Мульк спешно отправил атабеку Захир ад-Дину (Туктегину) в Дамаск письмо с просьбой о помощи и подкреплении, обещая сдать ему город. Они умоляли его поспешить и прислать побольше тюрок, так как в случае промедления им придется сдать город франкам, поскольку они отчаялись получить помощь от аль-Афдаля, правителя Египта (визирь Фатимидов должен был первым поспешить на помощь прибрежным городам, которые номинально были египетскими). Атабек отреагировал немедленно и отправил к ним крупный контингент тюрок, с полной экипировкой, состоявший из более двухсот всадников, умелых лучников. Пока атабек собирал новые силы, на помощь жителям прибыли добровольцы — пехотинцы из окрестных регионов, из Джабал-Амила и даже из Дамаска. Когда Балдуин узнал об интересе атабека к Тиру, он поспешил окружить город всеми силами, которые успел собрать. Это произошло в 25-й день первого месяца джумада 505 / 29 ноября 1111 года. Он приказал срубить все фруктовые деревья и пальмы и построить у стен города постоянное жилье. Было сделано несколько попыток атаковать город. Рассказывают, что во время одной из его атак жители города выпустили по врагам двадцать тысяч стрел за один день.

Узнав об осаде Тира франками, Захир ад-Дин выступил и разбил лагерь у Банияса, откуда посылал свои отряды на территорию франков, разрешив им грабить, убивать, разрушать и жечь все, чтобы изнурить врага и заставить его снять блокаду города, пока собиралось второе подкрепление. Второй контингент войск, который он направил к Тиру, попытался войти в город, но не смог. Сам Захир ад-Дин отправился маршем к большой крепости Аль-Хабис, что за Иорданом, после яростной атаки захватил ее и казнил весь гарнизон. Франки приступили к сооружению двух осадных башен, чтобы с их помощью атаковать стены Тира. Снова и снова Захир ад-Дин атаковал их, чтобы отвлечь врага и дать войскам Тира возможность выйти и сжечь эти башни. Франки разгадали цель его маневра, вырыли траншеи вокруг этих башен и приставили к ним вооруженную охрану, получив возможность не обращать внимания на действия противника и его набеги на их территорию.

Когда начались зимние бури, они не причинили франкам никакого вреда, поскольку те устроили свой лагерь на прочной песчаной почве, в то время как тюрки, напротив, терпели большие трудности и страдания на своих позициях. Но все же не перестали устраивать рейды и захватывать трофеи, отрезая пути поставок продовольствия и снаряжения франков, захватывая все, что попадало им в руки. Они также захватили мост, открывавший доступ к Сидону, чтобы и там отрезать путь для поставок. После чего франки стали доставлять все припасы по морю. Поняв это, Захир ад-Дин вышел с отрядом к северу от города, захватив участок за пределами городских стен. Он убил много моряков и сжег примерно двадцать судов на берегу. При этом Туктегин не забывал направлять жителям Тира письма, призывая их держаться перед лицом франков и храбро сражаться с ними.

Строительство двух осадных башен и установка внутри их таранов были завершены за одиннадцать недель. На 10-й день месяца шабан / 11 февраля их придвинули к городу и использовали для атак. Вокруг них разгорелось яростное сражение. Высота меньшей башни составляла

более сорока локтей, а высота большей — свыше пятидесяти. В 1-й день месяца Рамадан / 2 марта воины Тира устроили вылазку с греческим огнем, дровами, смолой, чтобы их поджечь. Они не сумели проникнуть ни в одну из башен, и разожгли огонь неподалеку от меньшей, где франки не могли погасить пламя. Ветер перенес огонь на меньшую башню. Несмотря на жестокую рукопашную схватку, разгоревшуюся вокруг нее, башня полностью сгорела. В качестве трофеев мусульмане достали из нее множество кольчуг, длинных щитов и другого оружия. Огонь также охватил и большую башню. Когда мусульмане поняли, что франки прекратили атаки на город, стараясь сбить огонь с башни, они тоже ослабили натиск, свертывая сражение вокруг бастионов. Но в этот момент франки яростно их атаковали, выгнали из башни и погасили охвативший ее огонь. Потом они выставили вокруг башни надежную охрану из отборных воинов для защиты ее самой и катапульт.

Франки продолжали атаковать город непрерывно до конца месяца Рамадан. Они придвинули башню ближе к одному из бастионов стены, закопав для этого три окопа, которые располагались перед ней. Горожанам пришлось сделать подкоп под стену бастиона, который находился перед башней франков, и развести там огонь. Когда этот подкоп обвалился, внешняя сторона стены обрушилась перед осадной башней и не позволила продвинуть ее ближе к стене и атаковать с нее. Стена в том месте, где они атаковали, была вскоре восстановлена, а башни с двух сторон от нее господствовали и не позволяли придвинуть мобильную башню. Разобрав завалы, франки приблизили башню к другой части стены и стали бить по ней таранами, которые были подвешены в башне. Стена трещала, из нее выпадали камни, и она сотрясалась так сильно, что находившиеся на ней горожане оказались на грани гибели. Тогда офицер флота из Триполи, человек знающий, опытный и наблюдательный, стал делать железные кошки, с помощью которых бьющий по стене таран зацепляли за переднюю часть и с боков, а горожане изо всех сил тянули за веревки так, что башня чуть не опрокинулась.

Иногда франки сами ломали таран, опасаясь за сохранность своей башни, порой таран сгибался и становился непригодным, а иногда его ломали с помощью двух булыжников, которые жители связывали вместе и бросали на таран с городской стены. Франки изготовили несколько таранов, но они выходили из строя один за другим. Каждый из них достигал шестидесяти локтей в длину, закреплялся в осадной башне на веревках, а на передней его части крепился кусок железа весом более двадцати фунтов.

Снова и снова франки ремонтировали и меняли тараны, и башню снова доставляли к стене. И тогда тот же самый моряк, о котором мы говорили раньше, изобрел другое оружие. Он установил на стене перед осадной башней длинное и прочное невысушенное бревно. Сверху — в форме буквы Т — помещалось другое прочное бревно длиной сорок локтей. Его можно было поворачивать в любую сторону с помощью системы блоков и лебедок, как корабельную мачту. На одном конце этого горизонтального бревна располагалась железная стрела, а на другом — веревки, идущие на лебедки. На них управлявший ими человек мог закреплять чаны с нечистотами и, опрокидывая их на головы франков, работавших в башне, мешал им управлять таранами. Это создавало трудности нападающим. Тот же моряк наполнял корзины листьями, смолой, щепками, канифолью и камышом, поджигал их и, когда они загорались, укреплял на уже описанном оружии так, что они нависали над башней франков, и огонь падал на нее сверху. Франки гасили огонь уксусом и водой, но мусульмане быстро подвешивали следующую корзину. Они также забрасывали башню маленькими горшками с кипящим маслом. В конце концов возник большой пожар, пламя, разгораясь, перекидывалось с одной части башни на другую, пока не настигло двух человек, действовавших на самом верху. Один из них был убит, а второй сбежал вниз. Огонь охватил верхний этаж башни и по деревянным перекрытиям стал спускаться вниз. Франки не могли справиться с огнем и были вынуждены бежать вместе с теми, кто защищал башню внизу. Тогда

жители Тира вышли из города и захватили в башне огромное количество трофеев в виде оружия и других припасов.

Франки отчаялись захватить город и приготовились отступить. Они сожгли дома, которые построили в своем лагере, а также многие свои корабли на берегу, так как сняли с них мачты, рули и другое оснащение для постройки башен. Всего у франков было две сотни кораблей разных размеров, из которых примерно тридцать кораблей были военными. Франки погрузили на них свое имущество и покинули Тир на 10-й день месяца шавваль / 10 апреля 1112 года. На кораблях франки прибыли в Акру, а оттуда разошлись по своим провинциям. Жители Тира захватили в качестве трофеев все, что осталось после франков. Тюрки, которых послали им на помощь, вернулись в Дамаск. Число погибших среди них составляло примерно двадцать человек. Ни одну другую башню франков, до или после осады Тира, не постигла судьба, которая была уготована этой, сгоревшей дотла, причем огонь распространялся сверху вниз. Причина, по крайней мере отчасти, заключалась в том, что по высоте две башни (башня франков и башня бастиона города) были одинаковы. Если бы одна была выше другой, то уничтожена была бы меньшая.

Число погибших защитников Тира составляло четыре сотни человек, а потери франков, по сведениям надежных источников, — примерно две тысячи человек. Жители Тира не выполнили своего обещания сдать город атабеку Захир ад-Дину, да он и не требовал этого открыто, сказав: «Все, что я делал, я делал во имя Аллаха и мусульман, а не из-за жажды богатства или власти». За такое благородство его осыпали благодарностями и прославлениями, а он пообещал снова прийти на помощь городу, если на него опять обрушится подобная беда. После тяжелых испытаний, отчаянных сражений с франками до тех пор, пока Аллаху не стало угодно отвести от города Тира эту напасть, он вернулся в Дамаск. А жители Тира стали ремонтировать стену, поврежденную франками, восстанавливать рвы до их прежнего состояния и копать новые, укреплять город. Добровольная пехота была распушена.

После этой успешной обороны Туктегин еще не раз помогал и защищал Тир, но в конце концов был вынужден сдаться крестоносцам в 1124 году.

ГЛАВА 4

Первый ощутимый удар по франкам исходил не из Багдада, а был нанесен объединенными действиями Артукида Иль-Гази, эмира Мардина, и Туктегина, атабека Дамаска. В 1119 году Иль-Гази внезапно напал на норманнского принца Рожера Антиохийского при Балате (или у селения Сармада, к западу от Алеппо) и после кровопролитного сражения нанес ему поражение и убил. Далее приведено два рассказа об этом сражении: первый — Камаль ад-Дина, второй — ибн аль-Каланиси, в котором он дает комментарии о неспособности мусульман вернуть Антиохию, оставленную без защиты во время кризиса.

Поражение и смерть Рожера Антиохийского при Балате

Камаль ад-Дин

Иль-Гази и Туктегин направились в Мардин, а оттуда разослали посланцев к близким и дальним войскам мусульман и туркмен, призывая их присоединиться к огромной армии, которую они собирали. Образовалось огромное войско, и двинулся Иль-Гази с войском более чем в 40 тысяч в 513/1119 году, и пересек Евфрат на переправах в Бадайя и Санджата. И распространились войска по областям Телль-Башира и Телль-Халида и вблизи них, убивая, грабя и захватывая в качестве добычи все, что было возможно. Посланцы прибывали из Алеппо и просили Иль-Гази поторопиться туда, поскольку франки напали на Аль-Асариб, что к югу от Алеппо, жители которого впали в отчаяние. Иль-Гази направился через Мардж-Дабик, Муслимийю и Киннасрин, и в конце месяца сафар 513 /

июнь 1119 года его отряды вторглись на территорию франков в области Ар-Рудж и взяли близлежащую крепость Кастун. Сэр Рожер, правитель Антиохии, собрал франков, армян и прочих и направился к железному мосту (через Оронт), после чего расположился в Аль-Балате, между двумя горами, рядом с горным проходом Сармада, севернее Аль-Асариба. Он разбил там лагерь в пятницу, на 9-й день первого месяца раби / 20 июня 1119 года.

Мусульманским эмирам наскучила долгая задержка, пока Иль-Гази ожидал атабека Туктегина, чтобы прийти с ним к соглашению, что им предпринять. Они требовали от Иль-Гази немедленных действий в борьбе с врагом. Иль-Гази заставил всех эмиров и командиров дать новую клятву, что они будут осмотрительны и упорны в битвах с врагом, проявят непреклонность и готовность пожертвовать своей жизнью в священной войне. Те поклялись с радостью и от чистого сердца. Мусульманские отряды, построены в боевой порядок, покинули свои шатры в Киннасрине в пятницу, на 16-й день первого месяца раби / 27 июня 1119 года. Они провели ночь вблизи франков, которые строили форт, господствующий над Телль-Африном, и считали, что мусульмане обосновались в Аль-Асарибе или в Зардане. Только когда рассвело, они увидели, что уже прибыли отряды мусульман и окружили их со всех сторон. Кади Абу-л-Фадль ибн аль-Хашшаб был во главе. Он сидел на кобыле с копьем в руке, побуждая людей к борьбе. Один из воинов увидел его и с презрением воскликнул: «Неужели мы пришли из нашей страны сюда, чтобы повиноваться этому тюрбану!» Кади, ставший во главе войска, ездил взад-вперед вдоль строя, обращаясь к людям со всей страстью, красноречиво призывал их собрать все силы, всячески поднимая воинский дух. В конце концов люди зарыдали, переполненные эмоциями и восторгом. Тогда Туган Арслан ибн Дамладж (эмир Арзана, вассал Иль-Гази) повел их в атаку, и мусульмане обрушились на шатры франков, сея хаос и разрушения. Аллах даровал победу мусульманам, а франки были побеждены. Тюрки воевали блестяще, нападая на врагов со всех сторон. Они действовали слаженно, как один чело-

век. Стрелы летели подобно саранче, и франки — и пехота, и всадники — были побеждены. Кавалерия была уничтожена, стрелы косили пехоту, их слуги и гулямы были взяты в плен. Сам Рожер пал в бою, а из мусульман погибло 20 человек, в том числе Сулейман ибн Мубарак ибн Шибл. А из франков спаслось не более 20 человек. Некоторым из их знати удалось бежать. Но всего было убито в бою около 15 тысяч франков. И была эта битва в субботу 28 июня, в полдень. Весть о победе достигла Алеппо, когда мусульмане стояли рядами и совершали полуденную молитву в мечети. Они услышали громкий крик, вроде бы идущий с запада, хотя ни один из солдат победоносной армии не успел добраться до города до часа послеполуденной молитвы.

Жители деревень сожгли убитых франков и обнаружили в пепле одного рыцаря более 40 наконечников стрел. Иль-Гази расположился в шатре Рожера, и солдаты принесли ему то, что было награблено, но он не взял у них ничего, кроме оружия, чтобы послать государям ислама, и оставил все остальное солдатам. А когда к Иль-Гази привели пленных, среди них оказался человек крупного сложения, известный своей силой, а взял его в плен человек слабый, низкорослый, плохо вооруженный. И когда предстал пленный перед Иль-Гази, сказали ему туркмены: «Стыдись! Тебя взял в плен слабак, а ты такой большой и сильный». На это пленный ответил, что взял его в плен человек очень большой, выше и сильнее, чем он сам. А потом он отдал своего пленного тщедушному мусульманину. На том большом человеке были зеленые одежды, а под ним зеленый конь. (Ссылка на зеленый цвет — цвет небесный — дает понять, что речь идет о пророке или его посланнике, который вмешался, чтобы обеспечить победу мусульман.)

Ибн аль-Каланиси

Когда атабек Захир ад-Дин (Туктегин) прибыл в Алеппо, чтобы соединить силы с Наджм ад-Дином (Иль-Гази)

в деле, которое они решили сделать вместе в надежде на результат, желанный для обоих, он нашел, что туркмены уже собрались, чтобы быть с ним. Они во множестве прибыли отовсюду и демонстрировали свою силу, словно львы в поисках добычи или ястребы, кружащие над жертвой, которую готовятся разорвать на куски. Пришла весть, что Рожер, правитель Антиохии, вышел из своего города с армией численностью двадцать тысяч кавалеристов, а пешим воинам не было числа. Эта огромная армия, полностью оснащенная и хорошо вооруженная, стала лагерем в месте известном как Шармада, или в Данит-аль-Бакале, что между Антиохией и Алеппо. Когда мусульмане узнали об этом, они полетели туда словно на крыльях, как орлы, защищающие свои гнезда, и в мгновение ока обе стороны сошлись в битве. Мусульмане набросились на франков, окружили их со всех сторон и стали осыпать ударами сабель и тучами стрел. В борьбе против нечестивых Аллах Всевышний, которому мы возносим молитвы, даровал победу сторонникам ислама. В субботу 7-го дня первого месяца раби 513 / 28 июня 1119 года франки уже были мертвы. Они лежали на земле, конные и пешие, со своими лошадьми и оружием, и ни один из них не спасся, чтобы позже рассказать об этом. Даже Рожер, их предводитель, был распростерт на земле среди мертвых. Некоторые свидетели этой битвы рассказывали, что они обошли вокруг места схватки в поисках славного знака, оставленного всемогущим Аллахом, и увидели несколько лошадей, которые лежали на земле утыканные стрелами, напоминая ежей. Потеряв своих верных защитников, Антиохия осталась доступной добычей для любого, кто ее потребует, — она ждала человека, способного ее взять. Однако атабека Захир ад-Дина там не было, и никто не занял город. По воле Всевышнего туркмены поспешили вперед и напали на франков без какой-либо подготовки, а остальные войска были заняты сбором добычи, которой оказалось достаточно, чтобы обогатить, обрадовать и удовлетворить каждого. «И вот жилища их в своих развалинах пусты», «Слава Богу, господу миров» (Коран, 27, 53 и I, I).

Балдуин, его смерть и его характер

Ибн аль-Каланиси

В этом году (526/1131—1132) из владений франков пришло сообщение о кончине Балдуина Маленького, короля франков и правителя Иерусалима. Он умер в Акке в четверг, в 25-й день месяца Рамадан / 8 августа 1132 года. (Здесь указана дата на год позже; Балдуин умер в Иерусалиме 21 августа 1131 года, что соответствует 25-му дню месяца Рамадан 525 года.) Он был уже старым человеком, многоопытным, пережившим много превратностей судьбы, бед и несчастий. Он неоднократно бывал пленен мусульманами — и в мирное, и военное время, но ему всегда удавалось спастись, благодаря известной всем изобретательности и хитрости. Его преемник не обладал здравым смыслом и способностью править. Новым королем стал Фульк, граф Анжуйский, прибывший по морю из его страны. После смерти Балдуина среди франков воцарилась смятение и беспорядок.

ГЛАВА 5

С появлением на исторической сцене Занги, атабека Мосула и Алеппо (1120—1146), началось настоящее наступление мусульман. Ибн аль-Атир был преданным слугой, историком, панегиристом недолговечной династии Зангидов в Месопотамии и Сирии. Согласно его религиозному представлению об истории, Провидение дало в руки Занги королевство, оставленное Туктегином Дамаска, первым, достойным упоминания, противником Крестовых походов, умершим в 1128 году. Настоящей целью Занги, даже когда он сражался с крестоносцами, был Дамаск, которым номинально правили некомпетентные потомки Туктегина, а по сути его контролировал Муин ад-Дин Унур. Оказавшись перед лицом угрозы со стороны Занги, никто из них не сомневался, заключая союз с франками. В следующих отрывках ибн аль-Атир представляет

возвеличенный образ своего героя, а ибн аль-Каланиси — противоположный взгляд гражданского патриотизма и преданности местной династии Туктегина.

Занги, избранник судьбы для ислама

Ибн аль-Атир

Если бы Аллах в своей бесконечной милости не позволил атабеку (Занги) покорить Сирию, франки захватили бы ее всю. Они осаждали то один город, то другой, но Захир ад-Дин Туктегин едва услышал весть, как начал собирать людей и пошел на территории франков. Он осаждал их, и совершал набеги, и тем самым заставил франков свернуть кампанию и вернуться домой. В этом году (522/1128), по воле Аллаха, Туктегин умер, и Сирия осталась беззащитной; некому было защитить ее жителей. Но Аллах, проявив милость к мусульманам, возвысил к власти Имад ад-Дина (Занги), о подвигах которого в борьбе с франками мы расскажем далее.

Занги берет крепость Барин. Поражение франков

Ибн аль-Атир

В месяце шаввал этого года (531/1137) Занги покинул Химс и осадил Барин (у крестоносцев — Монферран, что между Тортосой (Тортозой) и Хаматом) — хорошо укрепленную крепость неподалеку от Хамата, удерживаемую франками. Франки собрали кавалерию и пехоту и вышли все вместе, включая королей, графов, баронов, против атабека Занги, чтобы заставить его снять осаду. Но Занги был полон решимости. Он был непоколебим, ожидая их, и, когда они прибыли, вступил с ними в бой, который через некоторое время завершился поражением франков, обратившихся в бегство. Их преследовали мусульмане. Франкский король (Фульк Иерусалимский и его бароны)

укрылся в соседнем форте Барин, где его осадили мусульмане. Атабек перерезал все связи с фортом, так что до франков не доходили никакие новости из дома — все передвижения контролировались Занги, и страх перед ним был огромен.

Тогда священнослужители и монахи пересекли Византийскую империю, земли франков и соседних христианских государств, собирая армии, чтобы обратить их против христиан. Они объявили, что, если Занги захватит Барин и франков, что укрылись в нем, он быстро захватит также все их земли, поскольку их некому будет защитить. Они сказали, что мусульманами руководит только одно желание — идти на Иерусалим. И христиане стали стекаться в Сирию по суше и морю. Среди них был византийский император (Иоанн II Комнин). Тем временем Занги продолжал осаждать франков, которые еще держались, но у них подходило к концу продовольствие и другие жизненно важные вещи, ведь осада стала для них неожиданностью и не дала времени на подготовку. Они попросту не верили, что кто-то может заставить их перейти к обороне — франки считали, что захватят всю Сирию сами. Когда у них закончились припасы, они съели лошадей, после чего запросили условия перемирия. Они потребовали, чтобы Занги гарантировал им безопасность до возвращения в свои владения. Сначала Занги отказался, но услышав, что византийский император и прочие франки уже на подходе к Сирии, гарантировал людям в форте жизнь и установил выкуп — 50 000 динаров. Франки приняли его условия и сдали форт. Выйдя за его ворота, они узнали, что помощь близка, и горько упрекнули себя за то, что сдались, не зная о происходящем за стенами форта.

Пока шла осада Барина, Занги захватил у франков Марру и Кафартаб. Как и население всего региона между этой территорией, Алеппо и Хаматом, а также Барина, жители этих двух городов были доведены до полной нищеты постоянными грабежами и убийствами. Этот регион с самого начала был театром военных действий. Когда Занги принял командование, люди с облегчением вздохнули. Сельская местность снова стала процветать и при-

носить доходы. Это была несравненная победа, что знают все, кто это видел.

Одним из лучших деяний Занги стало его обращение с людьми Маарры. Когда франки взяли город, они захватили их имущество, а после возвращения города мусульманам потомки жителей и выжившие в кровавой бойне предстали перед Занги, чтобы просить о компенсации. Он потребовал документы, доказывающие права владения, но те ответили, что франки забрали все, включая соответствующие документы. Тогда Занги велел доставить ему земельный регистр Алеппо, и любой, о ком была там запись об уплате налога на владение, получил свою землю. Так он вернул землю людям Маарры — это был беспрецедентный акт справедливости и щедрости.

Дамаск и франки в союзе против Занги

Ибн аль-Каланиси

В этом году (534/1139—1140) пришла новость о том, что атабек Имад ад-Дин закончил перестройку оборонительных сооружений Баальбека и его форта и занялся подготовкой к осаде Дамаска. Вскоре пришла весть о том, что он покинул Баальбек в первом месяце раби / ноябре 1139 года, и его войска разбили лагерь в долине Бекаа (древняя Келесирия, между Ливаном и Антиливаном). Оттуда он направил посланника к эмиру Джамаль ад-Дину (племяннику и четвертому преемнику Туктекина), с требованием сдать город в обмен на любой другой, по его собственному выбору. Получив отказ, он в среду, в 13-й день второго месяца раби / 6 декабря, вышел из Бекаа и стал лагерем у Дарайи, в предместьях Дамаска. Пока он стоял лагерем у Дарайи, авангарды армий уже начали стычки друг с другом. Многие люди Джамаль ад-Дина были разбиты, остальные укрылись в городе. В пятницу, 28-й день второго месяца раби, Занги подошел к городу в боевом порядке со стороны Мусаллы, места публичных молитв. Он разбил значительное число ополченцев из города и

крестьян. Была большая бойня. Уцелевших убивали и брали в плен. Те, кто могли, раненые или нет, вернулись в город. В этот день, если бы не милость Аллаха, город бы пал. Занги вернулся в свой лагерь с пленными, и не принимал других атак в течение нескольких дней.

Он продолжал посылать письма, пытаясь уговорить правителя сдать ему город и получить взамен Химс, Баальбек и любые другие места, которые он пожелает. Джамаль ад-Дин Мухаммад бен Тадж аль-Мулюк уже был склонен согласиться на это предложение при условии гарантий установления мира, предотвращения кровопролития, сохранения процветания провинций и восстановления спокойствия, но его советники выступили против. В течение нескольких дней Занги посылал отряды на приступ, но не использовал главные силы, эти схватки не были ожесточенными, и блокада города не была плотной, так как он стремился избежать насилия и действовал как человек, имеющий мирные намерения и не желающий кровопролития и разрушений. В первом месяце джумада Джамаль ад-Дин стал жертвой болезни, которая то усиливалась, то ослабевала, то обострялась, то отпускала, пока он не оказался полностью в ее власти. Ему не помогли ни врачи, ни магия, в ночь на пятницу, 8-го дня месяца шабан / 29 марта 1140 года, в тот же час, когда был убит его брат Шихаб ад-Дин Махмуд бен Тадж аль-Мулюк (да будет милостив Аллах к ним обоим), Занги отправился на встречу с Создателем. Люди удивлялись такому совпадению дня и часа, и прославляли имя Аллаха. Джамаль ад-Дина подготовили к погребению и похоронили в мавзолее его бабушки в Аль-Фарадесе (Баб-аль-Фарадис — одни из ворот Дамаска). После его смерти командиры и знать решили восполнить эту потерю, посадив на трон его сына эмира Абд ад-Даула Абу Саид Абак бен Джамаль ад-Дин Мухаммада. Они торжественно поклялись в верности, повиновении и преданной службе. Так был решен вопрос. Город получил эффективное правительство, все разногласия были устранены, и беспорядки уступили место спокойствию.

Узнав о смерти Джамаль ад-Дина, атабек Имад ад-Дин подошел со своим войском к городу, желая воспользовать-

ся любимыми трениями, которые могут возникнуть между военными командирами после смерти их властелина, чтобы таким образом осуществить некоторые свои планы. Однако ситуация отнюдь не соответствовала его надеждам. Среди войск и вооруженного ополчения Дамаска он не встретил никого, кто не хотел бы продолжить борьбу и не горел бы желанием сразиться с ним в бою. Тогда он вернулся в свой лагерь, пав духом и разозлившись. В это время с франками было достигнуто соглашение общими усилиями изгнать атабека и не позволить ему добиться своей цели. Для этого было подписано официальное соглашение с торжественными клятвами и гарантиями честного выполнения этих обещаний. Франки выставили условие выплатить им определенную сумму денег для укрепления их сил, а также предоставить им несколько человек в заложники во избежание каких-либо сомнений. Их требования были выполнены: деньги выплачены, и заложники из числа родственников командиров были направлены к ним. После этого франки стали готовиться к оказанию поддержки Дамаску и посылали друг другу письма. В них было решено, что франки сосредоточат свои усилия на других фортах и городах региона. Надо было изгнать атабека и не позволить ему осуществить его планы в отношении Дамаска, не дожидаясь того, когда он прочно укрепится и с ним трудно будет справиться, так как он сможет пробиться через линии франков и атаковать их города.

Когда Занги узнал, что франки готовы выступить одновременно с армией Дамаска, он покинул свой лагерь и в воскресенье, в 5-й день месяца Рамадан, отправился к Хаурану, чтобы там противостоять франкам, если они атакуют его, или преследовать их, если они будут держаться от него на расстоянии. Некоторое время он использовал эту тактику, а затем вернулся в Гуту у Дамаска и стал лагерем у Адхры в среду, 24-й день месяца шавваль / 12 июня (Гута — плодородный пояс садов вокруг Дамаска). Предав огню несколько деревень в Мардже и Гуте, вплоть до Хараста-ат-Тина, он в следующую субботу отправился на север, когда узнал, что армии франков разбили лагерь у Аль-Мадана. Одно из условий соглашения

с франками предусматривал возвращение им приграничного форта Банияс, который занимал Ибрагим бен Тургут. Но этот человек со своим войском направился к Тиру, чтобы совершать набеги, и там он столкнулся с Раймундом, правителем Антиохии, который направлялся на помощь франкам к Дамаску. В сражении Тургут потерпел поражение и был убит вместе с большим числом своих воинов. Уцелевшие укрылись в Баниясе, укрепились там и привлекли к обороне крепости людей из племен Вади-л-Тайма и других мест. Эмир Муин ад-Дин (старый тюркский военачальник, реальный правитель Дамаска от лица юного эмира) выступил со своим войском из Дамаска, осадил форт и использовал катапульту, равно как и другие орудия. С ним был большой контингент франков, и осада продолжалась в течение всего месяца шавваля (май—июнь 1140 года). Затем пришла весть, что атабек Имад ад-Дин из своего лагеря в Баальбеке в это время собирал туркмен, призывая их оставить свои жилища и проследовать к Баниясу, чтобы прогнать оттуда осаждавших. Такова была ситуация в конце зуль-хиджа того года. [...] Осада Банияса продолжалась без перерыва, пока запасы в крепости не истощились и гарнизон остался без продуктов. Тогда крепость сдалась Муин ад-Дину, а ее командир в качестве компенсации получил фьеф и вознаграждение, которое его удовлетворило. Муид ад-Дин отдал крепость франкам, выполнив, таким образом, условия соглашения с ними, и в конце месяца шавваля с триумфом вернулся в Дамаск.

Утром в субботу, 7-й день месяца зуль-хиджа / 22 июня атабек Имад ад-Дин со своим войском подошел к стенам Дамаска. В Мусалле он, никем не замеченный, атаковал городские стены — когда люди еще не пробудились ото сна. Когда рассвело и люди осознали, что происходит, повсюду стали раздаваться крики, и народ, схватив оружие, стал собираться на стенах. Ворота открылись, и конные и пешие воины вышли из них. Занги послал своих людей в набеги на Хауран, Гуту и Мардж, а также во все окрестные районы, а сам остался со своей личной стражей лицом к лицу с воинами Дамаска, чтобы не позволить им преследовать своих участников налетов. Между людьми Занги и

воинами Дамаска завязалась битва, в которой участвовало значительное число воинов с обеих сторон. Занги отвел своих людей, потому что его главной заботой было прикрывать налетчиков. Те увели большое число лошадей, овец и коз, крупного рогатого скота, а также завладели ценным имуществом — ведь этих рейдов никто не ожидал, и люди были застигнуты врасплох. В тот же день атабек остановился у Мардж-Рахита, дожидаясь, пока все его люди соберутся, и отправился в обратный путь по северной дороге, увозя с собой огромное количество трофеев.

ГЛАВА 6

После неудачи в Дамаске Занги восстановил свое положение, завоевав Эдессу (1144), тем самым приведя к гибели первое из четырех христианских государств, родившихся в результате Первого крестового похода. Мы приводим версии этой истории ибн аль-Каланиси и ибн аль-Атира. Последний, как обычно, описывает происходящее более масштабно, нередко приводя анекдотичную форму и самих местных событий, и их влияния на борьбу христианства и ислама. Прошло не больше двух лет после триумфа Занги, когда он был убит, сражаясь с другими мусульманами. Он оставил свои политические и религиозные амбиции в наследство сыну — Нур ад-Дину, султану Алеппо. Неумное восхваление ибн аль-Атиром Занги, если сделать допуск на эмоциональную предвзятость автора, все же раскрывает некоторые черты его характера, чему мы располагаем независимым подтверждением.

Занги берет Эдессу

Ибн аль-Каланиси

В этом году (539/1144) пришла новость с севера о том, что Занги захватил штурмом город Эдесса, невзирая на его мощь и неприступность, а также его готовность сра-

жаться и защищаться от нападений и осад могущественных армий. Занги давно стремился завладеть городом и ждал только возможности напасть на него. Эта мысль всегда преследовала его, и он долго вынашивал свои амбициозные планы. Наконец он узнал, что Жослен, правитель Эдессы, покинул город с большей частью своего войска. Его избранные рыцари — цвет армии — были убиты в сражении вдали от города. Создавалось впечатление, что такова воля Всевышнего. Как только Занги получил подтверждение этому сообщению, он спешно отправился маршем туда и разбил там лагерь со своим многочисленным войском, чтобы блокировать город. Он написал племенам туркмен, призывая их оказать ему помощь и поддержку и выполнить тем самым их обязательства в отношении священной войны. Огромное войско туркмен присоединилось к нему, они окружили город со всех сторон, не давая никому подвозить туда припасы и продовольствие. Говорили, что даже птица не могла бы пролететь, не рискуя потерять жизнь от метких стрел бдительных воинов, осаждавших город. Занги установил у стен города катапульти и непрерывно обстреливал стены. Ничто не прерывало безжалостных сражений. Специальные люди из Хорасана и Алеппо, знакомые с техникой подкопов, взялись за дело и вырыли подкопы в нескольких подходящих местах. Подкопы подвели под стены и наполнили их большими бревнами и специальными приспособлениями. Оставалось только все это поджечь. Тогда они спросили дальнейших распоряжений Занги, и он сам вошел в подкоп, лично осмотрел все, что было сделано, выразил свое восхищение впечатляющей работой и сделал необходимые распоряжения. Когда воины подожгли бревна, опоры загорелись, все рухнуло, и участки стены над подкопами упали. Мусульмане ворвались в город. Огромное число воинов с обеих сторон погибло, сражаясь на руинах. Много франков и армян были убиты или ранены. В конце концов они были вынуждены оставить город, которым завладели мусульмане. Город был взят на рассвете в субботу, 26-й день второго месяца джумада / 23 декабря 1144 года. Начались убийства, грабежи, мародерство. В ру-

ках мусульман оказалось так много денег, имущества, животных, трофеев и пленных, что дух возликовал, а сердца возрадовались. Тогда Занги отдал приказ прекратить убийства и грабежи и занялся восстановлением разрушенных стен. Он выделил отборные силы для контроля всех дел, обороны города и принятия всех мер по защите его интересов. Горожанам он пообещал хорошее отношение и восстановление справедливости. Затем он отправился маршем из Эдессы в Серудж, куда бежали франки, и захватил его. И все регионы и города, мимо которых он проходил и у которых останавливался лагерем, незамедлительно переходили к нему.

Ибн аль-Атир

В 6-й (реальная дата — та, что указал ибн аль-Каланиси) день второго месяца джумада того года атабек Имад ад-Дин Занги захватил у франков город Эдессу и другие форты в Джазире (Северной Месопотамии). Франки проникли в этот регион глубоко — до Амида, Нусайбина, Рас-аль-Айна и Ар-Ракки. Их влияние раскинулось от Мардина до Евфрата, и включило Эдессу, Сарудж, Аль-Биру и другие города. Все они, а также прочие регионы, расположенные к западу от Евфрата, принадлежали Жослену, самому известному из франков, и прекрасному командиру, прославившемуся храбростью и знанием стратегии. Занги понимал, что, если он пойдет в прямую атаку на Эдессу, франки сосредоточат все силы на ее защите, а город был слишком хорошо укреплен, чтобы легко сдать. Он перешел в Диярбакыр, желая дать франкам понять, что его интересы лежат в другой области, и он вовсе не собирается нападать на их королевство. Когда франки убедились, что он не сможет выйти из войны, которую вел с Артукидами и другими принцами в Диярбакыре, и почувствовали себя в безопасности, Жослен покинул Эдессу и перешел Евфрат, чтобы двинуться на запад. Как только лазутчики Занги доложили ему об этом, он немедленно приказал своей армии поворачивать на Эдессу.

К нему были вызваны эмиры, и Занги велел подать еду. «Никто, — сказал он, — не станет есть со мной за этим столом, если он не готов вместе со мной метнуть свое копье у ворот Эдессы». Вышли вперед только двое: одинокий эмир и юноша низкого происхождения, храбрость которого была известна всем, поскольку в бою ему равных не было. Эмир возмутился: «Что ты здесь делаешь?», однако вмешался атабек и велел оставить юношу в покое. Он знал, что тот не станет прятаться за его спину в бою.

Армия выступила в поход и достигла стен Эдессы. Занги первым бросился на франков, но юноша не отставал. Франкский рыцарь набросился на Занги сбоку, но эмир спас атабека.

Мусульмане осадили город и штурмовали его в течение трех недель. Занги использовал специальных людей, чтобы сделать подкоп под стены. Атабек очень спешил, опасаясь, что франки соберут людей и нападут на него, чтобы снять осаду с Эдессы. Саперы сделали свое дело. Стена рухнула, Занги овладел городом и осадил крепость. Солдаты хватили горожан и их имущество: молодых брали в плен, людей старшего возраста убивали. Но когда Занги осмотрел город, тот ему понравился, и он решил, что было бы неразумно разрушать его. Поэтому он велел своим людям вернуть жителей в их жилища вместе с имуществом. Приказ был выполнен во всех случаях, за исключением крайне редких, к примеру, когда солдат с добычей уже покинул лагерь. Город вернулся в прежнее состояние, и Занги разместил в нем гарнизон для защиты. Затем он принял капитуляцию Саруджа и других городов к западу от Евфрата. Единственным исключением стала Аль-Бира (ныне Биреджик, Турция), прекрасно укрепленная крепость на берегу Евфрата. Занги осадил ее, но в крепости было много запасов, и через некоторое время осада была снята.

Говорят, что большой авторитет в области генеалогии и жизнеописаний рассказывает следующую историю: король Сицилии послал военно-морскую экспедицию, которая разграбила Триполи, что в Северной Африке. А в Сицилии жил ученый богобоязненный мусульманин, ко-

торого король глубоко уважал, полагался на его советы чаще, чем на советы своих священнослужителей и монахов, и люди стали говорить, что король на самом деле мусульманин. Однажды, когда король стоял у окна, выходящего на море, он увидел небольшое суденышко, входящее в гавань. Команда рассказала ему, что его армия вторглась на мусульманскую территорию, разграбила ее и вернулась с победой. Мусульманский мудрец дремал неподалеку от короля. Тот спросил:

— Ты слышал, что рассказали моряки?

— Нет.

— Они сказали, что мы разгромили мусульман в Триполи. Почему же Мухаммед не помог своей земле и своему народу?

— Его там не было, — ответил мудрец. — Он в это время был в Эдессе, которую мусульмане как раз захватили. — Присутствовавшие при этом разговоре франки засмеялись, но король сказал:

— Не смейтесь. Видит Бог, этот человек всегда говорит правду. — И через несколько дней пришла весть о взятии Эдессы.

(Здесь мы имеем ошибочную синхронизацию, вероятно, с сицилийской экспедицией 1142 года, или, возможно, с более успешной экспедицией 1146 года; приведенный анекдот — еще одно подтверждение интереса Рожера II к мусульманскому миру, а сидящий рядом с ним мудрец, возможно, сам Идриси.)

Честные и богобоязненные люди говорили, что тот святой человек во сне видел мертвого Занги и спросил его, как к нему относится Аллах. Тот ответил, что Аллах все ему простил, потому что он взял Эдессу.

Смерть Занги и панегирик ему

Ибн аль-Атир

В этом году (541), в 5-й день второго месяца раби / 14 сентября 1146 года атабек Имад ад-Дин Занги ибн ак-

Сункар, мученик за веру, правитель Мосула и Сирии, был убит во время осады Джубара. (Верный ибн аль-Атир называет Занги «мучеником за веру», хотя он был убит во время осады мусульманского города, из-за его непрекращающейся борьбы с франками.) Он был убит ночью своими придворными. Они бежали в крепость, чьи обитатели с радостью сообщили новость осаждавшим. Когда слуги Занги подошли к его постели, они увидели, что в нем еще теплится жизнь. Мой отец, один из близких друзей Занги, вспоминал: «Я подошел прямо к нему. Он еще был жив и, увидев меня, явно желая положить конец мучениям, сделал мне знак рукой. А я пал на землю и воскликнул: «Мой господин, кто это сделал?» Но только он уже не мог говорить, и отдал душу Аллаху, да будет он милостив к убиенному».

Занги был красивый мужчина, смуглолицый, с ясными глазами. Его волосы уже начали седеть. Ему было за шестьдесят. Ведь он был младенцем, когда убили его отца (Ак-Сункар, в 1094 году восставший против Тутуша, султана Алеппо, был казнен). После смерти его похоронили в Ракке. Подданные и воины почитали его. Под его управлением сильный не осмеливался обидеть слабого. До того как он пришел к власти, отсутствие сильного правителя, способного установить справедливость, и присутствие в непосредственной близости франков превратили страну в пустыню, а он заставил ее снова зацвести. Население выросло, равно как и благосостояние страны. Отец говорил мне, что видел Мосул в таком запустении, что из квартала изготовителей цимбал можно было видеть старую большую мечеть и дворец султана. Между ними не уцелело ни одного здания. Ходить к старой большой мечети без сопровождения было небезопасно, так далеко находилась она от мест, где жили люди. Зато теперь она в самом центре многочисленных построек, и все упомянутые районы восстановлены. Еще отец рассказывал мне, что однажды Занги приехал в Джазиру зимой. Один из его главных эмиров, Изз ад-Дин ад-Дубаиси, который держал город Дакука, как фьеф от него, остановился на постой у еврея. Тот обратился к атабеку, который проникся к нему сим-

патией. Ему достаточно было взглянуть на эмира, чтобы тот собрал свои вещи и отбыл.

После этого султан прибыл в город. Его вещи и шатры распаковали. Отец говорил: «Я помню, как его люди ставили шатры в грязи, постелив на землю солому, чтобы уберечь их от влаги. Потом прибыл султан и стал там жить. Такие строгие были его принципы». (Хронисты в один голос превозносят Занги за его заботу о местном населении, которое он защищал от угроз и вымогательств солдат; говорят, что, когда войска Занги ушли из Алеппо, солдаты старались не топтать посевы — с атабеком шутки были плохи.) До Занги Мосул был обнищавшим регионом, но во время его правления он расцвел и впоследствии стал богатым: там выращивали богатые урожаи, повсюду цвели роскошные цветы, в садах зрели фрукты.

Занги всячески защищал честь женщин, своих подданных, особенно солдатских жен. Он нередко повторял, что, если солдатских жен не контролировать во время длительного отсутствия их мужей, они собьются с пути. Он был самый храбрый человек на свете. О времени, предшествовавшем его приходу к власти, достаточно сказать, что он отправился с эмиром Маудудом из Мосула в Тверию, что на территории франков, и метнул копье в городские ворота, оставившее глубокую царапину на дереве. Таким же образом он атаковал крепость Хумайди в Акаре, которая находилась на вершине крутой скалы. Он метнул копье, которое долетело до стены. Есть и другие рассказы. Во время его правления в Мосуле город был полностью окружен враждебными государствами. Все старались захватить его владения. Но Занги не только защищал свои владения от врага, но не проходило и года, чтобы он не присоединил к ним участок вражеской территории. Его соседом со стороны Такрита (Тикрита) был халиф аль-Мустаршид би-Иллах, осадивший Мосул. Со стороны Шахразура был султан Масуд, потом ибн Сукман из Хилата, Дауд ибн Сукман из Хисн-Кайфы, принц Амида и Мардина, и, наконец, франки от Дамаска до Мардина и принцы Дамаска. Все эти государства зарились на его земли, но Занги нападал то на одно, то на другое, одно покорял, с другим

закключал договор, и даже перед смертью отвоевал несколько участков земли у своих соседей. Подробности можно найти в книге «История атабеков Мосула», где мы рассказываем о правлении Занги и его сыновей.

ГЛАВА 7

Самый важный эпизод ничего не решившего Второго крестового похода, который начался под сенью утраты Эдессы, — это короткая и неэффективная осада Дамаска (1148). Ибн аль-Каланиси был очевидцем событий, и его повествование дополняет и уточняет рассказ ибн аль-Атира. Некоторые экзотические подробности добавляет Сибт ибн аль-Джаузи. Героическая смерть за веру старого факиха аль-Финдалави может считаться символом самых благородных и строгих аспектов мусульманского сопротивления.

Второй крестовый поход. Осада Дамаска

Ибн аль-Каланиси

В первые дни года (543/1148) поступило несколько сообщений из различных источников о прибытии кораблей франков к сирийскому побережью. Войска сошли на берег в портах Тира и Акры, чтобы соединиться с теми франками, которые находились в этих местах. Говорили, что даже после того, как многие из них были убиты, умерли от болезней и голода, их численность все еще составляла около ста тысяч человек. После того как вновь прибывшие совершили обязательное паломничество в Иерусалим и вернулись, одни по суше, другие по морю, они собрались в лагерях короля Германии (речь идет об императоре Конраде III; роль французского короля Людовика VII почти полностью игнорировалась мусульманскими авторами), главного титулованного лица франков, и других, менее важных принцев. Среди франков не было согласия

о том, в какие земли ислама и сирийские города им следует отправиться, но в конце концов они приняли решение атаковать город Дамаск, и их злобные сердца были полностью уверены в успехе. Правитель города, эмир Муин ад-Дин Унур, получил несколько предупреждений о нападении и подготовился к защите своих владений и даче отпора врагу. Он укрепил те места, которым угрожала опасность, стал выставлять дозоры на дорогах и перевалах, отрезать пути снабжения вражеских лагерей, засыпать колодцы и уничтожать источники воды. Тем временем пятьдесят тысяч конных и пеших воинов с обозами, верблюдами и скотом двигались к Дамаску. Подойдя к городу, они отправились к району, известному как Маназил-аль-Асакир (военный лагерь), но не нашли там воды. Тогда они проследовали к Аль-Миззе и разбили лагерь там, учитывая близость воды. Кавалерия и пехота начали наступление на город. Мусульмане встретились с ними лицом к лицу в субботу, 6-й день первого месяца раби 543 / 24 июля 1148 года, и началась битва. В армии Дамаска было большое количество вспомогательных частей; опытные тюркские штурмовые отряды, городские ополченцы и добровольцы — все они сражались за веру. После ожесточенного сражения франки, которых было больше, и они были лучше оснащены, одержали верх. Они захватили источники воды и стали лагерем во фруктовых садах, окружавших город. Они подошли к городским стенам ближе, чем это удавалось другим армиям в прошлом или настоящем. В этот день маликит и имам Юсуф аль-Финдалави — да будет милостив к нему Аллах — пал в бою у реки возле Аль-Рабвы. Он стал мучеником за веру, оказавшись перед лицом франков и отказавшись отступить, строго следуя заповедям Аллаха в Его священной книге — Коране. Аналогичная судьба постигла благочестивого Абд ар-Рахмана аль-Халули.

Франки начали рубить деревья и строить из них укрепления, а также разрушать мосты. Так прошла ночь. Население Дамаска, после опыта последних часов, было напугано и не знало, что делать. Но уже на рассвете в воскресенье мусульманская армия вышла против франков и нанесла им

поражение. Франки понесли значительный урон убитыми и ранеными. Эмир Муин аль-Дин хорошо проявил себя в сражении, выказал невиданные ранее уверенность, храбрость и отвагу, неустанно отражая атаки врага. Сражение было долгим и ожесточенным. Кавалерия неверных ожидала подходящую возможность, чтобы нанести удар, которым она была знаменита. Так продолжалось до захода солнца. Ночь окутала все кругом, и сражение на какое-то время прекратилось. Каждая из сторон вернулась на свое место, но регулярные войска провели ночь в поле, напротив франков, а жители стояли на страже, как часовые на стенах города, постоянно наблюдая за врагом.

Между тем правителям окрестных районов были посланы письма с просьбами о помощи и подкреплении. Постоянно прибывали группы туркменских всадников и пеших воинов из пригородов. Наутро, получив подкрепление и ощутив уверенность в своих силах, мусульмане атаковали франков. Они удерживали свои позиции перед лицом врага и осыпали их смертоносными копьями и стрелами из луков и арбалетов, которые непрерывным дождем сыпались на пехотинцев и рыцарей, лошадей и верблюдов в их лагере.

В течение дня из Бекаа прибыл большой отряд пеших лучников, которые увеличили численность мусульман и удвоили их военное оснащение. В тот день обе стороны держались твердо, но во вторник мусульмане вновь атаковали, как стремительные орлы, нападавшие на горных куропаток, или ястребы на перепелиные гнезда. Они окружили врага в его лагере, который был огражден стволами срубленных деревьев, осыпали еще спящих воинов градом стрел и камней. Франки не решились выйти из-за растерянности и страха. Когда ни один человек из них не вышел на бой, мусульмане стали думать, что враги задумали какую-то хитрость и разрабатывают особую стратегию. Никто из них не показывался, за исключением нескольких всадников и пеших воинов, вступавших в небольшие стычки. Они не осмеливались проявить инициативу, пока не увидят возможности напасть на мусульман, или безопасного пути отхода. Любой франк, достаточно

смелый, чтобы приблизиться к мусульманам, падал на-земь под градом стрел, камней или пронзенный копьем. Пешие воины из городского ополчения и люди из деревень таились в засадах на дорогах, которые франки считали безопасными, и убивали каждого, кто по ним проходил. Головы убитых привозили в Дамаск в обмен на вознаграждение. Так было привезено огромное количество голов.

В это время франки получали множество сообщений с различных сторон о быстром приближении мусульман, стремившихся их уничтожить, и тогда они уверовали в свое неминуемое поражение. Проведя совет, франки решили, что единственный выход из ловушки, в которой они оказались, или из бездны, маячившей перед ними, — бегство. И на рассвете в среду началось беспорядочное отступление.

Когда мусульмане увидели, что враг уходит, они утром того же дня устремились в погоню. Они стали осыпать врага стрелами, уничтожив, таким образом, большое число людей, лошадей и других животных из арьергарда. Более того, в оставленных франками лагерях и вдоль дорог они обнаружили несчетное количество трупов убитых воинов (среди них, возможно, был Каччагвида, прапрадед Данте) и их павших прекрасных лошадей, причем трупы смердели так сильно, что птицы замертво падали с неба. Той ночью они сожгли Аль-Равбу и Аль-Куббу Аль-Мамдудию.

Люди радовались милости Аллаха, непрестанно восхваляли Его за спасение, дарованное в ответ на их молитвы, которые они постоянно читали в эти горестные дни, за что Ему хвала и благодарность.

Ибн аль-Атир

В этом году (543/1148) король Германии покинул свою страну с большой армией франков, чтобы напасть на мусульманскую империю. Он не сомневался, что, имея большое количество людей, денег и оснащения, он сразу одержит победу. После его прибытия в Сирию франки пришли к нему и отдали себя под его командование. Он

велел идти за ним в Дамаск, осадить и взять его — так он думал. Они подчинились и окружили город.

Правителем Дамаска был Муджир ад-Дин Абак ибн Мухаммед ибн Бури ибн Туктегин, но он не имел реальной власти. Настоящим правителем был Муин ад-Дин Унур. Именно он посадил Муджир ад-Дина на трон. Он был мудрым и справедливым человеком, честным и богобоязненным. Он принял на себя ответственность за сбор армии и защиту города. В течение какого-то времени франки поддерживали осаду, а потом в 6-й день первого месяца раби / 24 июля пошли на штурм, кавалерия и пехота вместе. Армия вышла из Дамаска навстречу и сражалась упорно. Среди воинов был законовед Юсуф аль-Финдалави из Магриба, очень старый человек кристальной честности. Когда Муин ад-Дин увидел его, идущего пешком, он приблизился, почтительно приветствовал его и сказал:

— О, почтенный старец, твой преклонный возраст освобождает тебя от битвы. Это я должен защитить ислам. — Он попросил старика вернуться назад, но тот отказался со словами:

— Я продал себя, и купил меня Аллах. А я не просил об отмене договора и не соглашался на это. — Так он сослался на строки из Корана (IX, 112): «Бог купил у верующих жизнь их и имущества их, платя им за них раем». И старец продолжил сражаться с франками, пока не был убит. Это случилось в районе Ан-Наираба, в половине фарсаха от Дамаска.

Франки делали успехи, и мусульмане ослабли. Германский король продвинулся до Аль-Майдан-аль-Ахдара (Зеленая площадь), и все были убеждены, что он возьмет город. Тем временем Муин ад-Дин послал восточку Саиф ад-Дину Гази, сыну атабека Занги и правителю Мосула, призвав его прийти на помощь мусульманам и изгнать врага. Саиф ад-Дин собрал армию и пришел в Сирию. С собой он привел Нур ад-Дина Махмуда из Алеппо (он же Нуреддин). Когда они добрались до Химса, Саиф ад-Дин сообщил Муин ад-Дину: «Я пришел со всеми людьми в моем королевстве, которые могут держать оружие. Я прошу, чтобы условием моего нападения на франков стало

присутствие моих представителей в Дамаске. Если я потерплю поражение, я введу свою армию в город и буду защищать его изнутри. Если мы одержим верх, город твой, и я не стану оспаривать твои права на него». Франкам он послал грозное послание с требованием убраться из Дамаска. Франки прервали бой. Они понесли большие потери, и не обрадовались перспективе встретиться с армией Саиф ад-Дина вместе с армией Дамаска. И они решили сберечь свои силы, пока горожане чинили оборонительные сооружения и отдыхали от непрерывного сражения. Тем временем Муин ад-Дин послал к франкам гонца, который передал им: «Правитель Востока прибыл; если вы не уйдете, я сдам город ему, и тогда, клянусь Аллахом, вы пожалеете». Сирийским франкам он написал: «По какой причине вы поддерживаете этих людей против нас, если знаете, что, взяв город, они отберут ваши владения на берегу? Предупреждаю, если я почувствую, что проигрываю сражение, то сдам город Саиф ад-Дину, и можете не сомневаться: став правителем Дамаска, он не потерпит вашего присутствия в Сирии». Это послание убедило сирийских франков разорвать союз с королем Германии в обмен на крепость Банияс от Муин ад-Дина. Сирийские франки поговорили с королем Германии и испугали его своими рассказами о Саиф ад-Дине, его огромной армии, постоянных подкреплений и его возможности взять Дамаск, в чем ему никто не сможет помешать. Они были настолько убедительны, что король отвел свои войска от Дамаска. Сирийские франки получили Банияс, а германские франки вернулись на свои земли, расположенные к северу от Константинополя и сбоку. Так Аллах избавил правоверных от напасти. Абу л-Касим ибн Асакир в «Истории Дамаска», пишет, как некий ученый законовед сказал ему, что видел во сне аль-Финдалави и спросил его:

— Как Аллах обращается с тобой и где ты?

На это он получил ответ:

— Аллах простил меня. Я в «садах утех», где правоверные «восседают друг напротив друга» (Коран, XXXVII, 42—43).

Сибт ибн аль-Джаузи

Было время сбора урожая. Франки спустились в долину и съели много плодов, и у них сделалось расстройство. Многие умерли, а остальные долго болели. Люди Дамаска жили в большой нужде, но дали им милостыню из того, что имели, — каждый сообразно своей собственности. Все население города — мужчины, женщины, дети — собралось в большой мечети. Был показан Коран Усмана (точная копия Священной книги, датированная временем первого сличения текста при халифе Усмани; не исключено, что та самая копия, которую он читал, когда его убили), и люди посыпали головы пеплом, молились и проливали слезы.

С франками был высокий священник с длинной бородой, который руководил ими. На десятый день осады Дамаска он сел верхом на осла, повесил себе крест на шею, взял еще два креста в обе руки и повесил крест на шею своего осла. Он положил перед собой Евангелие, еще кресты и Священные Писания. Затем он собрал все войско, за исключением тех воинов, что охраняли лагерь, и сказал: «Мессия обещал мне, что сегодня я одержу победу». В этот момент мусульмане открыли городские ворота и бросились в атаку за ислам — все, как один человек. Еще никогда во времена язычества и даже после прихода ислама не было такого дня. Один из ополченцев Дамаска приблизился к священнику, сражавшемуся в первых рядах, отрубил ему голову и убил его осла. Когда вся мусульманская армия набросилась на франков, они обратились в бегство. Мусульмане убили 10 000 человек, сломали и сожгли кресты и преследовали франков до самого лагеря. Наступила ночь. А утром оказалось, что франков больше нет. Они ушли, не оставив следа.

ГЛАВА 8

В 1154 году, спустя шесть лет после того, как Дамаск устоял перед крестоносцами, Нур ад-Дин, сын Занги, воплотил мечту своего отца и стал правителем сирийской

столицы, не пролив ни капли крови. Отсюда и из дома его предков — Алеппо — он вдохнул новый энтузиазм в борьбу против крестоносцев. Сражения продолжались с переменным успехом в течение двадцати лет до самой смерти Нур ад-Дина в 1174 году. До этого его репутация успела несколько поблекнуть в сравнении с новой звездой, засиявшей в Египте, — Саладином. Этому скромному чиновнику при дворе Нур ад-Дина было суждено увенчать успехом вековую борьбу мусульман против христианских захватчиков. Ибн аль-Атир дает идеализированное представление о Нур ад-Дине, как и о его отце. Нам известно по крайней мере об одном качестве Нур ад-Дина, которого не было у Занги, — его духовности и человечности.

Победы Нур ад-Дина и его триумф в Дамаске

Ибн аль-Каланиси

Нур ад-Дин прибыл в хорошо охраняемый город (Дамаск) в пятницу, 27-й день первого месяца раби / 9 мая 1157 года, чтобы организовать снабжение оружием и другими припасами своей армии. Пробыв там несколько дней, он тут же отправился в собранные из туркмен и арабов войска, чтобы вести священную войну с неверными. Аллах, если на то будет его воля, поможет мусульманам и ускорит крах врага.

Сразу же по прибытии он занялся делом, ради которого приехал в Дамаск. Он приказал построить осадные машины и изготовить оружие, необходимое его победоносной армии. Он также призвал всех желающих принять участие в священной войне, добровольцев из числа горожан и пришельцев с севера, вооружиться и приготовиться вести войну с франками, приверженными многобожию и ереси. Сам он покинул Дамаск и поспешил присоединиться к своей победоносной армии, не отдохнув и не откладывая своего путешествия. Он отбыл из Дамаска в последнюю субботу первого месяца раби. За ним после-

довало огромное число вооруженных групп добровольцев, религиозных проповедников, суфиев (мистики ислама) и набожных поборников истинной веры. Всемогущий Аллах был рад увенчать его планы и решения блестящим успехом, низвергнуть непокорных неверных, ускорить их смерть и полное уничтожение и приблизить время, когда от них не останется даже следа. Такие деяния не являются невозможными для Всевышнего. Ведь он всемогущ.

В следующую субботу, 7-й день второго месяца раби / 18 мая, после нападения Нур ад-Дина с его победоносной армией на Банияс и осады города с использованием катапульт, в Дамаск прилетел почтовый голубь от победоносной армии из окрестностей Банияса с доброй вестью (Нур ад-Дин был первым мусульманским правителем, организовавшим регулярную информационную службу с использованием почтовых голубей) от Асад аль-Дина (преданный курдский генерал Нур ад-Дина, дядя Саладина), который стоял лагерем у Хунина с туркменами и арабами. Франки (да отвернется от них Аллах) направили подразделение своих командиров и воинов числом более сотни всадников, чтобы атаковать войско Асад ад-Дина. Они думали, что здесь только горстка людей, и не подозревали, что их несколько тысяч. Когда франки приблизились, мусульмане набросились на них, как львы на добычу, и одержали над ними победу, убивая, захватывая в плен и грабя, после чего лишь немногим из них удалось спастись. В следующий понедельник пленников и головы убитых, а также их имущество — отборных коней, щиты и копья — привезли в город. Пленных провели через весь город, от чего сердца всех людей возрадовались, и Аллаху воздавались многочисленные хвалы за Его бесконечную милость. Люди непоколебимо верили в его способность ускорить их крах и изгнание.

За этим последовал прилет почтового голубя из лагеря у Банияса с вестью, что в четвертом часу город был захвачен. Под стенами были сделаны подкопы, и, когда лес в них загорелся, башни рухнули, и наши войска устремились через пролом. Они убивали обитателей города и грабили их имущество. Те, кому удалось спастись, укрылись

в цитадели и забаррикадировались там. Ее осада продолжается, и захват — лишь вопрос времени. С помощью всемогущего Аллаха, разумеется.

Судьба распорядилась так, что франки собрались вместе, чтобы спасти Хамфри (Хамфри из Торона), правителя Банияса, и его франкских сподвижников, которые оказались осажденными в цитадели города. Со своей стороны, они были на грани краха и готовились обсудить с Нур аль-Дином условия капитуляции, предлагая все содержимое цитадели в обмен на их жизни. Но он не согласился. Когда король франков (Балдуин III) прибыл со стороны гор с большим войском и захватил врасплох армии, осаждавшие Банияс, так же как и те, что перерезали дорогу и подходы к городу, единственной разумной вещью было отступление. Франки дошли до крепости и освободили ее защитников. Но когда они увидели, что городские стены Банияса и жилища обитателей города полностью разрушены, они отчаялись восстановить их. Это случилось в конце второго месяца раби / в первые десять дней июня 1157 года.

В среду, 9-й день первого месяца джумад / 19 июня, прилетели голуби с письмами из лагеря Нур ад-Дина. Король узнал, что лагерь неверных франков расположен у Аль-Маллахи (между Тверией и Баниясом), и преследовал их со своим победоносным войском туркмен и арабов. Когда мусульманская армия приблизилась к франкам сзади, франки увидели тени, которые отбрасывали их знамена. Они спешно надели свои доспехи и сели в седла, и, разделившись на четыре отряда, атаковали мусульман. Нур ад-Дин и его отважные воины спешили и осыпали врагов копьями и стрелами. За время меньшее, чем нужно, чтобы об этом рассказать, сражение завершилось, и среди них воцарились смерть и разрушение. Аллах, Великий и Всемогущий, помог своим правоверным последователям одержать победу, отправив упрямых неверных в ад. Мы одолели их франкских конников, убивая и пленяя их, и убили множество пеших воинов. Как сообщает надежный источник, за исключением десяти человек, которым улыбнулась судьба и сердца которых были охвачены

страхом, никому из франков не удалось спастись. Говорили, что их король был среди них, другие говорили, что он оказался в числе убитых. Известно одно: никаких сведений о нем не осталось, несмотря на тщательные поиски. Воины ислама потеряли всего двух человек, один из которых был знаменитым воином, убившим четырех бойцов неверных, и сам погиб, когда пробил его час, а второй — неизвестный странник. Оба они почилы смертью мучеников за веру и заслужили награду свыше. Да будет милостив к ним Аллах. В руки воинов ислама попало неисчислимое количество лошадей, имущества, скота и вьючного груза франков. Их церковь с ее знаменитой утварью оказалась в руках князя Нур ад-Дина. Это была великая победа, славный триумф, посланный всемогущим Аллахом, дарителем побед во славу ислама и его воинов и для унижения многобожников и их клики.

Пленников и головы убитых привезли в Дамаск в субботу после дня победы. Франкских кавалеристов усадили попарно на верблюдов, дав им флаг со скальпами убитых. Их военачальники, командиры и правители сидели на конях, одетые в кольчугу и шлем, с флагом в руках. Пехотинцы, туркополы (сыны турок, местные войска, служившие во вспомогательных частях армий крестоносцев) и сержанты шли, связанные вместе в небольшие группы. Толпы горожан — старики и молодые, женщины и дети — вышли посмотреть, какую блистательную победу Аллах (да будет благословенно Его имя) даровал всем мусульманам. Они непрерывно благодарили и прославляли Аллаха и истово молились за Нур ад-Дина, своего защитника и хранителя. Его славили за королевские качества, коими он был наделен. О победе слагались поэмы, в одной из которых говорилось следующее:

Пришло время франкам испытать позор плена, поражения и несчастья.

Их провезли на верблюдах, с опущенными знаменами, в муках и страданиях.

А раньше они были горды, почитаемы и известны, в больших сражениях и мелких конфликтах.

Так гибнут враги, когда на них снисходит разруха.

Они ведут себя тихо, словно овцы на пастбище, и ночью, и утром, их окутывает несчастье.

Ведь они, глупцы, нарушили мир после того, как он был заключен.

Они пожали плоды своего вероломства, навлекли на себя крах и ненависть.

Пусть Аллах не защитит их толпы от нападения самых острых мечей, которые когда-либо наносили удары.

Результат неблагодарности — смерть или плен, результат благодарности — высшая награда.

Давайте будем прославлять Аллаха, и да не оставит Он нас своими милостями.

Смерть Нур ад-Дина

Ибн аль-Атир

В пятницу, 11-й день месяца шавваль 569 / 15 мая 1174 года Нур ад-Дин ибн Занги, правитель Сирии, Месопотамии и Египта, умер от сердечного приступа. Он был похоронен в цитадели Дамаска, а позднее его тело было перенесено в медресе (мусульманская школа права и теологии), основанное им в Дамаске, недалеко от рынка, где свои изделия продавали корзиночники. Случилось удивительное совпадение. На 2-й день месяца шавваль он ехал на лошади вместе с благочестивым эмиром, который сказал: «Хвала тому, кто один знает, встретимся ли мы здесь через год». Нур ад-Дин ответил: «Не говори так. Лучше вознеси хвалу тому, кто один знает, встретимся ли мы здесь через месяц». Нур ад-Дин, да смилостивится над ним Аллах, умер через одиннадцать дней после этого, а эмир, его собеседник, еще до конца года. Они оба умерли так, как предвещали их слова. Нур ад-Дин готовился вторгнуться в Египет и отобрать его у Саладина, в котором он видел определенное нежелание воевать с франками, как ему следовало (Саладин был послан в Египет, как представитель Нур ад-Дина, и после устранения халифата Фатимидов стал там фактическим правителем; однако он еще не разорвал связи с Нур ад-Дином; поэтому послед-

ний именуется здесь «правителем Египта, хотя не имел там реальной власти). Он знал, что энтузиазм Саладина ослабляет боязнь его, Нур ад-Дина, страх оказаться лицом к лицу со своим господином. Поэтому он предпочитал, чтобы их разделяли франки. Нур ад-Дин послал гонцов в Мосул, Джазиру и Диярбакыр, чтобы собрать войска для похода. Он намеревался оставить своего племянника, Саиф ад-Дина, правителем Мосула и Сирии, и лично вести армию в Египет, но Аллах распорядился иначе, и Нур ад-Дин не мог не подчиниться.

Видный доктор, который лечил Нур ад-Дина, сказал мне: «Когда Нур ад-Дина поразила болезнь, от которой он позже умер, он послал за мной и другими докторами. Прибыв к нему, мы обнаружили больного лежащим в маленьком помещении в крепости Дамаска. У него были сильные боли, и он не мог даже громко говорить. Он был сражен приступом в той комнате, в которую обычно удалялся, чтобы помолиться, и оттуда его не переносили. Когда мы вошли в комнату, и стало ясно, в каком он состоянии, я сказал: «Вы не должны были ждать так долго, давая болезни развиваться. Надо было позвать нас раньше. А сейчас вас надо перенести в просторную, хорошо освещенную комнату. При такой болезни это очень важно». Мы осмотрели его и решили, что необходимо кровопускание. Тогда он сказал: «Вы не пустите кровь человеку моего возраста». Поскольку он решительно отказался от лечения, мы попробовали другие средства, но они ему не помогли. Ему становилось все хуже, и в конце концов он умер. Да будет Аллах милостив к нему».

Нур ад-Дин был высокий смуглолицый человек, с бородой, но без усов, с приятным лицом и красивыми глазами. Его королевство было обширным, и его власть признавали даже в Медине, Мекке и Йемене, когда Шамс ад-Даула ибн Айюб вторгся туда и объявил себя правителем (в Хиджазе и Йемене, завоеванных братом Саладина, власть Нур ад-Дина была не более реальной, чем в Египте; они были, по сути, частью империи Айюбидов). Нур ад-Дин родился в 511/1117 году и прославился своей мудростью и справедливостью. Я читал жизнеописания коро-

лей прошлого, и после праведных халифов и Умар ибн Абд аль-Азиза не встречал более честного и строгого поборника справедливости (праведные халифы — четыре преемника Мухаммеда — Абу Бакр, Умар, Усман, Али — вместе с Омейядом Умаром ибн аль-Азизом являются идеальными правителями ортодоксальной традиции, вечным примером справедливого правления). Я написал о нем в своей истории династии («Истории атабеков Мосула») и привожу здесь отрывок, в надежде, что люди, облеченные властью, прочитают его и он станет для них примером.

Среди его добродетелей можно назвать аскетизм, благочестие и знание теологии. Его пища и одежда, а также личные расходы оплачивались доходами с собственности, приобретенными на его официальную часть добычи. Его жена жаловалась на его аскетизм, и он выделил ей, из своей личной собственности, три магазина в Химсе, которые приносили ей около двадцати динаров в год. Когда она заявила, что этого мало, он ответил: «У меня больше нет. Я всего лишь хранитель тех несметных богатств, которые находятся в моем распоряжении, для мусульманского сообщества, и я не намерен обманывать людей или обречь себя на адский огонь ради тебя».

Он часто вставал ночью, чтобы помолиться, занимался благочестивым чтением и делал добрые дела. Как сказал поэт, «он объединил отвагу с уничтожением пред своим Господом; о, какая это святыня в святыне!».

Он изучал ханафитский мазхаб (одна из четырех основных школ или систем мусульманского права; три другие — шафитский, маликитский и ханбалитский мазхаб). Однако он не был фанатиком. Он слышал передаваемые канонические традиции, и сам передавал их, что является весьма похвальным в глазах Аллаха. Примером его справедливости является то, что он не позволял устанавливать в своих владениях никаких незаконных налогов и сборов, а, наоборот, ликвидировал их все в Египте, Сирии, Джазире и Мосуле. Он глубоко уважал Священный закон и подчинялся его предписаниям. К примеру, как-то раз некий жалобщик призвал его в суд из-за какой-то

собственности. Нур ад-Дин предстал перед кади со словами: «Я являюсь для защиты собственного дела; сделай для меня то, что ты сделал бы для всякого». В том случае Нур ад-Дин выиграл дело. Тогда он обратился к кади и присутствовавшим и сказал: «Я хорошо знал, что приязнения моего противника несправедливы, но явился, дабы не подумали, что я желаю его обидеть. Теперь, когда право признано за мной, я желаю отдать этому человеку ту собственность, за владение которой он позвал меня в суд». Нур ад-Дин создал Высшую судебную палату, чтобы вершить правосудие и защищать обиженных, будь то еврей или мусульманин, даже если обидчиком будет его собственный сын или главный эмир.

На поле боя ему не было равных. В бою при нем всегда было два лука и два колчана стрел, и сражался, как простой воин. Имам Котбеддин как-то раз сказал ему: «Именем Аллаха, не подвергай свою жизнь опасности, а вместе с ним ислаизм и мусульман. Ты их опора, и если — избави Аллах — тебя убьют, мы погибли». На это Нур ад-Дин ответил: «Кто такой Махмуд (личное имя султана; Нур ад-Дин — почетный титул), чтобы о нем говорить такие слова? До моего рождения другой защищал эту страну и ислам, и он есть Аллах — другого Бога, кроме него, нет». Нур ад-Дин построил стены вокруг всех городов и крепостей Сирии, и среди них Дамаск, Химс, Хамат, Алеппо, Саизар, Баальбек и многие другие. Он построил множество ханафитских и шафиитских медресе, большую мечеть в Мосуле, больницы и караван-сарай вдоль больших дорог, а также монастыри дервишей в каждом городе, которым оставил щедрое содержание. Я слышал, что месячный доход со всего этого составлял 9000 тирских динаров. Он почитал ученых и теологов. В их присутствии он непременно вставал и предлагал им сесть рядом. С ними он всегда был любезен и никогда не противоречил их словам. С ними же он вел личную переписку. Выражение его лица было печальным и меланхоличным — из-за величайшего смирения. Многочисленными были его добродетели, и его достоинствам не было числа. Эта книга слишком мала, чтобы перечислить их все.

ГЛАВА 9

Следующая глава, которую можно назвать «франкские сцены и франкские обычаи глазами мусульманина», посвящена по большей части знаменитой автобиографии Усамы ибн Мункыза, доблестного и просвещенного эмира Шайзара, жившего в эпоху первых Крестовых походов. Его мемуары, яркая смесь сочных анекдотов и ссылок на исторические события, перемежаются воспоминаниями о встречах с франками в мирное и военное время. В них проявляются то враждебность, то любопытство, то симпатия. Эти небольшие эпизоды временами являются восхитительно парадоксальными и позволяют нам отдохнуть от монотонных сцен военных действий, которые заполняют труды профессиональных историков.

Франкская кавалерия

У франков, да покинет их Аллах, ни одно достоинство не ценится в мужчине выше, чем храбрость. Одни только рыцари пользуются у них преимуществом и высоким положением. У них как бы нет уважаемых людей, кроме рыцарей. Они дают советы и выносят приговоры и решения, командуют армиями. Раз я просил у них суда относительно стада овец, которое захватил в лесу властитель Баняса. Между нами и франками был тогда мир, а я находился в Дамаске. Я сказал королю Фульку, сыну Фулька: «Он поступил с нами несправедливо и захватил наших животных. А это как раз время, когда овцы приносят ягнят; ягнята умерли при рождении, а он вернул нам овец, погубив ягнят». Король сказал тогда шести-семи рыцарям: «Ступайте, рассудите его дело». Они вышли из его покоев и совещались до тех пор, пока все не сошлись на одном решении. Тогда они вернулись в помещение, где принимал король, и сказали: «Мы постановили, что властитель Баняса должен возместить стоимость овец этого человека, которых он погубил». Король приказал ему возместить их цену, но он обратился ко мне, и надоедал просьбами

до тех пор, пока я не принял от него четыреста динаров. Когда рыцари выносят решение, после того как оно окончательно утверждено, оно уже не может быть изменено или отменено ни королем, ни кем-нибудь из предводителей франков. Такое влияние в обществе имеют у них рыцари. На этот раз король сообщил мне, что накануне испытал великую радость. Когда я спросил, что именно так обрадовало его, король ответил.

— Мне говорили, — сказал франкский король, — что ты великий рыцарь, но я и не подозревал, что ты настолько галантен.

Я ответил:

— О господин мой, я рыцарь своего народа и племени. (Здесь мы имеем игру слов: рыцарство и конница — в арабском языке одно и то же слово.) Если всадник высок и хорошо сложен, он больше всем нравится.

Франкское пиратство

После этого я перешел на службу к справедливому королю Нур ад-Дину, да помилует его Аллах. Он написал аль-Малику ас-Салиху, прося его отправить моих жен и детей, которые остались в Египте. Аль-Малик ас-Салих хорошо обходился с ними, но он вернул гонца обратно с извинением, что боится за них из-за франков. Мне он написал: «Возвращайся в Миср. Ты ведь знаешь, какие у нас с тобой отношения. Если же ты не расположен к живущим во дворце, тогда отправляйся в Мекку. Я пришлю тебе грамоту, которой дам в управление город Ассуан, и дам тебе подмогу, чтобы ты был в состоянии воевать с абиссинцами. А Ассуан ведь один из пограничных мусульманских городов. Я пришлю к тебе туда твоих жен и детей».

Я посоветовался с аль-Маликом аль-Адилем и постарался узнать его мнение. Он сказал мне, что не стал бы возвращаться в Египет, если уж ему удалось оттуда спастись. «Жизнь слишком коротка для этого! Я пошлю к королю франков взять пропуск для твоей семьи и отправлю кого-нибудь привезти их». И он, да помилует его Ал-

лах, послал взять у короля пропуск, действительный на суше и на море. Я послал пропуск со своим слугой вместе с письмом аль-Малику ас-Салиху от Нур ад-Дина, и моим к аль-Малику ас-Салиху. Моя семья была отправлена на собственном корабле визиря в Дамиетту, снабженная всем необходимым, деньгами и припасами.

От Дамиетты они отплыли на франкском судне. Когда они приблизились к Акре, франкский король, да обрушится на него гнев Аллаха, послал в маленькой лодке отряд своих людей, которые стали рубить корабль топорами на глазах наших людей. Король, приехавший верхом, остановился на берегу и приказал разграбить все, что было на корабле. Мой слуга добрался до короля вплавь, захватив с собой пропуск, и сказал ему:

— О король, господин мой, не твой ли это пропуск?

— Верно, — ответил король, — но обычай мусульман таков: когда судно потерпит крушение у берегов их страны, жители этой страны грабят его.

— Что же, ты возьмешь нас в плен? — спросил мой слуга.

И король отвечал:

— Нет. — Он, да проклянет его Аллах, поселил их всех в одном доме и велел обыскать женщин, и у них отобрали все, что с ними было. На судне они захватили украшения, сложенные там женщинами, платья, драгоценные камни, мечи и оружие, золото и серебро, приблизительно на тридцать тысяч динаров. Король забрал все это и выдал им пятьсот динаров со словами: — С этим вы доберетесь до вашей страны. — А их было, мужчин и женщин, около пятидесяти душ.

В то время я находился вместе с Нур ад-Дином в земле царя Масуда (сельджукский султан Икония — Коньи) в Рабани и Кайсуне (форты в районе Самосата; события происходили около 1155 года). В сравнении с тревогой за моих детей, моего брата и наших жен, все остальное мало что для меня значило. Огорчала разве что утрата книг — а их ведь было четыре тысячи переплетенных великолепных томов. Это было ударом, который я не смог забыть до конца жизни.

Медицина франков

Властитель аль-Мунайтыры написал письмо моему дяде, прося прислать врача, чтобы вылечить нескольких больных — его товарищей. Дядя прислал к нему врача-мусульманина, которого звали Сабит. Не прошло и десяти дней, как он вернулся обратно. «Как скоро ты вылечил больных!» — сказали мы ему. И вот что он рассказал: «Они привели ко мне рыцаря, на ноге у которого образовался нарыв, и женщину с общим истощением. Я положил рыцарю маленькую припарку, и его нарыв вскрылся и стал заживать, а женщине я предписал очищение и укрепляющую диету. Потом пришел франкский врач и сказал: «Этот мусульманин ничего не понимает в лечении. Что тебе приятнее, — спросил он рыцаря, — жить с одной ногой или умереть с двумя?» Когда рыцарь ответил, что хочет жить с одной ногой, врач послал за сильным мужчиной и острым топором. Рыцарь явился с топором, и я присутствовал при этом. Врач положил ногу больного на бревно и велел рыцарю отрубить ее одним ударом. Рыцарь нанес удар на моих глазах, но не отрубил ноги; тогда ударил ее второй раз, мозг из костей ноги вытек, и больной тотчас же умер. Тогда врач взглянул на женщину и сказал: «В голове этой женщины дьявол, который влюбился в нее. Обрейте ей голову». Женщину обрили, и она снова стала есть обычную пищу франков — чеснок и горчицу. Ее состояние ухудшилось. Тогда врач сказал: «Дьявол вошел ей в мозг». Он схватил бритву, надрезал ей кожу на голове крестом и сорвал ее с середины головы настолько, что стали видны черепные кости. Затем он натер ей голову солью, и она тут же умерла. Я спросил их, нужен ли им еще, они сказали, что нет, и тогда я ушел, узнав об их врачевании кое-что такое, чего не знал раньше».

Франки и супружеская ревность

У франков нет никакого самолюбия и ревности. Бывает, что франк идет со своей женой по улице; его встречает другой человек, берет его жену за руку, отходит с ней в сторону и начинает разговаривать, а муж стоит в сто-

ронке и ждет, пока она кончит разговор. Если же разговор затянется, муж оставляет ее с собеседником и уходит. Я был свидетелем следующего случая.

Приезжая в Наблус, я останавливался в доме одного человека по имени Муизз, у которого жили все мусульмане. В этом доме были окна, выходящие на дорогу, а напротив, на другой стороне улицы, стоял дом одного франка, продававшего от имени купцов. Для этого он брал бутылку вина от одного из них и кричал, что такой-то купец открыл бочку такого-то вина и кто хочет получить его — пусть придет в такое-то место.

Однажды торговец вернулся домой и нашел в своей постели человека, который лежал рядом с его женой.

— Что ты делаешь здесь рядом с моей женой? — спросил он.

— Я был утомлен, — ответил незнакомец, — и зашел сюда отдохнуть.

— Но как ты оказался в моей постели? — продолжал торговец.

— Я увидел, что постель постлана, — ответил человек, — и лег на нее.

— Но ведь жена лежит с тобой! — воскликнул торговец.

— Это ее постель, — ответил человек, — разве я мог не пустить ее на ее собственную постель?

— Клянусь! — воскликнул франк. — Если ты еще раз сделаешь это, я отведу тебя в суд. — Так проявилось его недовольство и высшая степень ревности.

Аналогичный пример я слышал от банщика по имени Салим из Аль-Маарры, который служил в банях моего отца, да помилует его Аллах. Салим рассказал мне:

— Я открыл в Аль-Маарре баню, чтобы заработать себе на жизнь. Однажды в баню пришел франкский рыцарь, а они не следуют обычаю, находясь в бане, опоясываться покрывалом. Он протянул свою руку, сорвал мое покрывало с пояса, отбросил его и увидел меня без всего, а я недавно обрил себе волосы на лобке.

— Салим, — крикнул мне франк. Я подошел к нему, и он указал рукой на мой выбритый лобок. — Салим, мне нравится! — воскликнул он. — Сделай со мной то же са-

мое. — Он лег на спину, а у него на этом месте была точно вторая борода. Я обрил его, а он провел по этому месту рукой, погладил его и сказал мне: — О Салим, сделай то же самое с моей женщиной. — Он имел в виду свою жену. И он велел слуге, чтобы тот пошел и привел его жену. Она пришла, легла на спину, и рыцарь сказал: — Сделай с ней то же, что ты сделал со мной.

Я брил ей эти волосы, а муж сидел и смотрел на меня. Затем он поблагодарил меня и дал мне денег за мою услугу.

В этом заключается великое противоречие: у них нет ни ревности, ни самолюбия, но они отличаются великой доблестью, а разве доблесть не происходит от самолюбия и готовности напасть?

Восточные франки

Многие франки обосновались в наших землях и стали жить, как мусульмане. Такие франки намного лучше тех, кто недавно приехали из франкских стран, однако они исключение, по которому нельзя судить обо всех. Вот пример. Однажды я послал товарища в Антиохию по делу. Там правил Теодор ибн ас-Сафани, мой друг. Как-то раз он сказал моему товарищу, что один франк пригласил его в гости, и предложил пойти вместе с ним, чтобы увидеть, как живут франки на Востоке. «Я пошел с ним, — рассказал мой товарищ, и мы вошли в дом одного рыцаря. Это был старожил, один из тех, кто прибыл сюда во время первого похода. Этот человек оставил службу в армии и жил на доходы с собственности, которой владел в Антиохии. Нам принесли прекрасно накрытый стол, уставленный чисто и хорошо приготовленными кушаньями. Рыцарь увидел, что я воздерживаюсь от еды, и сказал: «Не беспокойся и ешь все, что твоей душе угодно. Я сам не ем франкских кушаний, держу кухарок из Египта и ем только то, что они готовят. В моем доме не может быть свиного мяса». Я стал есть, но был осторожен, а потом мы ушли. В другой раз я шел по рынку, и ко мне привязалась франкская женщина, что-то говорившая на варварском

языке, которого я не понимал. Вокруг нас собралась толпа, и я уже прощался с жизнью, когда неожиданно появился тот самый рыцарь, у которого мы были в гостях. Увидев меня, он подошел.

— Что тебе надо от этого человека? — спросил он у женщины.

— Он убил моего брата Урса, — ответила она. Урс — рыцарь из Апамени, был убит каким-то солдатом из Хамата. Старик упрекнул женщину.

— Этот человек купец, — объяснил он, — городской житель. Он не участвует в сражениях и живет очень далеко от тех мест, где был убит твой брат. — Услышав его слова, толпа стала расходиться. А он пожал мне руку. То, что я ел за его столом, спасло мне жизнь».

Тамплиеры в Иерусалиме

Вот пример грубости франков, будь они прокляты. Однажды, когда я посетил Иерусалим, я вошел в мечеть аль-Акса, рядом с которой была еще одна мечеть — в ней франки устроили церковь. Когда я заходил в мечеть, а там жили храмовники, мои друзья, они предоставляли мне маленькую мечеть, чтобы я в ней молился. Однажды я вошел туда, произнес «Аллах велик» и начал молиться. Один франк ворвался ко мне, схватил меня, повернул лицом к востоку и крикнул: «Молись так!» К нему бросились несколько храмовников и оттащили его от меня, и я снова вернулся к молитве. Однако этот самый франк ускользнул от храмовников и снова бросился на меня. Он повернул меня лицом к востоку и крикнул: «Так молись!» Храмовники опять вмешались и оттащили франка. Они извинились передо мной и сказали: «Это чужестранец, он приехал на днях из франкских земель на севере и никогда не видал, чтобы кто-нибудь молился иначе, как на восток». — «Хватит уже мне молиться», — ответил я и вышел из мечети. Меня очень удивило выражение лица этого дьявола, его дрожь и то, что с ним сделалось, когда он увидел молящегося по направлению к кибла.

Я видел, как один франк пришел к эмиру Муин ад-Дину, да помилует его Аллах, когда тот был в Куполе Скалы, и сказал: «Ты хочешь видеть бога ребенком?» — «Да», — сказал Муин ад-Дин. Франк пошел впереди нас и показал нам изображение Святой Девы, на коленях которой сидел маленький Мессия. «Вот бог, когда он был ребенком», — сказал франк. Великий Аллах выше, чем то, что говорят нечестивые о нем.

Выкуп пленных

Я искал возможности посетить короля франков, чтобы договориться о мире между ним и Джемаль ад-Дином Мухаммедом ибн Тадж аль-Мулуком (договор 1140 года между Дамаском и франками; судя по этому отрывку, автор участвовал в составлении проекта договора). Мои надежды на успех основывались на службе, которую некогда сослужил мой покойный отец королю Балдуину, отцу королевы, супруги короля Фулька, сына Фулька (Балдуин II был гостем эмира Шайзара во время одного из периодов плена, как сообщил сам Усама в своих трудах). Франки сгоняли ко мне пленных, чтобы я их выкупил, и я выкупал тех из них, кому Аллах облегчал освобождение. Один из франков, дьявол по имени Уильям Джиба, вышел на своем корабле как пират и захватил судно с магрибскими паломниками, которых было около четырехсот душ мужчин и женщин. Ко мне приходили все новые пленные с их владельцами, и я выкупил тех, кого был в состоянии выкупить. Среди них был один молодой человек, который приветствовал меня и сел, не говоря ни слова. Я расспросил о нем, и мне сказали, что это аскет и что хозяин его дубильщик. Я спросил последнего:

— Сколько ты хочешь вот за этого?

Тот ответил:

— Я продам его не иначе как вместе с этим стариком, как я и купил их, за сорок три динара.

Я выкупил их и выкупил еще нескольких для себя, а нескольких для эмира Муин ад-Дина, да помилует его

Аллах, всего за сто двадцать динаров. Я отвесил сколько было со мной денег, а остальное обещал заплатить.

Приехав в Дамаск, я сказал эмиру Муин ад-Дину:

— Я выкупил пленных от твоего имени, но не смог заплатить за всех наличными. Но теперь я у себя дома, и, если ты хочешь их взять, заплати их цену, а если нет, я заплачу сам.

— Нет, — ответил эмир, — я сам заплачу их цену: ведь мое самое большое желание — получить за них небесную награду.

Муин ад-Дин был выдающимся человеком в своем стремлении вершить добро и получать за него воздаяния свыше. Он отвесил их стоимость, а я через несколько дней вернулся в Акру. У Уильяма Джиба оставалось тридцать два пленных, и среди них была жена одного из тех, кого я выкупил. Я хотел купить ее у Уильяма, но не мог тогда заплатить за нее. Позже я поехал к нему, да проклянет его Аллах, и сказал:

— Продай мне еще десять из них.

— Клянусь, — ответил он, — я продам только всех вместе.

— У меня нет с собой денег, чтобы заплатить за всех, — возразил я. — Я куплю часть их сейчас, а в следующий раз куплю остальных.

Но он ответил:

— Я продам тебе только всех сразу, — и я уехал, а Аллах, да будет ему слава, предопределил всем убежать в ту же ночь. Жители деревень вокруг Акры все были из мусульман, и, когда к ним приходил пленный, они прятали его и помогали им добраться до мусульманских территорий. Проклятый Джиба преследовал их, но ни один из них не попался ему в руки, и Аллах в своей бесконечной милости спас их всех. На следующее утро Уильям потребовал у меня платы за ту женщину, которую я хотел купить и не заплатил денег, а она убежала вместе с остальными беглецами. Я сказал ему:

— Передай ее мне, и я заплачу.

— Ты все равно должен заплатить, потому что мы договорились о покупке вчера. — Он заставил меня заплатить ее стоимость, и я заплатил, и это показалось мне пустяком, так я был рад освобождению этих несчастных.

Предложение послать моего сына в Европу

В войсках короля Фулька, сына Фулька, был всадник, пользовавшийся большим почетом, который прибыл из их страны, совершая паломничество, и возвращался туда. Он подружился со мной, привязался ко мне и называл меня «брат мой»; между нами была большая дружба, и мы часто посещали друг друга. Когда он собрался возвращаться по морю в свою страну, он сказал мне: «О брат мой, я отправляюсь в свою страну и хотел бы, чтобы ты послал со мной своего сына. — А мой сын был в это время при мне, и было ему от роду четырнадцать лет. — Пусть он посмотрит на наших рыцарей, научится разуму и рыцарским обычаям. Когда он вернется, он станет по-настоящему умным человеком». По-настоящему умный человек не мог произнести такие слова; ведь мой сын мог попасть в плен, а не совершить поездку в страну франков. И я ответил моему другу: «Поверь, я не мог бы пожелать ничего лучшего для своего сына, но, к сожалению, его бабушка — моя мать — очень его любит и не позволила ему выехать со мной, пока не заставила поклясться, что я привезу его к ней обратно». — «Значит, твоя мать еще жива?» — спросил франк. «Да», — сказал я. «Тогда не ступай против ее желания», — сказал он.

Сокол Акры

Я поехал однажды с эмиром Муин ад-Дином, да помилует его Аллах, в Акру к королю франков Фульку, сыну Фулька. Там мы увидели одного гемуэца, прибывшего из франкских земель и привезшего с собой большого сокола и маленькую собачку. Когда сокола пускали на журавля, собака бежала под соколом, и, когда он захватывал птицу и спускался с ней на землю, она вцеплялась в нее зубами и та не могла вырваться. Эмир Муин ад-Дин попросил этого сокола у короля франков, и его отобрали у гемуэца вместе с собакой. Король подарил их эмиру, и животные отправились с нами. По пути я видел, что сокол бросает-

ся на газелей так же, как на мясо, которое мы ему давали. Мы приехали с ним в Дамаск, но жизнь его оказалась там непродолжительной. Он ни разу не участвовал в охоте и довольно скоро умер.

Христианское благочестие и мусульманское благочестие

Я посетил могилу Иоанна, сына Захарии — да благословит их Аллах! (и Захария, и его сын считались пророками и почитались мусульманами) — в провинции Наблус. Помолившись, я вышел на площадь, примыкающую с одной стороны к священному участку. Я обнаружил полуоткрытые ворота, открыл их и вошел в церковь. Внутри было десять старцев. Их головы были седыми как лунь. Они были обращены лицами на восток (нормальная практика для христиан того времени), а на груди были посохи, оканчивающиеся перекладинами, загнутыми на концах, как задняя часть седла. Они клялись на этот знак, и оказывали гостеприимство тем, кто в нем нуждался (значение этих слов не вполне ясно; кресты в форме посохов, возможно, были привычными для этих монахов церкви Святого Иоанна). Их благочестие тронуло мое сердце, но одновременно оно огорчило меня, потому что я никогда не видел такого рвения и преданности среди мусульман. Какое-то время я обдумывал этот опыт, и однажды, когда Муин ад-Дин и я проезжал мимо Дома фазана (монастырь суфиев), он сказал мне: «Я хочу здесь спешиться и навестить аскетов». Я согласился. Мы вошли в длинное здание, поставленное под углом к дороге. Сначала мне показалось, что там никого нет. Потом я увидел около сотни ковриков для моления, и на каждом — суфия, их лица были просветленными, а позы выражали ревностное служение. Это было утешительное зрелище, и я возблагодарил Аллаха за то, что среди мусульман есть такие люди. До этого я не видел суфиев и не знал, как они живут.

Часть вторая

САЛАДИН И ТРЕТИЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

ГЛАВА 1

Мусульманские источники о Саладине и его деяниях — это прежде всего труды его приближенных Имад ад-Дина и Баха ад-Дина. Первый описал историю завоевания Иерусалима. В высшей степени искусственный стиль накладывается на повествование очевидца событий, значение которых он полностью понимает. Последний является автором биографии Саладина, написанной намного менее цветисто. В ней есть искренность, теплая симпатия и преданность, которые редко появляются в велеречивых апологиях.

Третьим часто цитируемым автором трудов о Саладине является Абу Шама аль-Макдиси. Ему посвящена часть в «Книге двух садов», которая является антологией, содержащей отрывки из Имад ад-Дина (лишенные напыщенности стиля), Баха ад-Дина и ибн аль-Атира. Единственной реальной ценностью компиляции Абу Шама является то, что в нее включены источники, ныне утраченные, и подборка актов и документов из канцелярии султана. Ибн аль-Атир, хотя его отношение к султану было испорчено политическими пристрастиями, сохранил свои обычные качества — ясное информативное изложение и объективность при использовании источников.

Наиболее яркий и всеобъемлющий портрет Саладина, величайшего поборника ислама, дал Баха ад-Дин ибн Шаддад.

Характер Саладина

В подлинном хадисе приводится следующее высказывание святого пророка: «Ислам основывается на пяти столпах: признании единства Бога, молитве, закате — милостыне на благотворительные цели, посте в месяц Рамадан и паломничестве к святому дому Господа в Мекку». Салах ад-Дин (Саладин) истово верил в религиозные доктрины и часто возносил молитвы во славу Господа. Он воспринял религиозное учение под влиянием красноречивых доказательств, в результате его бесед с ученейшими шейхами и наиболее выдающимися правоведами. В этих беседах он обрел знания, позволившие ему говорить по существу, когда при нем возникала дискуссия, хотя он и не пользовался специальной терминологией законников. Эти беседы утвердили его в истинной вере, которая осталась не омраченной никакими сомнениями и не позволила стреле размышлений отклониться от цели и вонзиться в конце концов в сомнение и неверие. Шейх Кутб ад-Дин ан-Найсабури составил описание веры для этого правителя, и в нем было все, что ему необходимо знать. Поскольку он был очень доволен этим трудом, то заставлял своих младших сыновей выучить его наизусть, чтобы это благодатное учение укоренилось в их сердцах в самом нежном возрасте. Я лично видел, как он брал эту книгу и читал ее вслух своим детям, после чего они воспроизводили содержание по памяти.

Что касается молитв, он всегда неукоснительно читал их сообщая с другими людьми, и как-то сказал, что в течение нескольких лет не совершал их иначе. Если он болел, то посылал за кем-нибудь и, заставив себя подняться на ноги, совершал молитву вместе с ним. Он регулярно читал раватибы — желательные молитвы, кроме того, совершал намаз, если просыпался ночью. Если он не просыпался, то этот намаз он совершал до наступления утренней молитвы. До тех пор пока он оставался в сознании, он никогда не оставлял совершения молитв. Я видел, как он неукоснительно выполнял долг во время последней болезни и прекратил его выполнять только в последние

три дня жизни, когда впал в беспамятство. Когда он находился в пути, в отведенные для молитвы часы он сходил с коня.

Поговорим о закате и том, что он отдавал на нужды благотворительности. До самой смерти он не накопил столько денег, чтобы оказаться обязанным отдавать закат. Он тратил все свои средства на благотворительность. В казне человека, обладавшего таким огромным богатством, осталось всего сорок семь насрийских дирхамов и единственный слиток золота. Он не оставил ни добра, ни дома, ни недвижимости, ни садов, ни деревень, ни пахотной земли, никакой иной собственности.

Поговорим о посте в месяце Рамадан. Ему пришлось пропустить некоторые дни поста, которые он не смог соблюсти во время своих частых болезней. В обязанности кади аль-Фадила (глава канцелярии Саладина, его приближенный и советник) входило вести подсчет таким дням. Правитель начал возмещать пропущенные им дни поста в Иерусалиме, в том году, в котором умер. Ему надо было поститься еще за два Рамадана, пропущенных по причине телесной немощи и постоянных тягот подвигов на пути Аллаха, все остальные посты к тому времени он уже возместил. Его здоровье не способствовало посту, однако, вдохновленный Аллахом, в тот год он решил возместить пропущенное. Мне довелось вести счет тем дням, поскольку тот кади отсутствовал. Все доводы, которые употреблял врач, чтобы отговорить его от поста, не имели успеха. Правитель не желал слушать его и говорил: «Я не знаю, что может произойти». Складывается впечатление, что Господь вдохновлял Салах ад-Дина исполнить свой долг, и он продолжал поститься, пока не возместил все пропущенные дни.

Поговорим о паломничестве. Он всегда намеревался совершить его и особенно желал сделать это в последний год своей жизни. Он принял решение и отдал приказы о подготовке к путешествию, и все уже было готово, чтобы пуститься в путь, но он решил отложить паломничество на следующий год, так как ему требовалось время, и у него не было средств, необходимых для человека его ранга.

Однако Аллах решил иначе, как это часто бывает с людьми и высокого и низкого ранга.

Салах ад-Дин очень любил слушать чтение Корана, и он любил слушать, как читает имам. Этот человек должен был досконально знать все, что связано с текстом Корана, и знать эту книгу наизусть. Когда правитель проводил ночь в своей комнате, он часто просил кого-нибудь прочитать ему два, три или четыре джузы, а сам слушал. Когда он был на публичных приемах, он просил осведомленных людей прочитать двадцать или более аятов. Однажды, проходя мимо маленького мальчика, который сидел рядом с отцом и очень хорошо читал Коран, он отдал ему еду, приготовленную для него самого. Он также подарил ему и его отцу часть урожая с некоего поля. Сердце его было полно смирения и сострадания, слезы легко наворачивались ему на глаза. Когда он слушал чтение Корана, его сердце таяло и по щекам струились слезы. Он очень любил слушать хадисы, особенно когда их читали шейхи, хорошо знавшие хадисы и доктрины. Если при дворе появлялись такие ученые, он принимал их лично и заставлял тех своих сыновей и мамлюков, которые находились при этом, слушать чтение, и предлагал всем сидеть, в знак уважения. Если кто-то из ученых и знатоков хадисов был не из тех, кто обивает пороги султанов, Салах ад-Дин лично отправлялся послушать их. Будучи в Александрии, он часто навещал хафиза аль-Исфахани (в исламе хафиз — тот, кто знает Коран наизусть, или сведущ в хадисах), от которого услышал множество хадисов. Он сам любил читать хадисы, поэтому часто приглашал меня в свои покои, и там, окруженный книгами хадисов, начинал читать, и всякий раз, доходя до хадиса, содержащего назидательный фрагмент, он становился растроганным до слез.

Он проявлял глубочайшее почтение к законам веры, утверждал, что верит в телесное воскрешение и в то, что добродетельные будут в раю, а злодеи в аду. Он принимал все, что ниспослано Божественным законом, открытым сердцем. Он терпеть не мог философов, еретиков, материалистов, всех противников правоверия. Он даже приказал своему сыну, аль-Малику аз-Захиру, правителю

Алеппо, покарать молодого человека, известного как ас-Сухраварди (философ и мистик из Алеппо, который в 1191 году пал жертвой религиозной нетерпимости Саладина; этот аспект его характера имеет мало общего с фантазиями историков), который называл себя врагом Божественного закона и еретиком. Аз-Захир отправил этого человека в тюрьму, сообщил об этом отцу, и по требованию Салах ад-Дина тот был казнен.

Салах ад-Дин глубоко верил во Всевышнего, рассматривал его как величайшую опору и уповал на него. Приведу пример, свидетелем которого был сам. Франки — будь они прокляты — разбили лагерь в Бейт-Нубе, населенном пункте, расположенном в нескольких днях пути от Иерусалима. Султан находился в Иерусалиме, выставил аванпосты и послал людей следить за всеми вражескими перемещениями. Он постоянно получал известия о франках, об их упрямом намерении подойти к Святому городу, осадить его и начать обстрел. Это вызвало великий испуг среди мусульман. Султан созвал эмиров, сообщил им о беде, грозящей правоверным, и спросил их, правильно ли оставаться в городе. Все они начали храбриться, но их действительные мысли были другие. Они единодушно заявили, что нет пользы от присутствия султана в Иерусалиме, и это даже может обернуться опасностью для ислама. Они сами останутся в городе, а он пусть уйдет с отрядом воинов и окружит врага, как это было в Акре. Его миссией было ошеломить врага и отрезать его от запасов продовольствия, а они тем временем будут удерживать город и отражать атаки. На этом совет закончился и все разошлись. По окончании совета султан решил непременно остаться в городе, поскольку понимал: если он покинет Иерусалим, там не останется никого. Эмиры разъехались по домам, но один из них вернулся и сказал, что они останутся, только если он оставит во главе их своего брата аль-Малика аль-Адила или одного из своих сыновей. Султан понял: это значит, что они не желают оставаться в городе, его сердце захлестнула горечь, и он не знал, что ему предпринять. В ту же ночь, это была ночь на пятницу, я находился при нем и должен был пребывать в его по-

коях с вечера до рассвета. Стоял сезон дождей, и с нами не было больше никого, кроме Бога. Мы строили планы, обсуждали последствия каждого из них, однако в конце концов, видя, до какой степени он охвачен беспокойством, я стал тревожиться о его здоровье. Поэтому я уговорил его прилечь и, если удастся, поспать. Он ответил: «Тебе тоже, наверное, хочется спать», и встал. Вернувшись к себе, я занялся некоторыми делами личного характера, которые заняли все время до зари, когда прозвучал призыв к молитве. Поскольку я обычно совершал утреннюю молитву вместе с ним, я прошел в его покои и застал его совершающим омовение. Он сказал, что не сомкнул глаз. Я ответил, что знаю об этом.

— Откуда? — спросил он.

Я сказал, что тоже не спал, поскольку на это не было времени. Затем мы совершили утреннюю молитву и занялись тем, что нам предстояло сделать. После этого я сказал:

— У меня есть идея, и неплохая, если, конечно, на то будет воля Аллаха.

Султан спросил:

— Какая идея?

— Обратись к Аллаху и доверься его милости. Тогда ты будешь избавлен от решения ужасной дилеммы.

— Как мы должны поступить? — спросил он.

Я сказал:

— Сегодня пятница. Мой господин совершит ритуальное омовение, прежде чем направится днем в мечеть аль-Акса и, по обычаю, помолится в этом святом месте, где пророк начал свое ночное путешествие. Ты поручишь доверенному слуге тайно раздать милостыню, затем сотворишь молитву из двух ракатов между первым и вторым призывом муэдзина и в земном поклоне обратишься к Аллаху с просьбой о помощи. Есть достоверный хадис по этому поводу. Ты скажешь: «О Аллах, я исчерпал все земные способы защитить религию, которые были в моем распоряжении. Мне осталось только искать опору в тебе, вверить себя в твою власть и положиться на твою милость. На тебя одного я уповаю. Ты лучший из храните-

лей». Будь уверен: Господь слишком великодушен, чтобы отвергнуть твой призыв.

Саладин поступил в точности, как я посоветовал. Я, как обычно, был рядом с ним. Когда он совершал два раката между первым и вторым призывом к молитве, совершая земные поклоны, я видел, как слезы капают на его седеющую бороду и на молитвенный коврик, однако я не слышал, что он говорил. В тот же день прибыл гонец с донесением от Изз ад-Дина ибн Журдика, капитана авангарда. В нем было сказано, что франки охвачены тревогой. Их воины сели на коней и выехали на равнину. Там они стояли до полудня, а затем вернулись в лагерь. В субботу утром прибыл другой гонец с сообщением, что они повторили тот же маневр. Днем шпион сообщил, что меж франков возникли разногласия. Французский король настаивал на необходимости осадить Иерусалим, а английский король и его люди не желали рисковать делом крестоносцев, отправляя войска в горную местность, где они будут практически лишены воды, поскольку Саладин приказал уничтожить все колодцы вокруг Иерусалима. Он также сообщил, что их вожди покинули лагерь, чтобы провести совет, потому что, по обычаю, все вопросы войны у них обсуждались на совете, во время которого все участники сидели верхом. Еще он сообщил, что они решили передать вопрос на рассмотрение десяти человек, которых выбрали из своего числа, и поступить так, как они решат. Утром в понедельник пришла благая весть о том, что враг свернул лагерь и направляется в Ар-Рамлу. Таков пример великой веры султана в Бога. Я сам был тому свидетелем.

Его справедливость

Абу Бакр (первый халиф, преемник Мухаммеда) — да будет Аллах милостив к нему — сообщает, что пророк — да благословит и сохранит его Аллах — сказал: «Справедливый правитель — тень Аллаха на земле. Того, кто сам верно служит Господу и радеет о других, Аллах поместит

в тень своего трона, когда не останется ничего, кроме этой тени, а того, кто пытается обмануть Господа в делах, касающихся самого себя или других людей, Аллах лишит всякой надежды в день восстания из мертвых. Справедливому правителю на каждый день его труда он дарует награду, равную той, что получают за свое поклонение шестьдесят праведников, каждый из которых заслужил личное спасение». Саладин был справедливым, милостивым, сострадательным, готовым прийти на помощь слабым против сильных. Каждый понедельник и четверг он давал аудиенции, верша правосудие, в присутствии законников, кади и ученых. Он выслушивал всех, кто стал жертвой несправедливости, великих и малых, старых, слабых и больных. Он занимался этим не только когда находился в городе, но и во время путешествий, всегда собственноручно принимал петиции и старался устранить безобразия, о которых в них сообщалось. Ежедневно он собирал множество таких документов и открывал ворота правосудия для жалобщиков, он никогда не прогонял тех, кто приходил к нему пожаловаться на причиненные обиды или потребовать возмещения причиненного ущерба. Каждый день днем или вечером он проводил час со своим секретарем и писал на каждой петиции тот ответ на нее, который подсказывал ему Аллах. Когда бы к нему ни обращались с жалобой, он останавливался, чтобы выслушать и понять суть жалобы, а также разобраться в правовой стороне дела. Я лично видел, как один из жителей Дамаска, которого звали ибн Зухейр, обратился к нему с жалобой на Таки ад-Дина, племянника султана, требуя восстановить справедливость. Хотя Таки ад-Дин пользовался большой свободой и уважением своего дяди, султан не стал делать для него исключения, когда речь зашла о справедливости, и заставил предстать перед судом.

Был еще более примечательный случай, чем приведенный выше, также иллюстрирующий присущее султану острое чувство справедливости. Однажды, председательствуя в суде в святом городе Иерусалиме, я увидел, как в суд вошел красивый старик, купец по имени Умар аль-Хилати. Он передал мне заверенную претензию и пред-

ложил с ней ознакомиться. Я спросил, кто его ответчик, и он ответил:

— Мой ответчик султан, но ведь здесь вершится правосудие, и я слышал, что вы не делаете различий между людьми.

— Почему же ты подаешь на него в суд? — спросил я. Он ответил:

— У меня был раб по имени Сонкор аль-Хилати, который до самой смерти оставался моей собственностью. В то время у него были большие денежные суммы, которые принадлежали мне. Когда он умер, их забрал султан, и я требую их вернуть.

Тогда я спросил его, почему он так долго медлил, прежде чем обратиться в суд, и он ответил:

— Права не уменьшаются оттого, что их предъявляют с отсрочкой, а у меня есть заверенный документ, удостоверяющий, что этот раб был моей собственностью до самой смерти.

Я взял документ, прочитал его и увидел, что в нем содержится описание Сонкора аль-Хилати с примечанием, что хозяин купил его в такой-то день такого-то месяца у купца из Арджиша, и раб оставался собственностью хозяйина до самой смерти. Свидетель, указанный в документе, никогда не слышал, чтобы этот человек по какой-то причине перестал быть собственностью хозяйина. Документ был составлен совершенно правильно. Удивленный этим делом, я сказал старику:

— Не полагается рассматривать обвинение в отсутствие стороны, против которой оно выдвинуто. Я сообщу султану и дам тебе знать, что он скажет.

Старик удовлетворился моими словами и ушел. В тот же день, оказавшись у султана, я ознакомил его с этим делом. Он подумал, что претензия абсурдна, и спросил меня, изучил ли я документ. Я ответил, что изучил его, нашел в полном порядке и что документ был надлежащим образом зарегистрирован в Дамаске. К нему приложен официальный сертификат о том, что его засвидетельствовали своими подписями разные известные личности. Султан был удивлен.

— Хорошо, — сказал он. — Пусть этот человек придет, и я буду защищаться от его обвинений перед судом, в соответствии со всеми правилами, установленными законом.

Через некоторое время, оставшись наедине с Саладином, я сказал:

— Этот старик постоянно приходит ко мне. Мы должны назначить слушание.

Султан ответил:

— Пусть один из моих представителей выслушает претензии, но не разворачивай документ, пока этот человек не придет сюда.

Я сделал все, как он велел. Когда явился истец, султан велел ему подойти ближе и сесть перед ним. Я находился рядом с султаном. Затем он поднялся с дивана, на котором сидел, устроился рядом со стариком и велел ему изложить суть дела. Старик повторил то, что говорил раньше, и добавил:

— У меня в руке документ, подтверждающий правоту всего, что я говорю. Разверни документ и ознакомься с ним. — Я развернул документ и увидел, что он подтверждает все положения жалобы.

Султан взглянул на дату составления документа и ответил:

— У меня есть свидетели, которые подтвердят, что в указанное время Сонкор был моей собственностью и находился в Каире. За год до этого я купил его вместе с восемью другими, и он оставался моей собственностью до тех пор, пока я не даровал ему свободу. — Затем он призвал к себе высших офицеров, подтвердивших, что дело обстояло именно так, как сказал султан, и что указанная им дата была правильной. Истец был загнан в тупик, и я сказал султану:

— Мой господин, этот человек поступил так лишь для того, чтобы, оказавшись перед тобой, получить милость из рук твоих. Нехорошо, если он уйдет разочарованным.

— Это же совсем другое дело! — воскликнул султан и приказал подарить старику роскошный халат и деньги, сколько именно, я не помню, но достаточно, чтобы покрыть его издержки.

Разве это не редкостный пример смирения султана, его покорности закону, способности смирить гордыню и щедрости к тому, кого он вполне мог подвергнуть наказанию?

Примеры его щедрости

Пророк говорил: «Когда щедрый оступается, Аллах берет его за руку». Много хадисов посвящено щедрости. Эта черта султана слишком хорошо известна, чтобы писать о ней, и слишком очевидна, чтобы обращать на нее особое внимание. Я лишь отмечу, что тот, кто обладал несметными богатствами, после смерти оставил в своей казне сорок семь дирхамов и один слиток тирского золота, вес которого я не помню. И при этом он раздавал целые провинции. Завоевав Амид (в Месопотамии), он подарил его Мухаммеду ибн Кара Арслану (эмир Хисн-Кайфы из Артукидов), попросившему его об этом. Однажды в Иерусалиме я был свидетелем того, как перед отъездом в Дамаск он принимал множество послов, и в казне не осталось денег, чтобы сделать подарки всем. Я постоянно напоминал ему об этом, и он в конце концов продал для государственной казны одно из своих угодий, чтобы денег хватило на всех. В итоге не осталось ни одного дирхама. Саладин одинаково свободно раздавал подарки и когда был в стесненных обстоятельствах, и когда наслаждался изобилием. Казначей всегда старались утаить от него некоторые суммы на случай непредвиденных обстоятельств. Они знали, что стоит ему их увидеть, как он их тотчас потратит. Однажды я слышал, как в разговоре он заметил: «Возможно, в мире есть люди, которые смотрят на деньги так же, как на пыль под ногами». Он явно говорил о себе. Он всегда давал больше, чем его просили. Я никогда не слышал, чтобы он говорил: «Мы ему уже давали». Он без конца дарил подарки тем, кому уже делал их раньше, и дарил новые с таким удовольствием, словно никогда прежде ничего им не дарил. Он всегда проявлял великую щедрость. Об этом было известно настолько хорошо, что люди пытались выманить у него деньги. Я никогда не слышал,

чтобы он говорил: «Я уже несколько раз делал тебе подарки, сколько же раз мне придется давать тебе еще?» Большинство документов на эту тему было написано под мою диктовку или мной собственноручно. Мне часто бывало стыдно за жадность, проявляемую теми, кто приставал к нему с просьбами, но я всегда, не колеблясь, обращался к султану от их имени, зная, как он щедр и великодушен. Всякий, кто поступал к нему на службу, получал такие дары, что ему никогда не приходилось искать щедрости кого-то другого. Перечислять его дары — невыполнимая задача. Однажды я слышал, как глава его администрации (дивана) сказал: «Мы ввели учет коням, которых он подарил только на равнине Акры, и их число превысило десять тысяч». Те, кто были свидетелями его щедрости, не подумают, что это нечто из ряда вон выходящее. Великий Аллах, это Ты внушил ему такую щедрость. Ты, щедрейший из щедрых, самый милостивый из тех, кто проявляет милость.

Его смелость и бесстрашие

Пророк сказал: «Господь любит отвагу, даже если она проявляется при убийстве змеи». Султан был храбрейшим из храбрых, его отличали сила духа, мужественный характер, бесстрашие. Я видел, как он первым шел на бой с франками, к которым каждую минуту прибывали новые подкрепления, и это зрелище лишь укрепляло его мужество и целеустремленность. Однажды вечером к берегу причалили более семидесяти вражеских кораблей. Чтобы посчитать их, мне потребовалось все время между молитвой аср (первый час после полудня) и закатом, однако их появление лишь укрепило его дух. Другой случай был, когда с наступлением сезона дождей он распустил армию и оказался перед лицом большого вражеского войска с небольшим отрядом. Я спросил Балиана ибн Барзана (Балиан II Ибелин, крестоносец, присутствовавший на мирных переговорах 1192 года) — это был один из величайших франкских рыцарей Палестины, имевший аудиенцию у

султана в день подписания мира, он ответил через переводчика: «Когда правитель Сидона и я покидали Тир, чтобы присоединиться к нашей армии, осаждавшей Акру, мы остановились на вершине холма и попытались определить ее численность. По мнению правителя Сидона, их было пятьсот тысяч, а по-моему — шестьсот». На мой вопрос о потерях он ответил: «Почти сто тысяч на поле боя, и только Богу известно, сколько умерло от болезней и сколько утонуло». Из всего этого великого множества лишь немногие вернулись на родину.

Каждый день, пока мы были вблизи врага, он раз или два объезжал вражеский лагерь. В разгар сражения он имел обыкновение проезжать между рядами в сопровождении одного только паж, который вел его коня. Он проезжал вдоль линии своего войска от правого крыла до левого, проводя смотр отрядам, вдохновляя их на битву, расставляя их на позиции, которые он считал наиболее благоприятными, позволяющими господствовать на поле боя или наступать на врага. Однажды, находясь между двумя армиями, он велел, чтобы ему прочли некоторые хадисы. Я говорил ему, что хадисы можно читать в любых почетных местах, но не было случая, чтобы их читали между двумя армиями. Я сказал, что если моему покровителю угодно, чтобы о нем говорили такое, тогда все в порядке. Принесли фолиант, и кто-то из присутствовавших, знавших эту книгу, начал читать ему из нее. Мы оставались в седлах, иногда проезжая вперед, иногда назад, временами останавливались, но постоянно находились между двумя армиями.

Я никогда не видел, чтобы он выражал тревогу по поводу численности или силы врага. Занятый своими мыслями, он выслушивал все планы и бесстрастно обсуждал все их преимущества и недостатки, никогда не теряя самообладания. Даже когда мусульманская армия была почти разгромлена в великой битве на равнине Акры, когда даже войска центра обратились в бегство, бросив барабаны и знамена, он оставался на месте, хотя рядом с ним была лишь горстка сторонников. Наконец ему удалось добраться до возвышенности, где он собрал всех своих людей. Его упреки по-

вергли всех в такой стыд, что люди вернулись вместе с ним, чтобы сражаться дальше. В конце концов победа досталась мусульманам, а враг потерял больше семи тысяч убитыми, в числе которых были и пешие, и конные. Султан продолжал сражаться, но, видя силу врага и слабость своих людей, он прислушался к предложениям противника и согласился на перемирие. Франки очень устали и понесли больше потерь, чем мы. Но они ждали подкрепления, а нам не приходилось на него надеяться. Поэтому перемирие было нам выгодно. Это стало очевидно, когда судьба явила то, что приготовила для нас. Султан часто болел, но, даже страдая от боли, он не покидал лагеря. Каждая армия видела костры армии противника, мы слышали звон их колоколов, а они — наши призывы на молитву. Но все завершилось благополучно.

Его решимость в священной войне

Всемогущий Господь сказал: «А тех, кто усердствовали за нас, мы поведем их по нашим путям. Поистине, Аллах, конечно, с добро делающими» (Коран, XXIX, 69). В Коране множество мест, относящихся к Священной войне. Саладин был самым усердным и рьяным в ней, чем любой другой. Можно с уверенностью сказать, что с того времени, как султан впервые вступил в сражение с неверными, он тратил все имеющееся у него золото или серебро на ведение священной войны против них или распределяя его между воинами. Совершать подвиг во имя Аллаха было для него страстью, все сердце его было подчинено этому делу, которому он отдавался душой и телом. Он не говорил ни о чем ином, все его помыслы были поглощены тем, как проявить усердие на пути Аллаха, все его мысли были связаны со своими воинами. Он выказывал всяческое почтение тем, кто говорил об усердии на пути Аллаха и вдохновлял народ на это. Желание сражаться на пути Аллаха с иноземцами заставило его расстаться с семьей, детьми, родиной, местом, где он жил, со всем, что у него было. Отказавшись от всего этого, он выбрал жизнь под

сенью шатра, по которому гуляли сквозняки. Однажды, когда он находился на равнине Акры, ночью подул очень сильный ветер, который обрушил на него шатер, и, если бы султан не был в этот момент в алькове, он бы неминуемо погиб. Все это усилило его страсть, он все больше стремился к своей цели, и решимость его крепла. Тому, кто хотел завоевать расположение султана, достаточно было поощрить его страсть к усердию на пути Аллаха и рассказать истории об этом. Для него были написаны ученые труды на эту тему, и я сам написал для него труд об усердии на пути Аллаха и тех правилах, которые следовало соблюдать, следуя по нему. В эту работу я включил все аяты Корана, имеющие отношение к этому вопросу, все упоминающие о нем хадисы, а также мудрые мысли других людей по этому вопросу. Мой покровитель так высоко оценил этот труд, что часто читал его своему сыну аль-Малику аль-Афдалю.

Я расскажу о том, что слышал от него лично. В месяце зуль-када 584 / январе 1189 года он взял крепость Каукаб (недалеко от Тверии; ее удерживали госпитальеры) и тотчас позволил своим воинам вернуться домой. Аль-Малик аль-Адиль направился обратно в Египет во главе войска, выставленного этой страной, и его брат-султан проводил его до Иерусалима, чтобы побыть в его обществе и принять участие в празднике жертвоприношения. Мы поехали с ним. После того как он посетил праздничную молитву, ему пришлось в голову отправиться в Аскалон, а потом вернуться по дороге, идущей вдоль берега, чтобы осмотреть прибрежные земли до Акры и, по мере продвижения, восстановить на них порядок. Мы пытались отговорить его от этой задумки, указывая, что после расставания с войском у него останется лишь малое число воинов, тогда как в Тире собрались франки, а значит, он подвергает себя очень большой опасности. Султан не обратил никакого внимания на наши возражения, и направился в Аскалон, где попрощался со своим братом и египетским войском. Мы, его свита, были при нем и направились вдоль побережья по дороге на Акру. Был разгар зимы, шел дождь, на море бушевали волны, похожие на горы, как сказал Всевышний

(Коран XI, 44). Это был первый раз, когда я увидел море, и оно произвело на меня такое впечатление, что если бы кто-нибудь сказал: «Пройди по морю всего одну милю, и я сделаю тебя повелителем мира», — то я бы отказался. Я взирал на тех, кто выходит в море, чтобы заработать себе на жизнь, как на безумцев, и укрепился в правильности мнения тех ученых, которые считают, что нельзя принимать свидетельства человека, который совершает плавание по океану. Таковы были мысли, пришедшие мне в голову при виде бушующего моря и катящихся по нему волн. Пока я размышлял, султан обратился ко мне и сказал:

— Когда, с Божьей помощью, мы одержим победу на этом берегу, я намереваюсь поделить земли и дать моим наследникам последние наставления, а затем, попрощавшись с ними, я бы вышел в море. Я бы плыл за франками от одного острова к другому, пока на земле не осталось бы ни одного, упорствующего в безбожии, или пока я не умер бы, стремясь к своей цели.

Эти слова произвели на меня глубочайшее впечатление, тем более что резко контрастировали с моими чувствами, и я сказал:

— Мой повелитель, нет в мире человека отважнее тебя, как нет в мире того, кто был бы столь же тверд в стремлении поддерживать истинную веру.

— Почему ты так говоришь? — спросил он.

Я ответил:

— Что касается смелости, то я вижу, что моему повелителю неведом страх, который море вызывает у других, а что касается твоего желания служить истинной вере, то я вижу, что моему повелителю недостаточно изгнать врагов Аллаха из одного конкретного места. Тебе хотелось бы очистить весь мир от непокорных ему и воюющих против него. Не позволишь ли ты мне поведать, о чем я думаю?

Султан согласился, и я описал ему все чувства, которые меня посетили, после чего добавил:

— Разумеется, намерения моего покровителя прекрасны. Посади на корабль свое воинство, и пусть плывут, но ты, столп и оплот ислама, не должен подвергать себя опасности и рисковать своей жизнью.

Султан ответил:

— Какая смерть, спрашиваю я тебя, является самой славной?

— Смерть на пути Аллаха, — сказал я.

— В таком случае, — воскликнул он, — самое худшее, что меня ждет, — это самая славная из смертей.

Какие благородные чувства! Какая чистая, мужественная и исполненная отваги душа! Великий Боже, Тебе ведомо, что он не жалел сил, защищая твою веру, и что он сделал все, дабы заслужить твою милость. Будь же милостив к нему ты, который милостивее всех милостивых.

О его терпении и вере в милость Аллаха

Всемогущий Аллах сказал: «К тем, которые... затем боролись и терпели, — поистине твой Господь после этого прощающ милосерд» (Коран XVI, 111). Я видел нашего султана на равнине Акры, ужасно страдающим от болезни, все его тело покрылось гнойниками от пояса до колен, и это не позволяло ему сидеть. Он мог лишь лежать на боку. Ему не могли подать еду, потому что он был не в состоянии сесть за стол. Поэтому он велел раздавать свою пищу людям, которые там были. Его походный шатер стоял неподалеку от врага. Расставив армию в боевом порядке, поделив ее на центр, правый и левый фланги, он не покидал седла с раннего утра до дневной молитвы, проводя смотры своим отрядам, а затем с третьего часа пополудни и до заката вновь проводил время в седле. В течение всего этого времени от терпеливо сносил великую боль, которую причиняли ему болезненные нарывы. Я был потрясен этим, но он все время повторял: «Когда я в седле, то не чувствую боли, она возвращается, только когда я спешиваюсь». Какое доказательство благосклонности Аллаха!

Он болел, пока мы были на пути к Аль-Харрубе, после того как в результате его болезни были вынуждены покинуть Талл-аль-Хажл. Когда франки узнали о его отбытии, они вышли из лагеря, надеясь нанести удар по мусульманам. Это был тот день, когда они обычно водили

коней на водопой. Франки дошли до источников, что у подножия Талла, находившихся в одном дне пути. Саладин отправил обоз обратно к Назарету и позволил Имад ад-Дину, правителю Синжара, сопровождать его, поскольку этот человек тоже был болен. Сам же султан остался на месте. На следующий день, видя, что враги наступают, он, больной, сел на коня и построил своих воинов для пресечения атаки. Аль-Малику аль-Адилю он поручил командовать правым крылом войска, а своему племяннику Таки ад-Дину — левым крылом. В центре он поставил своих сыновей аль-Малика аль-Афдаля, аль-Малика аз-Захира и аль-Малика аз-Зафира. Сам он занял позицию, которая угрожала тылу противника, и продолжал посылать всех на передовую, пока рядом с ним не остались только доктор и я, инспектор армии и пажи, несшие знамена, и больше никого. Но мы были так построены, что любой, видевший нас издалека, должен был подумать, что за знаменами большие силы. Враги продолжали наступать, невзирая на потери. Они хоронили убитых, а раненых забирали с собой, и мы не могли узнать, как велики их потери. Они шли перед нашими глазами, дойдя до реки, остановились у моста. Мы не могли эффективно атаковать их, поскольку они сомкнули ряды и образовали плотную линию обороны. Саладин оставался на посту. Армия находилась во всеоружии до наступления ночи. Тогда султан приказал воинам провести ночь так же, как они провели предыдущую, мы вернулись на свои позиции и оставались начеку всю ночь. Утром мы стали угрожать вражеской армии, и враг стал отступать, отбивая постоянные партизанские атаки, пока не подоспело подкрепление, которое помогло им добраться до лагеря. Какое великое терпение было продемонстрировано султаном в этом случае! Как этот человек владел собой, полагаясь на милость Аллаха! О Аллах, это ты ниспослал ему такое терпение и такую веру в Тебя. Не откажи ему в награде, Ты, который милосерднее всех милосердных.

Я был при нем, когда султан получил известие о смерти своего сына, Исмаила, еще совсем юноши. Саладин прочитал письмо, но никому ничего не сказал. Мы узна-

ли о его утрате от других. Его лицо не дрогнуло, когда он читал письмо, но глаза наполнились слезами. Как-то вечером, когда мы находились под стенами Сафада, он сказал: «Сегодня мы не ляжем спать, пока не будут установлены пять баллист». Он отправил рабочих, чтобы собрать каждую, и мы провели ночь рядом с ним, наслаждаясь приятной беседой. Все это время к нему прибывали гонцы, докладывавшие о ходе выполнения работ. К утру все было сделано, оставалось только установить горизонтальные балки. Всю ночь было очень холодно и шел сильный дождь.

Я был при нем, когда он получил известие о смерти своего племянника, Таки ад-Дина. Тогда мы стояли лагерем с отрядом легкой конницы в окрестностях Рамлы, напротив франков. Их войска расположились в Язуре и находились так близко от нас, что могли бы мгновенно добраться до нас, пусти они своих лошадей галопом. Он призвал к себе аль-Малика аль-Адила, Алам ад-Дина Сулеймана ибн Жандара, Сабик ад-Дина ибн ад-Дайя и Изз ад-Дина ибн аль-Мукаддама; затем он велел всем находившимся в шатре отойти на расстояние полета стрелы. После этого он достал письмо и прочел его, плача так, что присутствовавшие зарыдали вместе с ним, не зная причины его горя. Затем голосом, дрожащим от рыданий, он объявил им о смерти Таки ад-Дина. Он вместе с окружавшими его людьми вновь принялся оплакивать умершего, но я взял себя в руки и произнес следующие слова: «Простите прощения у Аллаха за то, что вы позволяете себе такую слабость; помните, где вы находитесь и что делаете. Прекратите рыдать и подумайте о чем-то другом». Султан ответил, вновь и вновь моля Аллаха простить его. Потом он попросил нас никому ничего не сообщать о случившемся. Затем, велел принести ему немного розовой воды, он промыл глаза и приказал подать еду, которую мы все поели. Никто не узнал о случившемся до тех пор, пока враг не отступил в направлении Яффы. Мы, соответственно, вновь отошли к Натруну, где оставили свой багаж.

Султан испытывал нежную привязанность к своим маленьким детям, и все же он по своей воле покинул их и довольствовался тяжелой, трудной жизнью, хотя в его вла-

сти было поступить иначе. В ведении священной войны он полагался на Аллаха. Великий Господь! Он пожертвовал всем, чтобы угодить Тебе! Соболаговоли же даровать ему Твою милость и Твое милосердие!

Его доброта и терпимость

Господь говорит: «...и те кто являют снисходительность к людям. Воистину, любит Аллах тех, кто творит деяния добрые! (Коран III, 128). Наш султан был крайне снисходителен к тем, кто совершал ошибки, и очень редкими были случаи, когда он давал волю своему гневу. Я был на дежурстве при нем в Марж-Уйуне, незадолго до того, как франки напали на Акру, — Аллах да позволит нам освободить ее! У него был обычаем ежедневно ездить верхом в час, отведенный для верховой езды; затем, по возвращении, он обедал в обществе всей своей свиты. А после ушел в специально поставленный шатер, чтобы немного вздремнуть. После дневного сна он творил молитвы и на некоторое время уединялся со мной. В это время он читал некоторые фрагменты из сборника хадисов или труды по праву. С моей помощью он даже прочел труд ар-Рази, в котором этот ученый коротко излагает четыре раздела, составляющие науку юриспруденцию. Однажды, вернувшись в обычный час, он сидел во главе стола за трапезой, приготовленной по его приказу, и собирался уже уйти, когда ему сообщили, что приближается час молитвы. Он вернулся на свое место, сказав: «Мы совершим молитву, а потом ляжем». Затем он вступил в разговор, хотя выглядел очень утомленным. Он уже отпустил всех, кто был не на дежурстве. Вскоре после этого в шатер вошел один старый мамлюк, которого он высоко ценил, и передал ему петицию от имени тех добровольцев, которые сражались за веру. Султан ответил: «Я устал, отдай мне ее позднее». Вместо того чтобы подчиниться, мамлюк развернул петицию, чтобы султан ознакомился с ней, поднеся ее так близко, что лицо султана почти касалось документа. Его повелитель, увидев имя, значившееся в начале петиции,

заметил, что такой человек достоин того, чтобы его благо-склонно выслушали. Мамлюк сказал: «Тогда пусть мой повелитель начертает на петиции свое одобрение». Султан ответил: «Здесь нет чернильного прибора». Эмир сидел у самого входа в шатер, который был довольно большим. Поэтому никто не мог войти внутрь, но мы увидели чернильный прибор внутри шатра. «Он здесь, в шатре», — ответил мамлюк, словно предлагая своему повелителю самолично взять этот прибор. Султан обернулся и, увидев искомый предмет, воскликнул: «Именем Аллаха! Он прав». Затем, опершись на левую руку, он вытянул правую, дотянулся до чернильного прибора и поставил его перед собой. Пока он ставил благоприятную резолюцию на документ, я заметил ему: «Аллах сказал Своему Святому Пророку... поистине, человек ты нрава великого (Коран, LVIII,4), и я не могу удержаться от мысли, что мой покровитель обладает таким же нравом, что и Пророк». Он ответил: «Дело того не стоит; я удовлетворил ходатайство, и это — достойная награда». Если бы подобное произошло с кем-либо из лучших простых людей, они рассердились бы. Где найти другого человека, который с такой мягкостью отвечал бы своему подчиненному? В этом, конечно же, ярчайшим образом проявились доброта и снисходительность, и Аллах не губит награды добродетельных (Коран, IX,121).

Иногда случалось, что на подушку, на которой он восседал, наступали ногами, таково было количество тех, кто обращался к нему с челобитными; однако его это несколько не беспокоило. Однажды, когда я был на дежурстве, мул, на котором я ехал, шарахнулся, испугавшись каких-то верблюдов, и из-за него я со всей силы налетел на султана так, что ушиб ему бедро; однако он лишь улыбнулся — Аллах да смилостивится над ним! В другой раз — день был дождливый и ветреный — я на моем муле ехал в Иерусалим перед ним, и дорога была такой раскисшей, что от копыт моего мула грязь разлеталась во все стороны и даже испачкала одежды султана. Однако он только посмеялся и, заметив, что я хочу встать за ним, не позволил мне сделать этого.

Люди, которые обращались к нему за помощью или жаловались ему на несправедливость, порой обращались к нему самым неподобающим образом, однако он всегда выслушивал их с улыбкой и был внимателен к их просьбам.

Вот пример, подобного которому трудно будет отыскать в книгах: брат короля франков двигался на Яффу, ибо наши войска ушли оттуда, где находились противники, и вернулись в Натрун. От того места до Яффы войско доходит за два или три обычных дневных перехода. Султан приказал, чтобы его войско шло в сторону Кесарии, надеясь, что по дороге оно перехватит подкрепление, шедшее на подмогу франкам, чтобы изменить положение в свою пользу. Франки в Яффе заметили этот маневр, и король Англии (Ричард Львиное Сердце), у которого было большое войско, посадил большую его часть на корабли и отправил в Кесарию, опасаясь, как бы с подкреплением не случилось ничего дурного. Сам он остался в Яффе, зная, что султан со своей армией отступил. Когда султан достиг окрестностей Кесарии, он обнаружил, что подкрепление уже там и находится под защитой городских стен, так что он ничего не мог поделать. Поэтому в тот же вечер, когда начали сгущаться сумерки, он возобновил марш, шел всю ночь и к рассвету неожиданно появился у Яффы. Король Англии стоял лагерем вне города, и при нем было всего лишь семнадцать рыцарей и около трехсот пеших воинов. При первой тревоге этот проклятый вскочил на коня, ибо он был смелым и бесстрашным, а также разбирался в военном искусстве. Вместо того чтобы отступить под защиту городских стен, он остался на своей позиции лицом к лицу с мусульманским войском, окружившим его со всех сторон, кроме как со стороны моря. Войско выстроилось в боевом порядке, и султан, стремясь как можно лучше использовать представившуюся ему возможность, отдал приказ идти в атаку; однако в этот момент один из курдов обратился к нему с величайшей неучтивостью, разгневанный малостью доли возможных военных трофеев. Султан подобрал поводья и отъехал прочь, словно человек, охваченный гневом, ибо он совершенно ясно понимал, что сегодня у его войска ничего

хорошего не получится. Оставив их там, он приказал свернуть разложенный для него шатер, и его воины были отведены со своих позиций. Они были уверены, что в тот день султан очень рассержен. Его сын Малик аз-Захир сказал мне, что на этот раз он был настолько испуган, что не посмел попасться отцу на глаза, хотя он и собирался пойти в атаку на врага и рвался в бой до тех пор, пока не получил приказ отойти. Султан, сказал он, продолжал отступление и не останавливался до тех пор, пока не добрался до Язура, проведя почти весь день в пути. Там для него был поставлен маленький шатер, в котором он отдохнул. Войска также разбили лагерь в тех местах, где они останавливались ранее, и устроились на привал под легкими тентами, как обычно бывало в подобных случаях. Не было такого эмира, который не дрожал бы за свою судьбу, ожидая понести суровое наказание или получить разнос от султана. Малик аз-Захир добавил: «У меня не хватило мужества, чтобы войти к нему в шатер до тех пор, пока он не позвал меня. Когда я вошел, я увидел, что он только что получил фрукты, присланные ему из Дамаска. «Пошли за эмирами, — сказал он, — пусть придут и полакомятся». От этих слов моя тревога улеглась, и я пошел за эмирами. Они входили, трепеща, но он принял их с улыбкой и так милостиво, что они успокоились и почувствовали себя непринужденно. А когда они уходили от него, они были готовы идти дальше так, словно ничего не случилось». Какая истинная мягкость сердца! В наши дни подобную не встретишь, да и истории царей прошлого не дают нам ни единого подобного примера.

Его великодушие

Пророк сказал: «Я послан для улучшения качеств души людей». Когда человек протягивал пророку руку, тот не отпускал ее первым, пока подавший сам не убирал ее. И наш султан также имел очень благородное сердце; его лицо выражало доброту, велика была его скромность, а его вежливость — безупречна. Ни один посетитель не уходил

от него без того, чтобы быть накормленным и получить то, чего он желал. Он учтиво приветствовал всех, даже иноверцев. Например, после заключения мира в шавваль в 588 / ноябре 1192 года он уехал из Иерусалима в Дамаск и по пути встретил эмира Антиохии, который появился неожиданно и встал у входа в его шатер. Этот эмир явился с какой-то просьбой, и султан вернул ему аль-Умк, территорию, которую он взял у него в 584/1188—1189 году во время отвоевания земель Палестины. И я также был в Назарете, когда к султану прибыл правитель Сидона; он выказал ему все знаки уважения, обращался с ним с почетом и пригласил к собственному столу. Он даже предложил ему принять ислам, раскрывая перед ним красоту нашей религии, и убеждал его стать мусульманином. Он всегда оказывал любезный прием религиозным лидерам, всем образованным и талантливым людям, самым разным влиятельным особам, которые приезжали к нему. Он просил нас представлять ему всех достойных шейхов, проезжавших через наш лагерь, чтобы он мог проявить свою щедрость. В году 584 явился человек, бывший великим знатоком учения суфиев. Он был важной персоной, сыном повелителя Тебриза. Он отказался от отцовского титула, чтобы посвятить себя подвижничеству и добродетельным поступкам. Он только что совершил паломничество и посетил Иерусалим; затем, осмотрев этот город и увидев в нем результаты трудов султана, он пожелал встретиться с ним. Он прибыл в лагерь и без доклада вошел в мой шатер. Я поспешил приветствовать его и спросил, что привело его в это место. Он ответил, что зрелище прекрасных и удивительных трудов султана породило в нем желание встретиться с ним. В тот же вечер я доложил о нем султану, и он приказал привести этого человека к себе. Из его уст он услышал хадис и внимательно выслушал речи посетителя, которого убеждал вершить добрые дела. Этот человек провел ночь со мной в моем шатре, а после утренней молитвы уехал. Я заметил ему, что будет весьма неподобающим уехать, не попрощавшись с султаном, но он не прислушался к моим возражениям. «Я достиг, чего хотел, — сказал он, — я прибыл сюда только для того, что-

бы навестить его и познакомиться с ним». Через несколько дней султан осведомился о нем, и я рассказал ему о том, что произошло. Он был весьма раздосадован, что я не сообщил ему об отбытии гостя. «Как! — вскричал он. — Ко мне прибывает такой гость, а ему позволяют уехать, не узнав, что такое моя щедрость?» Он был до такой степени недоволен моим поведением, что я написал Мухий ад-Дину, кади Дамаска, прося его разыскать этого человека и вручить ему прилагаемое письмо, написанное мной собственноручно. В этой записке я сообщал святому человеку о недовольстве, проявленном султаном, когда он узнал, что тот уехал, не повидавшись с ним вновь, и умолял его во имя нашей дружбы вернуться. Он прибыл, когда я меньше всего думал о нем, и я немедленно провел его к султану, который милостиво принял гостя, задержав у себя на несколько дней. Султан богато одарил гостя — красивым халатом, достойным ездовым животным, великим множеством одежды для членов его семьи, учеников и соседей. Он также дал ему денег на расходы во время путешествия. Даже впоследствии этот человек выражал великую благодарность султану и возносил самые искренние молитвы о сохранении его жизни.

Однажды я находился при нем, когда к нему привели пленного франка. Этот человек был так напуган, что страх был виден в каждой черте его лица. Переводчик спросил о причине такого страха, и Господь вложил такой ответ в уста этого несчастного: «Я очень боялся, прежде чем увидел его лицо, но теперь, когда я перед ним и вижу его, я уверен, что он не причинит мне зла». Султан, тронутый этими словами, даровал ему жизнь и отпустил на свободу.

Я был с повелителем, когда один из стражников привел женщину, которая рвала на себе одежды, рыдала и непрестанно колотила себя в грудь. «Эта женщина, — сказал воин, — пришла от франков и попросила, чтобы ее провели к султану; вот я и привел ее сюда». Султан через переводчика спросил, что случилось, и она ответила: «Прошлой ночью мусульманские лазутчики проникли в мой шатер и похитили моего ребенка, маленькую девочку. Всю ночь я искала помощи, и наши командиры посове-

товали мне обратиться к королю мусульман. «Он очень милостив, — сказали они. — Мы позволим тебе отправиться к нему, чтобы ты попросила его вернуть тебе дочь». Итак, они позволили мне пройти сквозь их сторожевые посты, и ты — моя единственная надежда найти мое дитя». Султан был тронут ее горем; его глаза наполнились слезами. Действуя по подсказке своего великодушного сердца, он послал гонца на рыночную площадь лагеря, чтобы найти малышку и привести ее, заплатив за нее купившему ее столько, сколько тот сам заплатил за нее. Женщина явилась к нему ранним утром, и не прошло и часа, как гонец вернулся, неся на плече маленькую девочку. Как только мать увидела ее, она бросилась на землю, уткнувшись лицом в пыль и рыдая так, что все, кто ее видел, не могли удержаться от слез. Она подняла глаза к небу и начала говорить на своем языке что-то, что мы не поняли. Мы отдали ей дочь и посадили на лошадь, чтобы она вернулась во вражеский стан.

Султан очень не любил прибегать к телесным наказаниям своих слуг, даже если они обманывали его сверх всякой меры. Однажды в казну были положены два кошелька, набитые египетскими золотыми монетами; их украли, а вместо них подложили два кошелька, наполненные монетами из меди. Он ограничился тем, что уволил со своей службы всех, кто имел отношение к этому ведомству.

В году 583/1187 во время Хаттинской битвы — знаменитого сражения, о котором, с соизволения Аллаха, мы поговорим в надлежащем месте, — Арнат, владетель Эль-Керака, вместе с повелителем франков Палестины одновременно попали в плен, и султан велел доставить их к нему. Этот проклятый Арнат был великим нечестивцем и вероломным тираном. Однажды, когда между мусульманами и франками было заключено перемирие, он предательски напал на караван, шедший по его территории из Египта, и захватил его. Он захватил караванщиков, подверг их пыткам и заточил в тесных узилищах. Когда они возразили, что между их народами заключено перемирие, он ответил: «Просите вашего пророка, чтобы он вас вызволил». Султан, которому передали эти слова, поклялся убить неверного

собственными руками, если Аллаху будет угодно отдать того в его власть. В тот день Аллах послал этого неверного в руки султану, и он тотчас же решил казнить его, чтобы выполнить свой обет. Он велел привести его к нему вместе с королем. Последний жаловался на жажду, и султан приказал, чтобы ему поднесли чашу шербета. Король, напившись, протянул чашу Арнату, на что султан сказал переводчику: «Скажи королю: «Это ты даешь ему напиться, но я не дам ему ни еды, ни питья». Этими словами он хотел дать понять, что честь запрещает ему причинять зло всякому, кто пользуется его гостеприимством. Затем, чтобы сдержать обет, он лично отрубил врагу голову. После этого, взяв Акру, он освободил из ужасных застенков всех узников, которых было около четырех тысяч человек, и отправил их по домам, наделив каждого деньгами, необходимыми для возвращения на родину. Об этом я слышал от многих, хотя сам при том не присутствовал.

Султан был мягкого нрава, приветливым, прекрасным собеседником. Он хорошо разбирался в генеалогии арабов, прекрасно знал подробности битв, в которых те участвовали; как свои пять пальцев знал родословную своих лошадей, помнил великое множество любопытных и удивительных историй. Поэтому, беседуя с ним, люди всегда узнавали такие вещи, которые не могли бы узнать ни от кого другого. В его обществе все чувствовали себя непринужденно. Он утешал тех, кто оказался в беде, больных расспрашивал об их болезни, о том, как они лечатся, как питаются, о переменах, которые происходят в их организме. Он строго придерживался приличий во время разговоров, никогда не позволяя себе неуважительно отзываться о ком бы то ни было; в его присутствии говорили только благое, так что беседа не оскорбляла ничей слух; он соблюдал чистоту своей речи и был очень сдержан. Он никогда не позволял себе произносить оскорбления; он также контролировал свою письменную речь и, когда писал письмо мусульманину, никогда не позволял себе употреблять резкие слова. Он был предельно точен в исполнении своих обещаний. Когда к нему приводили сироту, он всегда просил Аллаха смилостивиться над его усопшими

родителями, осыпал ребенка ласками и даровал ему отцовский хлеб (то есть давал ребенку пенсию, равную жалованью его отца, если это был военный или гражданский чиновник). Если среди родственников сироты оказывался опытный и достойный доверия человек, он назначал его опекуном мальчика; если нет, то он выделял достаточные средства из сумм, причитавшихся отцу ребенка, чтобы содержать сироту, а затем определял его к тому, кто должен был следить за его обучением и воспитанием. Он никогда не встречался со стариком без того, чтобы не проявить к нему любезных знаков уважения и доброжелательства, не оставить его без подарка. И все эти благородные качества оставались в его сердце до тех пор, пока Аллах не призвал его к Себе, подняв его на трон Своей милости в обители Своего милосердия.

Это всего лишь скромные примеры величия его души и его благородных качеств. Я стремился быть кратким и избежать утомительного многословия, чтобы не надоест читателям. Я не упомянул ничего, чему не был бы свидетелем сам, добавив к этому сведения из надежных источников, которые я лично проверил. То, что я здесь поведал, — всего лишь малая толика того, что я наблюдал за время службы султану, и, разумеется, самая малость по сравнению с тем, что могли бы рассказать о нем друзья, которые дружили с ним всю его жизнь, и те, кто составил на службе ему. Однако то, что я изложил, должно убедить разумного читателя в величии и чистоте характера Саладина и его чувств.

ГЛАВА 2

Как уже говорилось, год 583/1187 стал свидетелем триумфа контрнаступления Саладина. За решающим сражением при Хаттине, которое на какое-то время уничтожило силы крестоносцев на Святой земле, последовала утрата большого количества цитаделей в Палестине и, главное, падение Иерусалима, который Саладин вернул исламу, подтвердив свою репутацию гуманного и сдержанного че-

ловека. Об этих событиях нам рассказывают Имад ад-Дин и ибн аль-Атир (Баха ад-Дин был очевидцем событий только начиная с 1188 года). О Хаттине и падении Иерусалима мы приводим оба повествования — их стиль и содержание являются собой полезный контраст. Ясная и умеренная версия ибн аль-Атира намеренно помещена перед менее четкой версией Имад ад-Дина, но последняя содержит самое прямое и авторитетное свидетельство, доступное для нас.

СОБЫТИЯ, ПРЕДШЕСТВОВАВШИЕ ХАТТИНУ

Ибн аль-Атир

Разногласия между франками в Сирии; граф Триполи присоединяется к Саладину

Правитель Триполи, известный как граф Раймунд, сын Раймунда де Сен-Жилля (Раймунд III), женился на графине Тверии (Эшиве Бурс) и переехал в Тверию, чтобы быть с супругой. Король франков в Сирии умер от проказы (Балдуин IV, 1174—1185), оставив королевство малолетнему сыну своей сестры (Балдуин V умер в 1186 году после нескольких месяцев номинального правления) с графом в роли регента. Он взял на себя управление королевством, и в то время у франков действительно не было никого храбрее или проницательнее, чем он. Граф желал стать королем при содействии ребенка, но малолетний король умер, и королевство перешло к его матери. Графу пришлось отказаться от своих амбиций. Потом королева (Сибилла, сестра Балдуина IV, мать Балдуина V) влюбилась в рыцаря по имени Ги, прибывшего в Сирию с запада, вышла за него замуж и передала ему корону и королевскую власть. Создав патриарха, священнослужителей и монахов, госпитальеров, тамплиеров и баронов, она объявила о своем отречении в пользу супруга. Она призвала их, как свидетелей, и они поклялись ему в верности и покорности. Это не понравилось графу, который оказался лишен власти. К тому же ему велели отчитаться

о денежных средствах, собранных в период регентства. Граф поклялся, что потратил все на юного короля, однако его отношения с новым монархом настолько обострились, что дошло до открытого неповиновения. Граф начал переписку с Саладином, установил с ним дружеские отношения и обратился к нему за помощью — очень уж ему хотелось править франками. Саладин и мусульмане были довольны, и Саладин обещал свою помощь в реализации его плана. Он дал гарантию, что сделает графа королем франков. Он освободил нескольких рыцарей графа, которых держал в плену, что произвело благоприятное впечатление на Раймунда, открыто демонстрировавшего подчинение Саладину. Некоторые франки последовали его примеру, что привело к ссорам и раздробленности. Отсутствие единства франков было одной из главных причин завоевания их городов — и главное — Иерусалима — мусульманами. Об этом мы расскажем далее. Саладин послал из Тверии отряды, которые разоряли земли франков и возвращались невредимыми. Это ослабило франков, но дало мусульманам энергию и энтузиазм для нападения на них.

Предательство Арната

Арнат, принц Эль-Керака¹ (что в Моабе, Трансиордания, — форт, контролировавший наземный путь между Египтом и Сирией, Сирией и Хиджазом), был одним из важных франкских баронов — пожалуй, самым заносчивым, страстным и очень опасным врагом ислама. Саладин знал это, и неоднократно нападал на него, и посылал отряды для набегов на его территорию. Арнат попросил мира, Саладин согласился, и оба поклялись соблюдать перемирие, которое позволило бы караванам двигаться свободно между Сирией и Египтом. В 582/1186—1187 году, однако, большой караван проходил рядом с его территорией, богато нагруженный и в сопровождении большого числа народа и вооруженного эскорта. Арнат нарушил

¹ Рене де Шатийон (1123—1187) — французский рыцарь, участник Второго крестового похода; князь Антиохии, лорд Иордании.

перемирие и напал на караван, захватил груз — оружие и животных, а пленников бросил в тюрьму. Саладин слал ему присьма, упрекая в предательстве и угрожая репрессиями, если он не освободит людей и не вернет им их собственность. Граф отказался. Тогда Саладин поклялся, что, если этот франк когда-нибудь попадет к нему в руки, он убьет его, и это убийство будет угодно Аллаху.

Саладин нападает на Эль-Керак

В 583 /1187 году призвал все свои провинции к священной войне. Он написал в Мосул в Джазире, в Арбелу (Эрбиль) и другие восточные государства, в Египет и Сирию. Он потребовал, чтобы люди вооружились и готовились к сражениям. В конце месяца мухаррам / апреле 1187 года Саладин и его армия вышли из Дамаска и направились к Рас-эль-Ма, где к ним присоединился сирийский контингент. Султан поручил своему сыну аль-Малик аль-Афдалю Али командование им, а сам со своими людьми выступил к Бусре. Он слышал, что Арнат из Эль-Керака собирается напасть на паломников и отрезать им путь, тем самым давая понять, что обязательно вернется и перережет путь египетской армии, не позволив ей соединиться с сирийской армией. Поэтому Саладин двинулся на Бусру, желая предотвратить нападение Арната на паломников. Опасаясь султана, он должен был остаться дома. Среди паломников была большая группа родственников Саладина, в том числе сын одной из его сестер Мухаммед ибн Лайин. Когда Арнат узнал, что Саладин подошел к границе его территории, он остался дома и отказался от своих планов, и паломничество продолжилось. Когда паломники удалились и в регионе все было спокойно, Саладин пошел к Эль-Кераку и послал свои отряды по всей провинции вокруг Эль-Керака, Аш-Шаубака и других городов. Они грабили, убивали и жгли, а правитель был осажден в крепости и не мог защитить свои земли. Страх перед армией аль-Афдаля удержал от вмешательства других франков, и у Саладина оказались развязаны руки.

Вторжение в регион Акры

Саладин послал приказ своему сыну аль-Афдалю послать большой контингент в район Акры и разорить его. Он взял Музаффар ад-Дин Гёкбори ибн Зейн ад-Дина, правителя Харрана и Эдессы, вместе с Каймаз ан-Наджми и Йилдирим аль-Йакути, двумя ведущими эмирами, и еще нескольких человек. Они отбыли ночью в конце месяца сафар / мае 1187 года и напали на Саффурию утром. Отряд тамплиеров, госпитальеров и других воинов вышел из города, чтобы отбить атаку, и последовала ужасная битва. В конце концов Аллах даровал мусульманам победу, и франки бежали. Многие были убиты, остальные попали в плен. Среди убитых оказался Великий магистр госпитальеров, знаменитый франкский рыцарь, причинивший много вреда делу ислама (Роже де Мулен).

Мусульмане разграбили прилегающую местность, и в безопасности, с добычей и пленными, вернулись в Тверию, где находился граф. Он не сделал ничего, чтобы помешать поражению франков. Это была большая победа мусульман, поскольку тамплиеры и госпитальеры были хребтом франкских армий. Радостная новость быстро распространилась по всему мусульманскому миру.

Саладин возвращается к армии и вторгается на франкскую территорию

Когда Саладин узнал радостную весть о том, что тамплиеры и госпитальеры потерпели поражение, и многие из них были убиты или взяты в плен, он вернулся из Эль-Керака к армии, которой командовал аль-Афдаль. Там были все войска и эмиры. Султан произвел смотр армии и определил, что располагает 12 000 кавалеристами с постоянными фьефами и военным жалованьем, а также добровольцами. Султан расположил армию в боевом порядке — центральная колонна с двумя крыльями, авангард и арьергард. Он назначил каждому человеку место и велел не покидать его, после чего армия вышла в путь и

разбила лагерь недалеко от Тверии. Мы уже говорили, что граф был на стороне Саладина. Султан получил от него много писем с обещанием помощи и поддержки. Но «Сатана дает только обманчивые обещания» (Коран VII, 66). Теперь, когда франки увидели мусульманские армии и осознали перспективу, они послали патриарха, священнослужителей, монахов и рыцарей к Раймунду, чтобы упрекнуть его за то, что он стал на сторону Саладина. «Ты, должно быть, стал мусульманином, — сказали они, — иначе не смог бы вынести того, что сделали мусульмане с франками, убив и обратив в рабство тамплиеров и госпитальеров, не дал бы ты им и пройти через свои земли, даже не попытавшись их остановить». Местные ополченцы Тверии и Триполи присоединились к увещаниям, а патриарх пригрозил, помимо всего прочего, отлучить его от церкви и аннулировать брак. Когда граф увидел, какую серьезную ситуацию сотворил, он пошел на попятную и заявил о своем раскаянии. Прибывшие к нему люди приняли его извинения, простили его слабость и предложили присоединиться к ним против мусульман и помочь им в защите своих земель. Граф согласился, снова объединился с франками, вернулся с ними к франкскому королю, и между ними снова воцарился мир. Но Аллах позаботился, чтобы из этого ничего хорошего не вышло. Пехота и кавалерия собрались и вышли из Акры к Саффурии, но люди действовали неохотно и были деморализованы.

БИТВА ПРИ ХАТТИНЕ

Ибн аль-Атир

Пока вновь объединившиеся франки шли к Саффурии, Саладин собрал совет эмиров. Большинство из них советовали ему не вступать в бой, а ослабить врага постоянными засадами и набегами. Другие, однако, советовали грабить территории франков и дать бой любой франкской армии, которая появится на его пути. «Потому что на вос-

токе люди проклинают нас, говоря, что мы больше не сражаемся с неверными, а вместо этого начали сражаться с мусульманами. Мы должны сделать что-то для своего оправдания и чтобы заставить умолкнуть критиков». Но Саладин сказал: «Я чувствую, что нам следует выступить против врага всеми силами ислама. События происходят не по человеческой воле, и нам неизвестно, сколько осталось жить. Глупо распылать такие крупные силы, не нанеся самый сильный удар в священной войне». И во вторник, 23-й день второго месяца раби / 2 июля 1187 года, после того как мы расположились возле Ухуваны, он покинул лагерь и ушел вверх по горе, что за пределами Тверии, оставив город позади себя. Но когда он подошел ближе к франкам, никого не было видно, поскольку они еще не вышли из своих шатров. Поэтому он со своими людьми вернулся к подножию холма. Ночью он разместил войска так, чтобы они помешали врагу дать бой, а потом атаковал Тверию небольшим отрядом, который проделал брешь в стене и взял город штурмом в течение ночи. Жители укрылись в цитадели, где была графиня и ее дети, и защищались, пока мусульмане грабили и жгли нижний город.

Когда франки узнали, что Саладин напал на Тверию и взял город и все, что в нем было, а его люди сожгли все, что не смогли унести, они собрались на совет. Некоторые советовали королю встретиться с мусульманами в бою и выбить из Тверии, но вмешался граф и сказал: «Тверия принадлежит мне и моей жене. Сейчас там хозяйничает Саладин, и осталась только цитадель, где находится моя жена. Если он захватит цитадель, мою жену и все, что мне принадлежит, и потом уйдет, я буду доволен. Клянусь Богом, я за последние годы видел разные армии ислама, и ни одна из них не могла сравниться с армией Саладина по численности и боевой мощи. Если он возьмет Тверию, он там не останется, и когда он уйдет, она снова будет нашей. Ведь если он захочет там остаться, то не сможет удержать армию единой — воины не пожелают долго находиться вдали от дома и семей. Он покинет город, и мы освободим наших пленных». Но Арнат из Эль-Керака воз-

разил: «Ты очень старался заставить нас бояться мусульман. Ясно, что ты на их стороне, и тебе они нравятся, иначе ты не говорил бы так. Что касается размера их армии, большого количества топлива будет достаточно, чтобы устроить для них адский огонь...» Граф сказал: «Я один из вас, и если вы станете наступать, я буду с вами. Если вы отступите, я тоже буду с вами. Сами увидите, что произойдет». Военачальники решили наступать и дать бой мусульманам, поэтому они покинули место, где до той поры стояли лагерем, и начали наступление на мусульманскую армию. Когда Саладин узнал об этом, он приказал своей армии отойти с позиций у Тверии. Единственное, что заставило его осадить Тверию, — это желание заставить франков покинуть свои позиции и предложить бой. Мусульмане спустились к озеру. Стояла сильная жара, и франкам, страдавшим от жажды, мусульмане преграждали доступ к воде. Они осушили все местные колодцы, но не могли повернуть назад, опасаясь преследования мусульман. Те, со своей стороны, избавились от первого страха перед врагом, и их моральный дух был высок, как никогда. Всю ночь они подзадоривали друг друга, готовясь к сражению. Они чувствовали в воздухе запах победы, и чем больше убеждались в низком моральном духе франков, тем более агрессивными становились. Всю ночь слышались крики «Аллах акбар» и «Нет Бога кроме Аллаха». Тем временем султан разворачивал авангард лучников и распределял стрелы.

В субботу, 24-й день второго месяца раби / 4 июля 1187 года Саладин и мусульмане сели на коней и двинулись на франков. Те тоже были на конях, и началось сражение. Франки сильно страдали от жажды и лишились уверенности в себе. Битва была ожесточенной. Обе стороны яростно сопротивлялись. Мусульманские лучники обрушивали на противника тучи стрел — словно рои саранчи, убивая многих коней франков. Франки, окружив себя пехотой, попытались пробиться к Тверии, в надежде добраться до воды, но Саладин понимал их маневры и не допустил их выполнения, преградив им путь. Он лично скакал взад-вперед вдоль мусульманских линий, вдохнов-

ляя своих воинов или, наоборот, сдерживая их, если необходимо. Вся армия подчинялась его приказам и уважала его запреты. Один из молодых мамлюков возглавил стремительную атаку на франков и выказывал чудеса отваги, пока не был убит превосходящими силами противника. Все мусульмане атаковали вражеские позиции и почти прорвались, убивая множество франков. Граф видел, что положение отчаянное, и понимал, что противостоять мусульманской армии невозможно, и, договорившись со своими спутниками, устремился в атаку на позиции противника, расположенные прямо перед ним. Этой частью мусульманской армии командовал Таки ад-Дин Умар, племянник Саладина. Увидев, что франки доведены до отчаяния и намерены прорваться любой ценой, он распорядился пропустить их.

Один из добровольцев поджег сухую траву, покрывающую землю. Она разгорелась, и ветер отнес жар и дым на врага. Теперь франки страдали не только от жажды и летней жары, но также от огня и дыма, не говоря уже о ярости сражения. Когда граф бежал, франки утратили мужество и были готовы сдать, но, видя, что единственный способ спасти свои жизни — это бросить вызов смерти, они совершили ряд дерзких нападений, и уже были близки к тому, чтобы выбить мусульман с занимаемых ими позиций, если бы Бог был на их стороне. После каждой волны атаки на земле оставались их мертвые тела. Численность франков быстро уменьшалась, а мусульмане были повсюду вокруг. Уцелевшие франки направились к холму, что недалеко от Хаттина, где рассчитывали разбить лагерь и защищаться. Их атаковали со всех сторон, и они не смогли поставить больше одного шатра — королевского. Мусульмане захватили их крест, который они назвали «Истинным крестом», на котором, по их мнению, был распят Мессия. (Согласно Корану, который проповедует докетизм, Иисус на самом деле не был убит — «они не убили его, а им только показалось».) Это был самый тяжелый удар, который только мог быть им нанесен, после которого их поражение и гибель были неминуемы. Многие всадники были убиты или взяты в

плен. Король оставался на склоне горы с пятью сотнями самых храбрых рыцарей.

Мне сказал аль-Малик аль-Афдаль, сын Саладина: «Я был рядом с отцом во время этой битвы, первой, какую я видел своими глазами. Франкский король отступил на склон горы со своим отрядом и оттуда яростно сопротивлялся мусульманам, атаковавшим его, тесня их обратно к моему отцу. Я видел, что он встревожен и расстроен. Он дергал себя за бороду и посылал своих людей вперед. Мусульмане контратаковали и загнали франков обратно на склон. Увидев, как отступают франки под натиском мусульман, я закричал от радости: «Мы победили их!» Однако они вернулись, и снова атаковали нас, и оттеснили армию обратно к моему отцу. Его реакция была такой же, как раньше. Мусульмане контратаковали и загнали франков на холм. И снова я закричал: «Мы победили их!» А отец повернулся ко мне и сказал: «Тише, мы победим их, только когда тот шатер падет». Когда он сказал это, шатер рухнул. Султан спешился и пал ниц, чтобы поблагодарить всемогущего Аллаха, плача от радости». Вот как рухнул шатер: франки, испытывая ужасные страдания, атаковали, надеясь вырваться из окружения, но путь к спасению был заблокирован. Они спешились и сели на землю. Мусульмане напали на них, разрушили королевский шатер и захватили всех, кто там был, включая короля (Ги де Лузиньяна), его брата и Арната из Эль-Керака, злейшего врага ислама. Они также захватили правителя Джубайля, сына Хамфри Торонского, Великого магистра тамплиеров Жерара де Ридфора и многих рыцарей — тамплиеров и госпитальеров. Количество убитых и пленных было очень велико, и те, кто видел бойню, не могли поверить, что кто-то мог остаться в живых. Те же, кто видел пленных, не могли поверить, что кто-то был убит. Со времени своей первой атаки на Палестину в 491/1098 году франки не испытывали такого поражения.

Когда все пленные были собраны, Саладин пошел в свой шатер и послал за королем франков и Арнатом из Эль-Керака. Он усадил короля рядом с собой, и, поскольку тот был полумертв от жажды, дал ему напиться холод-

ной воды. Король выпил воду и передал то, что осталось в чаше, Арнату, который тоже утолил жажду. Саладин сказал: «Этот нечестивец не получил моего разрешения пить, и не спасет свою жизнь». Он обернулся к Арнату, перечислил его грехи и лично отрубил ему голову. После этого он сказал: «Дважды я поклялся убить этого человека, когда он будет в моей власти: один раз — когда он попытался напасть на Мекку и Медину, и второй раз — когда он нарушил перемирие, чтобы захватить караван». Когда мертвое тело вытащили из шатра, король задрожал, но Саладин успокоил его. Что же касается правителя Триполи, который вышел из боя, он направился в Тир, а оттуда в Триполи. Через несколько дней он умер от ярости, постоянно думая о катастрофе, постигшей франков и весь христианский мир в целом.

После разгрома франков Саладин оставался на поле боя до конца дня, а в воскресенье вернулся к осаде Твэрии. Графиня попросила гарантии безопасности для себя, своих детей, спутников и имущества, и получила их. Она покинула крепость с большим обозом, и Саладин сдержал данное ей слово, позволив уйти. По приказу султана король и самые высокопоставленные пленные были отправлены в Дамаск, а пленные тамплиеры и госпитальеры должны были быть убиты. Султан понимал, что мусульмане, взявшие их в плен, не отдадут их просто так. Ведь они рассчитывали получить за рыцарей выкуп. Поэтому он предложил по пятьдесят египетских динаров за каждого рыцаря. Ему сразу доставили двести человек, которых он велел обезглавить. Он приказал убить именно этих людей, потому что они были самыми смелыми и опытными франкскими воинами, и таким образом он избавлял от них мусульман. Еще он приказал своему командиру в Дамаске убить тех, кто обнаружится на его территории, кому бы они ни принадлежали, и это было сделано.

Годом позже я побывал на поле боя. Вся земля была усыпана костями, которые были видны даже с большого расстояния. Они лежали кучами или были разбросаны. Эти кости — все, что осталось после того, как над вражескими телами поработали дикие звери.

Султан Саладин и его армия вторгаются на территорию франков¹

Имад ад-Дин

Утром султан провел смотр своей армии, которая была словно грозовая туча, бурное море пыли, бушующий океан боевых коней, мечей и доспехов. Он взирал на своих отважных рыцарей и свои отряды, которые двигались, словно облако, по лицу земли, вздымая пыль в небо до самых Плеяд и заставляя воронов, спасаясь, улетать до Веги. [...] В день смотра султан определил боевой порядок. Каждому эмиру он назначил обязанности, рыцарю — позицию, поборнику веры — пост, засаде — место. Каждому участнику сражения он определил противника, горящей искре — то, что ее затушит, отряду франков — того, кто его уничтожит. Каждому кремню он предназначил то, что высечет из него огонь, мечу — того, кто заточит его. [...] Впереди он поставил самых храбрых лучников из каждого отряда. Он сказал: «Когда мы войдем на территорию противника, это наш боевой порядок, наш метод наступать и отступать, положение наших батальонов. Это место, где наши рыцари встанут, наши копья падут, тропы, по которым пройдут наши кони, сады для наших роз. Здесь исполнятся наши желания». Он укрепил надежды людей своими щедротами и воплотил их желания, выполнив все свои обещания. Когда люди были построены и оружие распределено, он подарил им боевых коней и другие богатые дары. [...] Смотри продолжался довольно долго. Султан восхищался красотой боевых коней и радовался людским голосам, желавшим ему добра. Его дух ликовал в преддверии марша через пустыню. [...] Он отбыл в пятницу, 17-й день второго месяца раби / 27 июня 1187 года, окруженный ореолом победы, поддерживаемый силой, укрепленный везением, окрыленный удачей, сопровожда-

¹ Отрывки приводятся в сокращении из-за трудности восприятия стиля автора, перегруженности текста метафорами, эпитетами, гиперболоми и всевозможными сравнениями, равно как и прочими изобразительно-выразительными средствами. — *Пер.*

емый успехом... Его люди двигались в боевом порядке, один отряд рядом с другим, стройными рядами, кони на поводу, смертоносные стрелы в колчанах, мечи в руках... Ночь прошла среди сияющих лиц и блестящих глаз людей, идущих по пути Аллаха. Они сжимали в руках мечи и постоянно возносили хвалу Всевышнему за его милости. Сердца людей были переполнены преданностью, души стремились к небесной любви, а ноги ступали по земле, ведомые великой миссией, которую им предстояло выполнить. Утром султан повел войско дальше. Оно спустилось к Иордану, стремясь к атаке. Безбрежное море мусульманской армии окружило Тивериадское озеро, а когда поставили шатры, обширная равнина стала тесной. Земля украсила себя новыми одеждами, небеса открылись, чтобы ангелы могли выйти из небесных врат. Шатры, словно корабли, стояли на якорях, и отряды прибывали волна за волной. Возникло второе небо — из поднявшейся пыли, и в нем мечи и железные наконечники копий сияли, словно звезды. Ухувана превратилась в обширные клумбы и буйно цветущие сады, по которым бродили кони и рыцари, словно гордые львы, кривые мечи представлялись побегам мирта, а прямые — стволами деревьев. Желтые знамена развевались, как усыпанные цветами кусты жасмина, а красные — словно анемоны, кольчуги сверкали, словно водоемы, а отполированные мечи казались ручейками. [...]

Франки тем временем тоже готовились к сражению, подняв свои знамена в Саффурии. Их копьё представлялись мостиками над морем изяшных подвижных коней, и мечи сверкали в клубах пыли. Они были развернуты кругами вокруг центров, которые защищали луками и мечами. Они собрали армию, кавалерию и пехоту, лучников и копьеносцев, укрепили свой дух, флаги, привязанные к копьям, развевались на ветру. Поборники ошибок подняли Истинный крест, вокруг которого собрались поклонники ложного бога. Они набрали армию в землях христиан, поклонявшихся трем ипостасям, и подняли Великий крест, который почитали. Ни один человек из тех, кто владел хотя бы прутиком, не избежал призыва, и потому им не

было числа. Их было больше, чем камней на морском берегу, 50 000 или даже больше. Он собрались в Саиде, куда сошлись из окрестных мест и издалека. Там они оставались, не желая трогаться с места. Каждое утро султан Саладин приближался к ним, открывал огонь и открыто угрожал им, желая вызвать на бой. Но у них было достаточно воды, и они не двигались. Они понимали, что, если примут бой, смерть выйдет из своего логова и настигнет их. И они обязательно встретят того, кто нанесет им удар и предаст смерти. Христиане были напуганы ситуацией, в которой оказались, и потому позорно бежали от того, что должно было переполнить их страстью. Тогда султан решил совершить омовение в Тивериадском озере и овладеть окружающей местностью. Он велел принести рукояти копий к Иордану, и заставил пыль подняться под копытами его коней. Пыль закрыла озеро. Он приказал войскам, эмирам и командирам расположиться прямо перед франками, чтобы их спокойствие сменилось тревогой. Если они выйдут на бой, мусульмане набросятся на них, излив свой справедливый гнев. Если он двинется куда-нибудь, мусульмане будут преследовать их, словно львы зайцев. Если они попытаются добраться до Тверии, чтобы защитить ее, и попросят там помощи, мусульмане сразу это обнаружат и атакуют.

Падение Тверии

Саладин окружил Тверию своей личной стражей и самыми преданными войсками. Он выдвинул вперед пехоту и саперов, хорасанцев и артиллерию, окружил стены и начал уничтожать дома, сражаясь яростно и не щадя город. Был четверг, и султан возглавлял войско. Саперы начали подкоп под одну из башен. Они разрушили ее и овладели тем, что осталось. Наступила ночь. И если у них впереди маячило утро победы, то перед врагом была сплошная тьма. Цитадель оказала сопротивление. Графиня удалилась туда вместе с сыновьями. Когда граф узнал, что Тверия пала, а его владения захвачены мусуль-

манами, он впал в оцепенение, утратив волю к жизни. «С сегодняшнего дня, — сказал он, — бездействовать больше нельзя. Мы должны любой ценой отбросить врага. Теперь, когда Тверия пала и все мое имущество, унаследованное или приобретенное, утрачено, я не могу смириться». (В этом повествовании граф выражает не такие чувства, как те, что описал ибн аль-Атир накануне боя.) Король был его союзником и не возражал, а, напротив, согласился без лицемерия, с искренней незамутненной привязанностью, проявив дружеские чувства, лишённые холодности. Он дал точные обещания, не заставив себя просить дважды, и немедленно выступил в поход со своей армией и обозом. Земля дрожала под копытами коней, небеса заволокло пылью, поднимавшейся из-под копыт коней. Саладин узнал, что франки пришли в движение. [...] Была пятница, 24-й день второго месяца раби. Как только сведения были проверены, Саладин понял, что его решение было правильное, и возрадовался. «Мы добились своего, — сказал он. — Теперь наши мольбы будут услышаны, а цели достигнуты. Хвала Аллаху, везение вернется к нам, наши мечи будут острыми, смелость — очевидной. И победа быстрой. Если франки будут разбиты, убиты или взяты в плен, Тверию и Палестину больше никому будет защищать, и никто не помешает нашим завоеваниям».

Таким образом, он попросил помощи у Всевышнего и, не задерживаясь, выступил на врага. В пятницу, 24-й день второго месяца раби франки шли к Тверии. Они двигались очень быстро, словно постоянно шли по склону вниз. [...] Перед ними султан выставил свое войско на бой. Одновременно он внимательно следил за авангардом, отрезал доступ к источникам воды и сам расположился между франками и их целью, держа их на расстоянии. Стояла адская жара, а люди кипели от ярости. Сириус посылал на землю безжалостный жар, который пожирал их запасы воды, не позволяя утолить жажду.

Ночь разделила противоборствующие стороны, а кавалерия перекрыла дороги. Ислам провел ночь лицом к лицу с неверными, монотеизм — с тринитариями. Правоверные оставались вблизи заблудших, а приверженцы ис-

тинной веры — с многобожниками. Тем временем несколько кругов ада приготовились к приему грешников, а рай — к приветствию праведников. Малик (страж ада) ждал, и Ридван (страж рая) ликовал. На рассвете началось сражение. Франки надеялись на отсрочку, и их армия начала искать пути отступления. Но все пути были отрезаны. Терзаемые жаждой, атакуемые со всех сторон, франки ничего не могли сделать. Они сотнями гибли и попадали в плен. Даже муравей не мог бы ускользнуть от доблестной мусульманской армии. Стрелы поражали франков, и те, которые раньше казались львами, теперь превращались в ежей. Их ряды быстро редели. Те, в кого не попадали стрелы, гибли под ударами мечей. Граф увидел, что поражение не за горами, отказался от намерения продолжать бой и стал планировать отход. Это было даже раньше, чем в движение пришли главные силы, и пламя войны разгорелось во всю силу. Его отряд нашел путь отступления через вади, не желая останавливаться. Он исчез мгновенно, словно проблеск молнии, и больше не вернулся. Таким образом, граф, охваченный ужасом и желанием спастись, не видел окончания сражения. Франки были окружены со всех сторон. В какую бы сторону они ни направились, их всюду встречали мусульмане. Франки начали ставить палатки и шатры, а храбрые лучники осыпали их стрелами. Но им не позволили разбить лагерь. Наша армия была вокруг них, как адский огонь вокруг грешников. Они попытались исправить положение, спешившись и оседлав землю, а их подруги обхватили бугорки земли (ибн аль-Атир передал смысл этой сложной метафоры намного проще и понятнее: они сели на землю).

Дьявол и его подручные были пленены. Король и его графы попали в плен, и султан велел привести к нему своих главных пленных. Они качались и спотыкались, закованные в цепи, словно пьяные. Среди них был Великий магистр тамплиеров и многие его рыцари. Привели короля Ги и его брата Жофрея, Гуго Джубайля, Хамфри, Арната из Эль-Керака, который первым попал в сети. В свое время султан поклялся, что прольет его кровь. Он сказал:

«Когда он окажется в моих руках, я его немедленно убью». Когда Арната привели, султан усадил его рядом с королем и стал упрекать в предательствах и пороках. «Как часто ты давал клятву и нарушал ее? — вопрошал султан. — Сколько обязательств ты не выполнил? Сколько договоров заключал и разрывал?» Переводчик передал ему слова султана и получил ответ: «Так всегда ведут себя короли. Я лишь следовал традиции». Тем временем король умирал от жажды и дрожал от страха. Но султан обратился к нему вполне дружелюбно и постарался успокоить. Он велел принести ему холодной воды. Король утолил жажду и передал чашу Арнату. Тот взял ее и немедленно осушил до дна. Султан сказал: «Я не позволял давать ему воду, и в любом случае то, что он выпил эту воду, не гарантирует его безопасность». Потом он сел на коня и ускакал, оставив пленников дожидаться решения своей участи. Затем он вернулся, нанес Арнату удар в плечо, и тот упал, а султан велел отрубить ему голову. Это было сделано в присутствии короля, который был вне себя от ужаса. Султан понял, что король потерял голову от страха, подозвал его к себе и успокоил, сказав: «Дурные дела этого человека стали причиной его падения, вероломство привело его к гибели. Он умер за свои грехи и злобу, искра его жизни погасла».

Эта наша победа имела место в субботу, и унижение, причитающееся людям субботы, было нанесено людям воскресенья (иными словами, христиане были унижены, как презренные евреи). Те, кто мнили себя львами, стали жалкими овцами. Из многих тысяч врагов спаслись только некоторые. Равнина покрылась пленными и телами, которые скрыла осевшая пыль. Пленных заковали в цепи. Тела убитых были повсюду. И сладкий аромат победы омрачило их зловоние. Я проходил мимо и видел трупы и части тел, отрубленных мечами... Умные должны усвоить урок.

Поле боя превратилось в море крови. Пыль окрасилась в красный Свет, повсюду текли кровавые реки и ручьи. [...] Что касается пленных, у нас не хватало веревок, чтобы их связать, и я видел, как связывали одной веревкой

по тридцать или сорок человек, и их вел один мусульманин. В другой раз я видел, как один человек вел сто или даже двести пленных. Здесь бунтовщики стали пленными, суверены — подданными, великие люди были унижены, графы стали дичью... Как много заблуждающихся оказались в руках поборников истинной веры!

Захват Истинного креста в день сражения

Одновременно с королем был захвачен Истинный крест, а идолопоклонники, пытавшиеся его защитить, — разбиты. Этот крест был принесен на позиции и поднят высоко, и христиане пали перед ним ниц. Они утверждают, что он сделан из дерева того самого креста, на котором тот, кому они поклоняются, был распят. Они поместили его в футляр из золота, украшенный драгоценными камнями, и приготовили для празднования Страстей Христовых — своей ежегодной церемонии. Когда священники явили его взглядам, все вокруг пали ниц, и никто не мог опоздать, не опасаясь лишиться свободы. Захват креста стал для христиан более серьезным ударом, чем утрата короля, ничего хуже для них быть не могло. Крест стал для нас призом, не имеющим себе равных. Он был высшим объектом поклонения. Христиане обязаны его почитать. На нем был распят их Бог, которому они бьют земные поклоны и поют гимны. При виде его их охватывает страсть. Они считают счастьем увидеть его, впадают в экстаз, готовы отдать за него свои жизни, ищут у него утешения. Они даже делают его копии и молятся им в своих домах. Таким образом, утрата Истинного креста стала для них катастрофой, великим бедствием. Силы покинули их. Велико было число побежденных, возвышенными были чувства победившей армии. Захват креста был для них дурным знаком. Узнав о нем, христиане поняли, что не переживут этого несчастья. Они гибли в бою и в плену, пали под настиком непреодолимой силы. Султан разбил лагерь на равнине Тверии. Он был словно лев в пустыне, или луна во всем своем великолепии.

Захват цитадели Тверии

Он послал людей к цитадели, чтобы принять ее капитуляцию с обещанием безопасности, и наша вера снова воцарилась там, где прежде обитала вера ложная. Графиня Тверии защищала цитадель и перенесла туда все свое имущество. Султан обещал безопасность ей и ее спутникам и имуществу, и она отбыла в Триполи, в город, принадлежавший ее супругу графу. И снова в Тверии поселился народ истинной веры, и Сарим ад-Дин Каймазан-Наджми был назначен правителем. Тем временем Саладин стал лагерем за пределами Тверии, избавив человечество от зла, и его армия заняла всю равнину.

Обращение Саладина с тамплиерами и госпитальерами, обезглавливание их и всеобщая радость от их уничтожения

(Этот эпизод, описанный нашим очевидцем, в обычном для него высокопарном стиле, с приукрашиваниями и преувеличениями, является пятном на легендарном великодушии и благородстве Саладина; причиной убийства стала ненависть, которую вызывали у мусульманской стороны оба ордена, воевавшие ничуть не более гуманно и по-христиански, чем их противники.)

В понедельник, 17-й день второго месяца раби, через два дня после победы, султан собрал взятых в плен тамплиеров и госпитальеров и сказал: «Я очищу землю от этих нечестивцев». Он объявил о выплате пятидесяти динаров каждому, кто взял одного из них в плен, и ему сразу же привели не меньше сотни рыцарей. Султан велел их обезглавить, посчитав, что лучше они будут мертвыми, чем в заключении. С ним была большая группа ученых и суфиев, а также некоторое количество набожных людей и аскетов. Каждый просил, чтобы ему позволили убить одного из них, вынимал из ножен меч и засучивал рукава. Саладин с радостным лицом сидел на возвышении. Неверные пребывали в отчаянии. Войска собрались вокруг. И бойня началась.

(Далее следуют описания убийств, перемежающиеся восхвалениями действий правоверных и восторженными метафорами; если коротко и без велеречивости, зверское убийство рыцарей избавило землю от всех зол.)

Султан отправил франкского короля в Дамаск вместе с его братом, Хамфри, правителем Джубайля, Великим магистром тамплиеров и великими баронами, которые были взяты в плен. Там их заключили в тюрьму. Армия разошлась по домам с пленными и добычей.

ЗАВОЕВАНИЕ ИЕРУСАЛИМА

Ибн аль-Атир

Когда Саладин завершил покорение Аскалона и окрестностей, он послал за египетским флотом и крупным контингентом войск под командованием Хусам ад-Дин Лулу аль-Хаджиба, человека, известного своей храбростью, энергией и инициативой. Эти силы вышли в море, перерезая связи франков. Они нападали на каждое франкское судно, которое видели, захватывали каждую галеру. Когда они прибыли и Саладин мог положиться на их поддержку, он выступил из Аскалона в Иерусалим. Почтенный патриарх Иракий, имевший больше авторитета, чем сам король, был там, а с ним и Балиан ибн Барзан, правитель Рамлы, Балиан Ибелин, имевший почти такой же высокий ранг, как король. Рацари, пережившие Хаттин, тоже собрались там. Жители этого региона, Аскалона и других мест, тоже были в Иерусалиме, так что там было очень много народа, и каждый был готов умереть, но не пустить мусульман в город. Жертвовать жизнью, собственностью и сыновьями было для них частью долга. Они укрепили город всеми доступными средствами, после чего поднялись на стены, исполненные решимости защитить его любой ценой. Все они выказывали решимость сражаться до последнего. Они построили катапульты, чтобы отразить попытки приблизиться к городу и штурмовать его. Во время наступления Саладина один из эмиров

вышел вперед со своим отрядом, не постаравшись защитить себя. Отряд франков, покинувший Иерусалим, чтобы разведать обстановку, столкнулся с ним, и во время стычки сам эмир и еще несколько человек были убиты, что принесло большое горе мусульманам. В середине месяца раджаб / сентябре 1187 года они осадили Иерусалим. Приблизившись, они увидели на стенах пугающую толпу людей и слышали гул голосов людей, собравшихся за стенами, что дало им возможность оценить число защитников. Пять дней султан ездил вокруг города, чтобы решить, в каком месте лучше атаковать, поскольку город был укреплен лучше, чем когда-либо раньше. Единственное слабое место было с северной стороны, возле Бабаль-Амуд (Дамасские или Шхемские ворота) и церкви на горе Сион. Поэтому в 20-й день месяца раджаб Саладин перевел свою армию к северной стороне и в тот же вечер начал собирать осадные машины. На следующее утро все они были готовы, и начался обстрел стен. Франки отвечали, обстреливая противника своими катапультами. Началось самое ожесточенное сражение, которое только можно себе представить. Каждая сторона относилось к битве как к своей абсолютной религиозной обязанности. Командирам не приходилось подгонять или подбадривать своих людей. Они сдерживали врага, не жалея сил, и отбивали атаки, не отступая ни на шаг. Каждое утро франкская кавалерия совершала вылазки, вызывая противника на бой. В стычках многие были убиты. Среди мусульманских мучеников был эмир Изз ад-Дин Иса ибн Малик, один из главных эмиров и сын правителя Джабара. Каждый день он лично возглавлял атаку, и своей смертью заслужил великую милость Аллаха. Этот человек был дорог всем своим людям, и его смерть явилась для них большим горем. Они устремились в едином порыве, выбили франков с их позиций и оттеснили обратно в город. Когда мусульмане дошли до рва, они переправились через него, подошли к стене и начали делать подкоп, оставаясь под защитой лучников и артиллерии, благодаря которым на стене не было франков. Затем они заполнили подкоп горючими материалами.

Когда франки увидели, как энергично мусульмане атакуют, какой постоянный и эффективный огонь исходит от их баллист и как активно саперы ведут подкопы под стены, не встречая сопротивления, они пришли в отчаяние, и их лидеры собрались на совет. Они решили попросить гарантии безопасности и покинуть город, сдав его Саладину. Они послали депутацию к Саладину, но, когда они заговорили об условиях капитуляции, Саладин отказался пойти им навстречу, сказав, что мусульмане обойдутся с ними так же, как франки обошлись с населением Иерусалима, когда взяли его в 492/1099 году. Им предстоит испытать на себе убийства, порабощение и другие зверства. И послы вернулись с пустыми руками. Тогда Балиан ибн Барзан потребовал гарантий безопасности для себя лично, чтобы он мог предстать перед Саладином и поговорить с ним. Согласие было дано, и, прибыв к султану, франк сразу потребовал всеобщей амнистии в обмен на капитуляцию. Султан отказал ему и вообще не выказывал никакой склонности к проявлению милосердия. Придя в отчаяние, Балиан заявил: «Знай же, о султан, нас в этом городе очень много — сколько, знает только Бог. Пока мы сражаемся не в полную силу, надеясь спасти свои жизни, рассчитывая, что ты пощадишь нас, как уже пощадил других. Все потому, что мы боимся смерти и любим жизнь. Но если мы поймем, что смерть неминуема, тогда, видит Бог, мы убьем своих жен и детей, сожжем свое имущество, чтобы не оставить тебе ни динара, ни драхмы, ни одного мужчины, женщины или ребенка, которого ты мог бы обратить в рабство. Когда это будет сделано, мы разрушим Святую скалу и Масджин аль-Акса, так же как другие святые места, и убьем всех до одного мусульманских пленных — а их у нас 5000. Еще мы убьем всех принадлежащих нам животных. И после этого мы выйдем на бой с вами. Мы будем сражаться не на жизнь, а на смерть, и каждый человек, прежде чем падет мертвым, убьет несколько врагов. Мы умрем с честью или одержим почетную победу». Саладин позвал своих советников, и все они высказались за то, чтобы дать франкам гарантии, которых они требовали, не вынуждая их идти

на крайние меры, исход которых трудно предположить. «Давай считать, что они уже наши пленные, — сказали они, и пусть они выкупят себя на условиях, которые мы примем». Султан согласился дать франкам гарантии безопасности, если каждый человек, богатый или бедный, заплатит десять динаров, женщины — пять динаров, дети обоего пола — два динара. Все, кто заплатит эту сумму в течение сорока дней, смогут свободно уйти, а те, кто не заплатят, попадут в рабство. Балиан Ибелин предложил 30 000 динаров, как выкуп за бедных, и его предложение было принято. Город был сдан в пятницу, 27-й день месяца раджаб / 2 октября 1187 года. В этот памятный день мусульманские флаги были подняты над стенами Иерусалима. У каждых ворот Саладин поставил эмиров, которые должны были требовать выкуп у жителей. Но они обманывали, выполняя свои обязанности, и делили между собой деньги, которые иначе наполнили бы государственную казну на благо всех. В Иерусалиме было 70 000 кавалеристов и пехотинцев, не считая женщин и детей. Такое большое количество людей не является удивительным, если принять во внимание, что там были люди из Дарума, Рамлы, Газы и других мест. Их было так много на улицах и в церквях, что трудно было пройти. Признаком их числа является тот факт, что большинство из них заплатили выкуп, и Балиан Ибелин освободил 18 000 человек, за которых выплатил 30 000 динаров, и, помимо этого, тех, кто не смогли заплатить и были взяты в плен, осталось 16 000 человек — мужчин, женщин и детей.

Некоторые эмиры знали, что выходцы из их феодальных поместий жили в Иерусалиме, и освободили их, заплатив выкуп самим себе. Другие одевали франков в одежду мусульманских солдат, выводили из города и требовали выкуп, размер которого устанавливали сами. Кое-кто просил Саладина подарить ему сколько-нибудь франков, и, когда получали их, требовали выкуп для себя. В целом в казну попала лишь небольшая сумма.

В Иерусалиме жила женщина, которая была замужем за византийским королем, ставшая монахиней (эта деталь затрудняет ее идентификацию с Марией Комниной, вдо-

вой Амальрика (Амори) I и впоследствии супругой Балиана Ибелина). При ней была многочисленная челядь, а также она владела большим количеством золота и драгоценных камней. Она попросила гарантий безопасности для себя и своих домочадцев. Султан дал ее и позволил ей уехать. Точно так же он освободил королеву Иерусалима Сибиллу, супруг которой, Ги де Лузиньяна, заключенный в тюрьму Саладином, стал королем франков при посредстве супруги и управлял королевством от ее имени. Султан позволил ей забрать свое имущество и своих людей, и она попросила разрешения присоединиться к мужу, содержащемуся в крепости Наблус. Разрешение было дано, и она отправилась в Наблус, чтобы быть с мужем. Супруга Арната из Керака, которого Саладин казнил в день Хаттинского сражения, тоже предстала перед ним (Стефания, мать Хамфри Торонского). Она просила за сына, который был пленным. Саладин сказал: «Если ты сдашь мне Эль-Керак, я его отпущу». Женщина отправилась в крепость, но бывшие там франки не позволили ей сдать крепость, и Саладин не отпустил ее сына, отдав ей только слуг и имущество.

Великий патриарх франков покинул город с сокровищами из Купола Скалы, Масджид аль-Акса, церкви Воскресения, и других. Один Аллах знает, сколько было этих сокровищ. Он также взял с собой деньги. Саладин не чинил ему препятствий и, когда ему посоветовали отобрать все для нужд ислама, ответил, что не откажется от своего слова. Он взял с патриарха только десять динаров и выделил эскорт, чтобы сопроводить его до Тира.

В самой верхней части Купола Скалы был установлен большой позолоченный крест. В пятницу, когда мусульмане вошли в город, несколько человек забрались на купол, чтобы убрать крест. Лишь только они достигли креста, снизу донесся громкий крик — и из города, и из-за стен. Мусульмане кричали от радости, а франки — от горя. Крик был такой громкий, что земля содрогнулась.

Когда город был взят, и неверные покинули его, Саладин приказал, чтобы святыням был возвращен их первоначальный облик. Тамплиеры построили свое жилище ря-

дом с мечетью аль-Акса, а их склады, отхожие места и другие помещения заняли часть территории мечети. Все это было ликвидировано, и мечети возвращен ее изначальный облик. Султан велел очистить Купол Скалы от всех загрязнений и омыть розовой водой, это было сделано. В следующую пятницу, 4-й день месяца шабан / 9 октября мусульмане провели там общую молитву. Среди них был султан, который также молился в мечети Скалы вместе с Михий ад-Дин ибн Заки, кади Дамаска, имамом и проповедником. (Аль-Акса и Купол Скалы, так называемая мечеть Умара, были рядом, но отдельно друг от друга; из этого отрывка ясно, что церемония проводилась в аль-Аксе; Саладин *также* молился в Куполе Скалы, что следует из рассказа Имад ад-Дина.) Саладин назначил кади и имама для пяти канонических молитв и велел построить для него кафедру. Ему сказали, что Нур ад-Дин некогда заказал кафедру в Алеппо, которую приказал украсить как можно лучше, сказав: «Мы установим ее в Иерусалиме». Плотникам потребовалось много лет, чтобы ее сделать, и ей нет равных во всем исламском мире. Саладин сразу велел привезти ее из Алеппо и установить в Иерусалиме — через двадцать лет после того, как она была сделана. Это было одно из благородных дел Нур ад-Дина, да будет Аллах к нему милостив. (Как мы уже говорили, ибн аль-Атир никогда не упускал возможности выразить свою привязанность к Зангидам.)

После пятничной молитвы Саладин отдал приказ реставрировать аль-Аксу, украсив ее, отделав мрамором и мозаикой. Был доставлен мрамор небывалого качества и золоченые мозаичные плитки из Константинополя, а также другие необходимые материалы, хранившиеся много лет, и начались реставрационные работы. Чтобы скрыть изображения, покрывавшие стены, франки установили мраморные плиты, которые Саладин приказал снять. Кроме того, стены были покрыты мрамором, потому что священники продавали кусочки скалы паломникам, платившим за них золотом, в надежде на благотворное влияние священного камня на здоровье. Каждый из паломников, вернувшись на родину с таким камнем, должен был построить для него

церковь и поместить в алтарь. Один из франкских королей Иерусалима, опасаясь, что скала может и вовсе исчезнуть, велел для сохранности покрыть ее мрамором. Когда плиты были сняты, Саладин приказал принести в мечеть несколько красивых копий Корана, которые использовались в молитвах. Он устроил там чтецов Корана, которых осыпал богатыми дарами. Так ислам был восстановлен там во всей своей чистоте и красоте. Благородная цель завоевания была достигнута. После Умар ибн аль-Хаттаба (второй халиф, 634—644, при котором мусульмане взяли Иерусалим в первый раз в 637 году) вторым человеком, завоевавшим Иерусалим для ислама, стал Саладин.

Франкское население Иерусалима, еще остававшееся в городе, начало продавать за бесценок свои пожитки, чтобы не нести с собой. Все это скупали купцы армии и нефранкские христиане Иерусалима. Последние попросили разрешения Саладина остаться в своих домах при условии, что они будут платить налоги, и он дал такое разрешение, и теперь они скупали имущество франков. То, что франки не могли продать, они бросали. Среди брошенного имущества иерусалимских франков были даже мраморные плиты, мозаики и великолепного качества мраморная колонна.

Имад ад-Дин

Саладин выступил из Аскалона в Иерусалим, победоносный в своей решимости. Его спутницами были победа и слава. Он укротил непокорного жеребца своих желаний и сделал плодородными луга своего богатства. (Далее следуют многословные восхваления и его славной непобедимой и так далее армии.) Весть дошла до Иерусалима, и сердца его обитателей затрепетали от ужаса перед армией ислама. Франки, узнав о приближении Саладина, пожелали никогда не родиться на этот свет. Так было с франкскими лидерами Балианом ибн Барзаном и великим патриархом, и с Великими магистрами орденов тамплиеров и госпитальеров. Балиан был встревожен, пребывал во власти душевной тоски, блеск гордости патриарха по-

тускнел, все франки чувствовали себя неудобно в своих жилищах, словно оказались в ловушках для нечестивцев. Они хотели что-то делать, но не могли договориться между собой. Франки отчаялись и в конце концов, не найдя никакого выхода, решили отдать свои жизни за Иерусалим.

Церковь Воскресения

По-арабски — *al-Quiama*, но мусульманские авторы того времени в насмешку переделали название в *al-Qumama*, что означает «куча навоза»; в такой форме название встречается и у Имад ад-Дина; это церковь Гроба Господня.

Франки сказали: «Здесь наши головы падут, наши души покинут нас, прольется наша кровь, мы расстанемся с жизнями; мы станем терпеть удары и раны и отдадим все, что у нас есть, в защиту места, где живет Святой Дух. Это наша церковь Воскресения. Здесь мы займем позиции, и отсюда будем совершать вылазки, здесь наши крики вознесутся к небесам, здесь мы принесем покаяние, здесь будут развеяться наши знамена. Мы любим это место, мы привязаны к нему, наша честь требует защищать его. Его спасение наше, его безопасность наша, его выживание наше. (Далее следует чрезвычайно многословное и напыщенное объяснение причин, заставлявших франков защищать церковь Гроба Господня. Интересно, что среди них автор указал распятие в этом месте Мессии и рождение Святой Девой сына. Судя по всему, автор смешал и изложил все, что знал о христианстве. Впрочем, христианские знания об исламе в то время были не более точными. После этого идет изобилующее гиперболами описание подготовки франков и приближающейся к ним армии Саладина, грозной и неудержимой, отважной и рвущейся в бой, исполненной решимости пролить кровь врага и т. д.) Когда же Саладин прибыл в Иерусалим, он сразу пожелал увидеть Масджид аль-Аксу, разведать ближайшую к мечети дорогу и узнать, кто были ее самые выдающиеся поборники веры. Он желал выразить благородные чувства, которыми его вдохновил Аллах.

Описание Иерусалима

Султан сказал: «Если Аллах помог нам выдворить его врагов из Иерусалима, мы не устаем радоваться этому». Иерусалим находился в руках его врагов девяносто один год (с 492/1099 до 583/1187). За это время рвение мусульманских суверенов, которые желали бы освободить его, уменьшилось, и франки укрепились здесь во власти. Да и как Аллах мог не помочь в завоевании Иерусалима и Масджид аль-Аксы, если это город пророков и святых, место, где благочестивые люди поклоняются своему Богу, которое посещают великие святые, живущие на земле, и ангелы небесные. Здесь стоит Скала, сохраненная от разрушения, а над ней возвышается Купол, словно великолепная корона. Здесь начинается путь Вознесения, отсюда взлетел Бурак (небесный конь, на спине которого Мухаммед покинул скалу, совершая свое чудесное путешествие). В этом городе есть Ворота Милосердия (Баб-ар-Рама, сегодня Золотые ворота), и тот, кто пройдет через них, получает право на вечную жизнь в Раю. Здесь храм Соломона и другие святыни. Иерусалим — первая из двух кибла¹, второй из двух Домов Божьих, третий из Священных мест. В начале суры (Коран XVII, 1) сказано: «Хвала тому, кто в некоторую ночь содействовал рабу своему совершить путь от запретной мечети (в Мекке) к отдаленной мечети (в Иерусалиме) которой окрестности мы благословили». Иерусалиму посвящено множество молитв, и достоинств не счесть. В него и из него было совершено ночное путешествие пророка, над ним раскрылись небеса, о нем упоминается в рассказах пророков, его посещали святые, здесь совершались чудеса. [...] Здесь храм погребения Святой Девы, о которой Бог говорил: «Захария каждый раз, когда входил к ней в ее обитель, находил перед ней пищи» (Коран III, 32). Иерусалим — город, который основал Давид и посоветовал Соломону

¹ К и б л а — направление молитвы; изначально Мухаммед определил, что молиться надо в сторону Иерусалима, но потом изменил решение, выбрав Мекку; Иерусалим — второй дом Бога после Каабы в Мекке и третий священный район после Мекки и Медины.

построить. Его завоевал аль-Фарук (почетное имя Умара). Как славен и велик Иерусалим, как благороден и горд! (Далее следуют возвышенные восхваления Иерусалиму, не содержащие никакой информации.)

Саладин поклялся вернуть Иерусалиму прежнее величие, и был исполнен решимости не покидать город, пока он не сдержит данное им слово. В этом он не сомневался. Очень уж ему хотелось, чтобы лица членов его семьи (то есть Айюбидов) осветились радостью, узнав, что он побывал на том самом месте, где некогда началось ночное путешествие пророка. К западной части города он подошел в воскресенье, 15-й день месяца раджаб / 20 сентября. Сердца неверных содрогнулись, многобожники пребывали в смятении. В то время в Иерусалиме было 70 тысяч франкских воинов, пеших и конных, лучников, меченосцев и копыеносцев, готовых к защите города. Они вызвали нас на бой, преградив путь. Они нападали на нас, кипя от ярости, наносили удары, оскорбляли, металась и крестились. Они говорили: «Каждый из нас стоит двадцати таких, как вы». Они намеревались защищать церковь Воскресения до конца, не щадя собственных жизней.

В пятницу, 20-й день месяца раджаб / 25 сентября султан с севера подошел к городу и разбил лагерь, перекрыв дороги франкам, оставив им открытой лишь дорогу к смерти. Он построил катапульты, чтобы обрушить на врага потоки ужаса — даже Скала стонала под ударами камней, и враг укрылся за стенами крепости, откуда не осмеливался больше выйти. Франки даже головы не могли высунуть из ворот, за которыми их ждала смерть, несчастья и гибель души. Тамплиеры стонали, бароны низвергались в ад, госпитальеры возносили проклятия. «Братьев» ждала неминуемая смерть. Ничто не могло защитить от летевших с неба камней; огонь желания жег сердца сражавшихся с обеих сторон, лица воинов были открыты поцелую меча, жажда боя терзала сердца, руки сжимали рукояти мечей, умы переполняла жажда найти тех, дух которых не позволил им посвятить себя целиком своему делу. Камни, летевшие из катапульт, ломали крепостные стены и зубцы. Создавалось впечатление, что их бросают

могучие руки неуязвимых рыцарей. От их снарядов не было никакой защиты. (Последующий отрывок, изобилующий возвышенными метафорами и иносказаниями, судя по всему, означает следующее: они несли с собой ужас, вызвали позывы рвоты у тех, кто понимал их смертоносную силу; однако, как это часто бывает у Имад ад-Дина, смысл теряется за стремлением к велеречивости и благозвучности.) Камни уничтожали все, их полет сопровождался адским завыванием, а падение — жутким грохотом (у автора описание довольно длинное, но не информативное). Враг был сломлен, его ряды разбиты, ров перейден. Началась атака. Победа ислама была очевидна, так же как и смерть неверных. Была пробита брешь, и проблема решилась. Были приложены энергичные усилия, и цель была достигнута. Враги были ранены или убиты, препятствия устранены, работа завершена. Город стал мусульманским. Ибн Барзан пришел к султану и попросил сохранить жизнь его людям. Султан отказался. «Не будет вам ни гарантий, ни милостей. Наше единственное желание — видеть вашу вечную покорность. Завтра мы станем здесь полными хозяевами, прольем кровь ваших мужчин, женщин уведем в рабство». Тогда люди ответили: «Если мы не можем рассчитывать на ваше милосердие, и у нас нет надежды на ваше благородство, если у нас нет пути к спасению и веры в то, что нас ждут впереди мир и безопасность, тогда мы будем сражаться до последнего, не на жизнь, а на смерть. Пусть мы погибнем в огне, но не пойдём покорно на бойню. Никто из нас не будет ранен, прежде чем ранит десятерых врагов, никто не встретит смерть, не захватив с собой как можно больше противников. Мы сожжем наши дома и разрушим Купол, а вам оставим позор обращения вас в рабство. Мы уничтожим Скалу, а вам предоставим горевать из-за ее утраты. Мы убьем всех мусульманских пленных, которые находятся у нас в руках, а у нас их тысячи. Всем известно, что мы высоко ценим свою репутацию. Что касается нашего имущества, мы скорее уничтожим его, чем отдадим вам, а своих сыновей убьем. Какое преимущество получите вы, отвергая наши предложения. Ведь вы же сами все потеряете. Не оболь-

щайтесь надеждами на успех — только мир способен компенсировать зло».

Тогда султан созвал совет и послал за командирами своих победоносных отрядов, чтобы посоветоваться с ними о возможности заключения мирного договора. Он попросил их открыть ему самые тайные мысли и чувства. «Нам предложен шанс, — сказал он, — которым мы должны воспользоваться. Результат, о котором мы молили Аллаха, должен быть наш. Если мы его упустим, другого шанса не будет». Члены совета вознесли многословные хвалы султану и сказали, что в таком положении могут посоветовать лишь одно — собрать плоды победы. И после многочисленных обсуждений и консультаций была установлена сумма, за которую жители должны были выкупить себя и свою собственность, спасти своих мужчин, женщин и детей. Согласно договору, по истечении сорока дней тот, кто не сможет заплатить выкуп — или откажется это сделать, — станет нашим рабом. Размер выкупа был установлен следующий: десять динаров за мужчину, пять — за женщину и два за ребенка. Ибн Барзан, патриарх и Великие магистры тамплиеров и госпитальеров стали поручителями, и ибн Барзан дал 30 000 динаров за бедных, честно выполняя свое слово. Каждый, кто заплатил выкуп, покинул свой дом в безопасности, чтобы никогда не вернуться туда снова.

После того как размер выкупа был установлен, они сдали город. Это было в пятницу, 27-й день месяца раджаб / 2 октября. В городе было больше 100 000 человек, включая женщин и детей. Ворота были закрыты, и были назначены представители, чтобы получить причитающуюся с каждого сумму. У каждых ворот стоял эмир или представитель, чтобы считать входящих и выходящих. Те, кто заплатили выкуп, уходили, а те, кто не могли этого сделать, оставались в плену. Если бы эти деньги собирались так, как следовало, казна наполнилась бы с лихвой. Но имело место пренебрежение к порядку, присвоение чужих денег, казнокрадство. Любой, кто давал взятку, получал разрешение выйти. Чиновники свернули с честного пути и вымогали взятки. Некоторых людей спускали

по стенам на веревках, других выносили в багаже. Люди переодевались и выходили, одетые, как мусульманские солдаты.

В Иерусалиме жила греческая принцесса, ставшая монахиней и искавшая утешения в христианской вере. Ее набожность давала ей успокоение в несчастьях, и она крепко держалась за эту веру. Ее вздохи разносились далеко, а слезы лились, словно дождь из облаков. Она занимала высокое положение, была богата, имела много имущества, слуг, мебели и рабов. Султан разрешил ей свободно покинуть город и увезти с собой все имущество. Она с радостью удалилась, хотя ее сердце обливало слезами.

Возле Иерусалима жила супруга плененного короля, дочь короля Амальрика, со всей своей свитой. Ее тоже беспрепятственно отпустили из города, разрешив забрать все и всех. Также принцесса, дочь Филиппа и мать Хамфри (королева Сибилла) была освобождена от выкупа, и ее имущество осталось неприкосновенным. Правитель Аль-Биры попросил позволить ему освободить 500 армян, которые, по его утверждению, прибыли из его страны в Иерусалим по религиозным мотивам. Музаффар ад-Дин ибн Али Кчук потребовал 1000 пленных на основании того, что они прибыли из Эдессы, и султан согласился.

Султан создал несколько ведомств и каждое обеспечил неким числом египетских и сирийских чиновников. Любой, кто получил расписку о полной выплате от одного из этих чиновников, мог свободно уйти, предъявив расписку у ворот. Человек, в честности которого я не сомневаюсь, рассказал, что он был в одном из таких ведомств и видел, как там велись дела. Часто чиновники выдавали расписки, а деньги отправляли в собственные карманы, и их обман оставался нераскрытым. Эти люди лишали казну доходов, которые должны были туда поступить. Но несмотря ни на что, казна получила 100 000 динаров, а остальное население осталось в качестве пленных, ожидая времени, когда истечет установленный для выкупа срок. Если они не смогут внести нужную сумму, то станут рабами.

День завоевания, 17-й день месяца раджаб

По удивительному совпадению дата завоевания Иерусалима совпала с годовщиной вознесения пророка на небеса. Повсюду царила великая радость, вызванная блестящей победой, слова молитвы прославления Аллаха были у всех на устах. Султан принимал поздравления. Он давал аудиенцию эмирам и чиновникам, суфиям и ученым. Его манеры были одновременно скромными и величественными. Он сидел в окружении правоведов и богословов, и его лицо сияло от радости, двери его покоев были широко распахнуты, его благосклонность и великодушие не знали меры. К нему мог прийти любой. Его слова слушали, его поступками восхищались, его ковер целовали. Его лицо сияло, от него исходило сладчайшее благовоние, его душевность была всеобъемлющей, а власть грозной. Его город излучал свет, его рука разливала воды щедрости и раскрывала губы даров. Тыльная сторона его руки была киблой для поцелуев, а ладонь — Каабой надежды (далее описание продолжается в том же духе; пышные метафоры, явные и намеренные гиперболы громоздятся друг на друга, пряча под собой смысл).

Весть о падении Иерусалима распространилась повсюду. Мир ислама был готов отпраздновать это событие.

Положение франков, покидающих Иерусалим

Франки распродавали свое имущество и извлекали ценности из тайников, чтобы продать их за бесценок. Люди заключали с ними сделки и приобретали товары по очень низким ценам. То, что стоило больше десяти динаров, продавали меньше чем за один. Люди собирали жалкие остатки своего имущества. Они даже опустошили собственные церкви, сняли все украшения, унесли канделябры и вазы, занавесы и драпировки. Они опустошили там все, что только могли. Великий патриарх забрал все, что было над Гробом Господним — золотые пластины, золотые и серебряные предметы, ткани. Тогда я сказал султану: «Там много добра. Его стоимость не меньше 200 000 динаров. Ты раз-

решил вывоз личного имущества, но не собственности церковей и монастырей. Не позволяй этим нечестивцам сохранить в своих руках такие богатства!» Но султан ответил: «Если мы будем трактовать договор таким образом, они обвинят нас в нарушении слова. Пусть лучше все останется как есть. Тогда никто не сможет обвинить правоверных в нарушении своего слова. Лучше мы расскажем всем, какие блага они получили из наших рук». Франки оставили самое тяжелое и увезли самое ценное.

Большинство из них отправились в Тир. Около 15 000 человек не смогли заплатить выкуп, и рабство стало их участью. Было 7000 мужчин, которым пришлось привыкать к непривычному унижению, которых рабство разделило и разбросало по разным уголкам исламского мира, когда покупатели разъехались по горам и равнинам. Женщин и детей было 8000, и они были быстро разделены между нами. Слушая их плач, мусульмане только улыбались. Как много честных женщин было отдано на поругание, как много королев стали рабынями (женской участи автор посвящает большой абзац, в котором очень много слов, но смысл можно выразить четырьмя словами: женская доля была тяжелой).

Когда Иерусалим был очищен от грязи — проклятых франков и лишен омерзительных одежд, чтобы надеть почетное платье, некоторые христиане, заплатив налог, отказались уезжать. Они попросили разрешения остаться, обещав преданно служить нам. Они покорно заплатили «выкуп за свою жизнь» (Коран IX, 29). Они были готовы принять все, что им уготовано, и стали данниками, зависящими от мусульманской защиты. Их использовали для разных черных работ, и они принимали это как великий дар.

Добрые дела Саладина в Иерусалиме и злые дела, которые он изжил

Когда Саладин принял капитуляцию Иерусалима, он приказал открыть *михраб* (ниша, отмечающая направление молитвы) в Масджид аль-Акса, и издал решительный приказ по этому поводу. Тамплиеры построили перед

михрабом стену, а мечеть превратили в амбар. Говорят, в своей злобной враждебности они даже использовали ее как отхожее место. К востоку от киблы они построили большой дом и еще одну церковь. Саладин велел убрать все, что мешает открыть девственно чистый лик михраба. Затем он велел снести стену перед михрабом и очистить двор вокруг нее, чтобы людям, проходящим на пятничную молитву, хватало места. Была возведена кафедра, очищенный михраб снова увидел дневной свет, и все, что было между колоннами, снесено. Открывшиеся пространства были покрыты коврами, на стенах повешены канделябры, чтобы читать Коран, и истина наконец одержала верх над злобой и заблуждениями. Коран был вознесен на трон, а заветы сброшены с него. Были расстелены молитвенные коврики, и религиозные церемонии отныне стали выполняться в чистоте (далее повторяется все то же самое, но другими словами). Многие люди, обладающие бесчисленными достоинствами (автор довольно долго и утомительно перечисляет эти достоинства), предлагали себя в качестве проповедников. Но султан никого не назначал и ничего не объяснял. Люди говорили: «Если бы только я мог произнести проповедь в первую пятницу, я был бы бесконечно счастлив. Если бы только мне выпало такое счастье, мне было бы все равно, кто придет после меня». Когда наступила пятница, 4-й день месяца шабан, люди стали просить султана назначить проповедника. Большая мечеть была полна народа, люди рыдали от избытка эмоций (после этого автор подробно описывает эти эмоции и прославляет ислам, одержавший решающую победу). Когда же после полудня прозвучал призыв к молитве, султан, тщательно обдумавший кандидатуру проповедника, наконец назначил его. Он велел кади по имени Мухий ад-Дин Абу л-Маали Мухаммед ибн Заки ад-Дин Аль аль-Кураши подняться на кафедру. При звуке этого имени лбы других кандидатов покрылись потом. Я лично вручил ему почетное черное облачение, дар халифа. Он получил великую милость, заслуженную милость. Он поднялся по ступеням кафедры, как ему и было велено, и был хорошо принят. Собравшихся охватил энтузиазм.

Он обратился к людям, и они слушали его, он говорил, а они молчали, он был красноречив и выразителен. Его речь была плавной и изысканной, выразительной и проникновенной. Он объяснил важность взятия Иерусалима и очищение Масджид аль-Аксы, вознес молитвы за великую победу халифа и султана. Потом он спустился с кафедры и помолился со всеми. Молитвы закончились, был установлен «общий консенсус» и начались «рассуждения по аналогии» (это два основополагающих принципа мусульманского права). Была поставлена специальная скамья напротив киблы, куда сел Заин ад-Дин Абу л-Хасан Али ибн Наджа и давал советы тем, кто боялся и кто надеялся, счастливым и несчастным, обреченным на проклятие и идущим по пути спасения (на описание советов и реакции на них автор тоже не пожалел восторженных слов). Султан молился среди толпы верующих. Все просили Всевышнего помочь им продолжить победы.

Описание священной Скалы — да сохранит ее Аллах!

Что касается Скалы, франки построили над ней церковь и алтарь, так чтобы больше не было места для рук, желавших получить от нее *бараку* (благотворное влияние, исходящее от священного лица или предмета), как и для глаз, желающих ее увидеть. Они украсили все образами и статуями, устроили там обители жилища для монахов и сделали ее местом для Евангелия, которое они почитали и превозносили сверх всякой меры. Над местом, где ступала нога святого пророка, они построили разукрашенную молельню с мраморными колоннами, отметив его как место, где ступал Мессия. Это было святое и возвышенное место, а на мраморе были вырезаны стада животных, среди которых я видел свиней (речь идет о романской резьбе, на которой действительно могли быть свиньи, или автор имел в виду христиан). Но Скала, объект паломничества, была скрыта под этой пафосной постройкой. Султан велел, чтобы со Скалы были сняты все покровы, и она

снова предстала перед людьми, жаждущими ее увидеть, словно юная невеста (после этого автор утомительно повторяет то же самое другими словами).

Султан назначил имама для Купола Скалы, одного из лучших чтецов Корана, человека, обладающего великолепным красноречием, чистым и ясным голосом, известного своим благочестием и знанием семи — нет, десяти чтений Корана (существует семь или чуть больше несколько отличных друг от друга вариантов Корана). Султан обеспечил нового чтеца всем необходимым, дал ему дом и сад и доставил в Купол Скалы великолепные копии Корана и его отдельных частей. Все они были уложены на полку и открыты взглядам всех желающих. Он назначил специальных людей, которые должны были поддерживать все это в порядке. Он выбирал только благочестивых людей, посвятивших свою жизнь Аллаху. Теперь в святыще приходили люди всех сословий, чтобы послушать священные строки (далее следуют обычные восхваления, не содержащие никакой информации).

Франки откалывали камни от Скалы и увозили их в Константинополь и Сицилию, где продавали — вес камня за такой же вес золота. Когда Скала была открыта взорам правоверных, все эти отметины стали видны, и все смогли убедиться, как сильно страдала священная Скала. Ее огородили, чтобы сохранить для ислама. Сделано это было уже после отъезда Саладина. Султан велел выложить михраб аль-Аксы мрамором (там до сих пор сохранилась памятная надпись с перечислением имен султана). С тех самых пор суверены Айюбидов соперничали друг с другом, верша добрые дела, прославляя и украшая мечеть. Так, аль-Малик аль-Адиль Саиф ад-Дин Абу Бакр (брат Саладина) привез туда великолепные произведения искусства и осыпал другими дарами. Аль-Малик аль-Музаффар Таки ад-Дин Умар (племянник Саладина) проводил на священной Скале много времени и не жалел для нее средств. Он собственной рукой омыл дворы и колонны, а когда они стали чистыми, обрызгал их розовой водой, и они стали благоухать. Омыты были стены и полы, и тоже стали источать аромат. А аль-Малик аль-Афдаль Нур ад-Дин Али (сын и преемник Са-

ладина) обеспечил повсюду сияющий свет и раздавал деньги, пока не опустошил свой кошелёк до дна.

Больше будет сказано о стене Иерусалима, построенной им, рвах, вырытых им, и при этом он оставался непревзойденным в актах беспримерной щедрости — в этом ему не было равных. Аль-Малик аль-Азиз Усман (другой сын и преемник Саладина), возвращаясь в Египет, которым он правил, оставил в Иерусалиме весь свой арсенал, даже не подумав отдать мне приказ переправить его в Египет. Также он оставил горы денег, имущества и продовольствия (далее подробно перечисляются все виды оружия по отдельности и детали доспехов). Ко всему прочему, одним из условий освобождения франков было оставление в городе лошадей и сбруи. Так что теперь город был хорошо укреплен и не нуждался в помощи извне.

Касательно башни Давида и других благородных святынь. Церкви упразднены, появляются медресе

Башня Давида, расположенная за пределами Масджид аль-Акса, располагалась в укрепленной крепости возле городских ворот. Она была поставлена на возвышенности и использовалась правителем. Султан позаботился о ее восстановлении, обеспечил ее имамом, муэдзином и стражниками. Благочестивые люди шли сюда утром и вечером. Султан вдохнул в нее новую жизнь и дал ей новую красоту, которой могли наслаждаться люди. Кроме того, он приказал обновить все мечети и охранять все святыни. Место, где крепость была построена, было домом Давида и Соломона. Сюда люди приходили, если хотели их встретить. Аль-Малик аль-Адиль разбил лагерь в церкви Сиона, и его войска стояли у ее ворот. Домочадцы султана, благочестивые ученые и просто добродетельные люди говорили с ним о создании медресе для шафиитских правоведов и монастыря для суфиев. Он отвел для использования под медресе церковь, посвященную святому Иоанну, расположенную возле Ворот Племен, а под монастырь — дом патриарха возле церкви Воскресения. Он щедро одарил их. Он также

предназначил участки для медресе других общин. Султан закрыл церковь Воскресения для христиан даже в качестве убежища. С ним многие говорили о ее судьбе. Одни утверждали, что ее следует разрушить и уничтожить все, что в ней находится (далее подробно перечисляется, что именно нужно уничтожить). Они считали, что, только если ее сровнять с землей и вспахать место, где она стояла, люди перестанут туда ходить. Если же она будет стоять, паломникам не будет конца. Но большинство предложило другое: «Что пользы разрушать и уничтожать? Это не помешает нечестивцам приходить на место, где она стояла». Они понимали, что это не обычная постройка, а дом Креста и Гроба Господня, то есть объект поклонения. Христиане будут продолжать приходить сюда, даже если землю вспахать и разбросать. И когда Умар, князь правоверных, завоевал Иерусалим в ранние времена, он подтвердил право христиан на владение этим местом и не приказывал им разрушить строение.

ГЛАВА 3

Конрад Монферрат, спаситель Тира и движущая сила Третьего крестового похода, запомнился современным мусульманским историкам больше, чем другие франки, за исключением разве что Ричарда Львиное Сердце. Ибн аль-Атир описал прибытие Конрада, которого он называет «аль-маркизом», в Тир и упрекнул Саладина, возможно оправданно, за то, что он не проявил достаточно упорства при атаке на город. Тир устоял, что сделало возможным военное возрождение христиан и осаду Акры.

Конрад Монферрат в Тире; неудачная осада города Саладином

Ибн аль-Атир

Когда граф Раймунд, правитель Триполи, бежал из Хаттина, он остановился в Тире, одном из самых сильных

и хорошо защищенных сирийских городов. Когда он увидел, что султан взял Тибнин, Сидон и Бейрут, он побоялся, что Саладин пойдет на Тир, в котором в тот момент не было войск, способных его защитить, поэтому он поспешно покинул Тир и направился в Триполи. Тир остался незащищенным, и, если бы Саладин атаковал сначала его, а потом Тибнин и другие города, он легко бы его взял. Но султан думал, что естественная защита затруднит взятие города, и хотел сначала овладеть окружающей территорией, чтобы облегчить захват. Именно поэтому город остался незавоеванным. Видно, так было угодно Всевышнему. Так случилось, что франк из Утремера, которого звали Маркиз — будь он проклят! — отправился морем с большим богатством в паломничество и с торговой миссией, ничего не зная о несчастьях, постигших франков. Когда он вошел в гавань Акры, у него появились подозрения. Никто не радовался, не звонили колокола, на пристани не толпился народ, как всегда бывало при входе в порт франкского судна. Да и люди на берегу были одеты как-то иначе. Он бросил якорь, не зная, чего ожидать. Ветер стих. Аль-Малик аль-Афдаль, со своей стороны, отправил людей на лодке, желая узнать, кто прибыл и с какой целью. Когда лодка приблизилась, Маркиз не знал сидевших в ней людей и спросил, что случилось. Ему рассказали о поражении франков, падении Акры и других городов и одновременно сообщили, что Тир, Аскалон и ряд других городов еще в руках франков. Поскольку ветра не было, и судно не могло выйти из порта, Маркиз послал гонца на берег с просьбой разрешить ему войти в город с деньгами и товарами. Разрешение было дано, но он посылал гонца на берег снова и снова с новыми вопросами, чтобы выгадать время и дожидаться попутного ветра, который помог бы ему скрыться. Ветер наконец подул в нужном направлении, и Маркиз сразу поднял паруса и направился в Тир. Аль-Малик аль-Афдаль послал за ним галеру, но она не сумела догнать судно франка, и он благополучно прибыл в Тир, где собралось очень много франков. Всякий раз, когда Саладин брал очередной город — Акру, Бейрут и другие, он позволял населению

уйти, и люди шли в Тир. Так что город был переполнен народом, но не было лидера, способного объединить людей, и командира, который повел бы их в бой. Люди, собравшиеся в Тире, не были воинами, и договаривались о сдаче города Саладину. Когда прибыл Маркиз и обещал защитить город лично, у людей появилась надежда. Он раздал деньги, привезенные с собой, выдвинув условие, что город и окрестности теперь принадлежат ему и никому больше. Люди согласились, но он заставил их еще и поклясться, после чего поселился в Тире и стал им управлять. Он обладал воистину дьявольским умением управлять городом и защищать его, и к тому же был очень смелым человеком. Его первым деянием стало укрепление городских оборонительных сооружений. Он обновил траншеи, привел в порядок стены, увеличил вооружение. Жители согласились защищать город.

Когда Саладин взял Иерусалим, он остался за пределами городских стен до 25-го дня месяца шабан, занимаясь реорганизацией, основанием монастырей и медресе. Он создал медресе шафитов в доме госпитальеров — очень красивом здании. Закончив работу в Иерусалиме, он перешел к Тиру, где собралось много франков, во главе которых теперь был Маркиз. Он хорошо управлял городом и усилил его укрепления так, что город стало не узнать. Саладин дошел до Акры и оставался там несколько дней, а когда Маркиз услышал о его прибытии туда, он немедленно принялся укреплять стены Тира и углублять рвы. Он установил связь между морем с одной стороны и с другой, так что город стал как остров в окружении воды, недоступный и неприступный.

Покинув Акру, Саладин подошел к Тиру в 9-й день месяца Рамадан / 13 ноября 1187 года, и остановился возле реки в виду города, ожидая, когда подойдут основные силы. В 22-й день месяца Рамадан он двинулся дальше и разбил лагерь на холме в непосредственной близости от Тира, так чтобы он мог следить за ходом сражения. Он приказал, чтобы часть армии, очередь которой подошла вступить в бой, приготовилась и расположила людей так, чтобы каждый отряд вступал в бой поочередно и защит-

ники города подвергались постоянной атаке. Но участок, с которого они отправлялись в бой, был очень маленьким, и нужно было совсем немного защитников, чтобы отбивать атаки. Мешали мусульманам и траншеи, прорытые от моря к морю. Тир был словно рука, протянутая в море, которая в районе локтя соединялась с материком, но при этом была со всех сторон окружена водой. Мусульмане могли наступать только вдоль этого локтя. Они штурмовали город, используя катапульты, баллисты и осадные машины. Семья Саладина тоже участвовала в сражении: его сын аль-Афдаль, второй сын аль-Захир Гази, брат аль-Адиль ибн Айюб, племянник Таки ад-Дин и другие эмиры. У франков были галеры и брандеры, с помощью которых они контролировали море по обе стороны от перешейка, вдоль которого мусульмане атаквали. Они нападали на фланги мусульман, используя баллисты, что было большой помехой для нашей армии, на которую нападали с одной стороны горожане, а с другой — солдаты с галер. Перешеек был таким узким, что стрелы легко перелетали его. Многие мусульмане были ранены или убиты, но они так и не смогли добиться успеха.

Саладин приказал, чтобы десять египетских галер из Акры шли в Тир, погрузив на борт солдат и все снаряжение. Они не позволили тирским кораблям выйти и напасть на мусульман, которые смогли подойти вплотную к форту и напасть на него с суши и моря. Победа уже была близка, но судьба распорядилась иначе. Однажды ночью пять мусульманских галер охраняли порт, желая перерезать линии связи врага. Ими командовал Абд ас-Салам аль-Магриби, храбрый и опытный человек. Проведя ночь на страже, люди решили, что рассвет принесет им безопасность, и заснули. Неожиданно на них устремились галеры франков. Они атаквали мусульман и многих убили. Остальные были взяты в плен и остались на своих кораблях, которые завели на буксире в порт Тира на глазах мусульман, наблюдавших за действием с суши. Некоторые мусульмане бросались в море с захваченных галер. Одни сумели добраться до берега, другие утонули. Саладин приказал остальным галерам идти в

Бейрут. Их было так мало, что они стали бесполезны. Франки бросились в погоню. Когда мусульмане увидели, что за ними весь франкский флот, они выбросили свои корабли на берег и бежали. Саладин велел уничтожить корабли, после чего атаки на Тир продолжились только с суши, что было бесполезно из-за отсутствия пространства для маневра. Однажды франки совершили вылазку и напали на мусульман из-за траншей. Битва шла с полудня до захода солнца. Был схвачен известный франкский рыцарь — на него напали, когда он упал с коня. Рыцаря убили. Так продолжалось несколько дней. Наконец Саладин понял, что он тратит слишком много времени, и ушел. У него была такая привычка — уставать от осады, если она затягивалась, и двигаться дальше. Весь этот год он ни разу не останавливался надолго, чтобы взять город, но взял их все, как мы уже говорили, в течение нескольких дней, не встретив особых трудностей. Поэтому, когда он и его советники поняли, что ситуация с Тиром совсем другая, было решено уходить. Вся ответственность за сопротивление Тира лежит на Саладине, который направил туда все силы франков, и укрепил их людьми и деньгами Акры, Аскалона, Иерусалима и других мест. Он позволил жителям захваченных городов уйти, по сути отправив их в Тир, где в результате собрались франкские рыцари со всей Палестины, богатые купцы и многие другие. Все они защищали город и отправили франкам за границей просьбу о помощи. Ее им обещали, отметив, что именно Тир станет центром иностранной помощи, а также местом спасения и защиты. А значит, они должны держаться твердо и защищать город. Позже, если Всевышнему будет угодно, мы расскажем конец истории, желая показать, что король не должен отказываться от силовых акций, даже когда судьба вроде бы на его стороне. Неудача вместе с твердым поведением предпочтительнее, чем успех, достигнутый слабостью и безразличием, и делает короля менее виновным в глазах людей. (Это лишь один отрывок, содержащий почти неприкрытую враждебность к Саладину, которая видна в трудах автора из Месопотамии, отдававшего предпочтение Зан-

гидам, вытесненным Саладином. Мы никогда не узнаем, какие у автора были основания для критики методов ведения военных действий, использованных Саладином. Ибн аль-Атир представляется очень проницательным человеком, способным признать, даже если это ему не по душе, величие поборника ислама.)

Когда Саладин решил, что пора уходить, он позвал эмиров на совет, но их советы оказались сумбурными. Одни говорили, что уход желателен, учитывая тяжелые потери, усталость войск и приближение зимы. «Скоро зима, — сказали они, — а цель еще очень далека от нас. Давайте уйдем отсюда и отдохнем, пока будет стоять холодная погода, а весной вернемся и снова будем сражаться против этого и других городов, захваченных противником». Таков был совет, данный Саладину эмирами, словно они боялись, что султан, если они останутся, станет требовать у них налоги, которые они ему должны, чтобы финансировать армию. Казна опустела. Саладин израсходовал все, что в ней было. Другие хотели остаться и взять город штурмом. Форт жизненно важен для франков, говорили они, и, если его не будет, чужеземные франки больше не будут держаться за нашу землю и отдадут другие территории, еще находящиеся у них в руках, без кровопролития. Саладин колебался. Когда сторонники отступления убедились в его неуверенности, они стали саботировать данные им поручения, в бою и в лагере, оправдываясь тем, что их войска недовольны, они вынуждены рыскать по окрестностям в поисках продовольствия и т. д. В конце концов они прекратили какие-либо действия и просто сидели и ждали. Саладин был вынужден уйти, что и сделал в конце месяца шаввал / в конце декабря. В начале января он уже был в Акре, где распустил армию по домам на зиму, приказав вернуться весной. Контингенты с востока, из Мосула, Сирии и Египта отправились домой, и стража Саладина осталась в Акре. Он жил в крепости и доверил командование гарнизоном Изз ад-Дин Юрдику, одному из великих мамлюков Нур ад-Дина, почтенному человеку, благочестие которого могло сравниться только с его смелостью.

ГЛАВА 4

Потеря Иерусалима и отважная защита маркизом де Монферратом Тира привела в движение Третий крестовый поход. Но самое важное событие Крестового похода, долгая осада Акры, началось задолго до прибытия Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце, которые дали финальный импульс и получили плоды трех тяжелых лет блокады палестинского порта, взятого Саладином в 1187 году. Отметим двойную осаду города, сначала франками, потом Саладином, с внешней стороны осаждающими франков. Логистические трудности не позволили Саладину поддерживать с осажденными мусульманами контакт, который ему удалось установить, и он был вынужден держаться в стороне, бессильно наблюдая за агонией города. Рассказы об осаде и попытках ее прорвать полны необычных красочных случаев, примеры которых взяты у Баха ад-Дина, Имад ад-Дина и ибн аль-Атира.

Франки идут на Акру и осаждают ее

Ибн аль-Атир

Мы уже говорили о большом скоплении франкских войск в Тире. Причина его заключалась в том, что Саладин позволял им свободно уходить из каждого города и форта, который он брал. Люди забирали свои семьи и имущество и шли в Тир. Это создало огромное скопление франков и постоянный приток средств, несмотря на очень большие расходы на осаду. Монахи и священники, франкские рыцари и знать надевали черные одежды, тем самым выражая великое горе из-за потери Иерусалима. Патриарх Иерусалимский брал их с собой в поездки по владениям франков, призывая людей отомстить за Иерусалим. Среди всего прочего они изготовили картину, изображающую Мессию и бьющего его араба, и на лице Христа была кровь. Они говорили людям: «Это Мессия, его бьет Мухаммед, пророк мусульман. Он ранил и убил его». Это

произвело глубокое впечатление на франков, и они толпами шли к патриарху, даже женщины. На самом деле в Акре в армии было некоторое количество женщин, которые вызывали вражеских воинов на поединок, но об этом мы расскажем позже. Мужчина, который не мог сражаться, выставлял вместо себя замену или давал деньги. Таким образом они собрали огромное число людей и денег.

Мусульманин, живший в Хисн-аль-Акрад, поведал мне следующую историю. Он служил в гарнизоне, который в давние времена сдал форт франкам, но впоследствии он раскаялся в том, что оказал помощь франкам в нападении на мусульманскую территорию и сражался на их стороне. Этот человек сказал мне, что он отправился вместе с группой франков из Хисн-аль-Акрада на четырех галерах на франкские и греческие земли за морем, чтобы найти помощь. «Наш путь, — сказал он — привел нас в Рим, огромный город, который мы покинули, когда наши галеры были полны серебром». Франкский пленный поведал мне, что он единственный сын своей матери, а их дом — их единственное имущество, но она продала его и использовала вырученные деньги, чтобы купить ему все необходимое и отправить освобождать Иерусалим. Там он попал в плен. Таковы были религиозные и личные мотивы франков. Они собирались на бой со всех сторон, одни прибывали по морю, другие — по суше. Если бы Всевышний не смилостивился над исламом, послав смерть германскому королю, который направлялся в Сирию, как станет очевидно позже, однажды можно было бы говорить, что Сирия и Египет *некогда были* мусульманскими землями.

Их войска собрались в Тире. Франков было великое множество, как и их богатств. Они постоянно получали с моря продовольствие, оружие и людей, так что Тир уже не мог всех их вместить. Сначала франки хотели напасть на Сидон, но мы уже описывали, что случилось (они были отброшены Саладином), и они согласились идти на Акру и осадить ее. Франки отправили туда все свои войска, держась, насколько это возможно, ближе к побережью, по легкой и труднопроходимой местности, широким и узким проходам, а их корабли, груженные оружием и амуницией,

следовали параллельно берегу, чтобы при необходимости оказать поддержку. Если бы встретилось непреодолимое препятствие, люди могли сесть на корабли и вернуться домой. Они выступили в поход в 8-й день месяца раджаб 582 / 22 августа 1189 года и в конце месяца прибыли в Акру, хотя их и тревожили на пути отряды мусульман.

Об этом узнал Саладин и сразу вышел навстречу. Когда две армии сблизились, Саладин посоветовался с эмирами: что лучше, догнать франков и атаковать их на марше или обойти и встретиться лицом к лицу. Эмиры сказали: «У нас нет нужды идти за ними по их пути. Дорога неудобная и узкая, и их будет совсем не так просто одолеть, как хотелось бы. Лучше пойти по широкой дороге и напасть с тыла, когда они подойдут к Акре. Там мы разгоним их армию». Саладин понимал, что эмиры предлагают легкий путь, но согласился, хотя сам предпочел бы напасть на франков в пути. «Если франки доберутся до места назначения и закрепятся на территории, их будет невозможно победить, — сказал он. — Лучше напасть на них по пути к Акре». Но эмиры упорствовали, и Саладин в конце концов согласился. Мусульмане пошли по дороге мимо Кафар-Канна, и франки прибыли к Акре раньше. По прибытии Саладин направил группу эмиров для установления контакта с франками. Они должны были сопроводить их угрожая. Франки не рискнули наброситься на них, хотя их было мало, и, таким образом, если бы армия последовала совету Саладина напасть на франков до прихода в Акру, цель была бы уже достигнута, а франки не попали бы в город. Но когда Всевышний чего-то желает, он поступает согласно своей воле.

Прибыв в Акру, Саладин увидел, что франки развернулись от моря до моря перед городом, не оставив мусульманам доступа к нему. Поэтому люди Саладина заняли позиции напротив франков, а шатер султана был установлен на Телль-Кайсан. Его левый фланг растянулся до Телль-аль-Айядийа, а правый — до реки. Обоз остался в Саффурии. Султан разослал гонцов в разные провинции с просьбой о подкреплении, которое прибыло из Мосула, Диярбакыра, Синджара и других регионов Меосопотамии.

Подоспел племянник султана Таки ад-Дин, а также Музаффар ад-Дин ибн Зейн ад-Дин, правитель Харрана и Эдессы. Подкрепление пришло к мусульманам по суше, а к франкам — по морю. Во время осады между сторонами имели место столкновения, крупные и не очень. По прибытии Саладин не мог установить связь с Акрой до конца месяца раджаб. Он сражался там до начала месяца шабан — середины сентября, — но цели так и не добился. Войска провели ночь, построенные в боевом порядке, и на следующее утро Саладин атаковал всеми силами и окружил франков со всех сторон. Обе стороны продемонстрировали небывалую решимость. В полдень Таки ад-Дин возглавил атаку на врагов, стоявших прямо перед ним, и выбил их с позиций. Франки обратились в паническое бегство — брат не останавливался, чтобы помочь брату. К ним присоединились другие, и вскоре половина поля оказалась пустой. Таки ад-Дин занял участок, который покинули франки, и связался наконец с горожанами. Теперь мусульмане могли входить в город и выходить из него. Блокада была прорвана. Саладин послал в город своих людей, амуницию, деньги и оружие. Если бы мусульмане продолжили штурм до вечера, они, скорее всего, достигли бы своей цели. Но, одержав одну победу, они решили отдохнуть и вышли из боя. Они сказали: «Мы нападём на них завтра и уничтожим». Среди эмиров, которых Саладин послал в Акру, был Хусам ад-Дин Абу л-Хайджа Толстый, один из величайших командиров мусульманской армии, курд из Арбелы. В тот день было убито много франков.

Другая битва и нападение арабов

На следующий день, 6-й день месяца шабан / 19 сентября, мусульмане напали на франков, желая уничтожить их. Приблизившись к позициям врагов, они увидели, что те начеку и готовы обороняться. Тогда они раскаялись в том, что не довели дело до конца накануне. Все позиции франков были хорошо защищены, и они начали рыть ров, который не позволил мусульманам подойти близко. Му-

сульмане упорно вызывали врагов на бой, но франки отказались и драться, и покидать свои позиции. И мусульманам пришлось уйти. Отряд арабов узнал, что франки выходят в определенном месте с другой стороны, чтобы рубить лес и выполнять другие работы. Арабы устроили засаду в излучине реки и, когда франки, как обычно, вышли на работы, убили их всех. Они отнесли их головы Саладину, который выдал им награды и почетные одежды.

Решающее сражение у стен Акры

После этого столкновения мусульмане провели время до 20-го дня месяца шабан / 3 октября, каждый день и каждый вечер вызывая франков на бой, но те отказывались даже выходить из своего лагеря. Франки собрали совет и сказали: «Египетская армия еще не пришла, а нам уже угрожает Саладин. Что будет, когда придут египтяне? Лучше всего дать бой мусульманам завтра, в надежде разбить их, прежде чем к ним прибудет подкрепление». В это время большая часть армии Саладина находилась в других местах: одни стояли перед Антиохией, другие не позволяли мародерам князя Боэмунда разорять провинцию Алеппо, его люди были в Химсе и перед Триполи. Еще один отряд был у Тира, часть египетской армии защищала район Дамьетты, Александрию и т. д. Остальные еще не прибыли, поскольку двигались более длинным путем. Все это убедило франков выйти на бой с мусульманами.

На следующее утро мусульмане были развернуты как обычно: одни шли, чтобы бросить вызов франкам на бой, другие оставались в своих шатрах. Некоторые навещали друзей, добывали продовольствие для себя, своих спутников и коней. Неожиданно франки высыпали из своих палаток. Они надвигались тучей, словно саранча по поверхности земли. Они напали на правое крыло мусульман, которым командовал племянник Саладина Таки ад-Дин. Увидев, что франки направляются к нему, он приготовился к обороне, немного продвинулся к ним навстречу и остановился. Заметив это, Саладин направил ему подкрепле-

ние из собственного войска, потому что люди из Диярба-кыра и других восточных контингентов были собраны с одной стороны от центральной части войска. Франки увидели, что центр защищен плохо, и многие люди от-туда были отправлены на укрепление правого крыла, они повернули к центру. Мусульманская армия побежала. Только немногие остались на месте, и почти все они были убиты, как эмир Муджалли ибн Марван и Захир ад-Дин, брат *факиха* Исы, правителя Иерусалима, который успешно совмещал военную доблесть с религиозной ученостью, и другие храбрые люди. Так что в центре не осталось никого, кто мог бы противостоять франкам, которые рвались к холму, на котором стоял шатер Саладина, убивая всех на своем пути. Они убили нескольких человек у самого шатра, среди которых был шейх Абу Али ибн Раваха аль-Хамави, ученый человек и хороший поэт. Мученичество за веру стало его наследством, потому что его предок, Абдуллах ибн Раваха, сподвижник пророка, был убит греками при Муте (в 629 году в Трансиордании, когда экспедиция, посланная Мухаммедом к границе его территории, была перехвачена византийцами). Итак, франки убили его и других и спустились по противоположному склону холма, убивая всех. Только чудом они не тронули шатер Саладина, но если бы они это сделали, им пришлось бы иметь дело со всей мусульманской армией.

В это время франки осмотрелись по сторонам и поняли, что подкрепление не смогло последовать за ними. И они вернулись, опасаясь, что мусульмане отрежут их от товарищей. Что же задержало подкрепление? То, что правое крыло продолжало сопротивляться, вынуждая отряд франков сражаться с ним. А левое крыло мусульманской армии напало на франков. Подкрепление, ведя собственные бои, не смогло соединиться с главными силами войск и отошло к своим окопам. Затем наше левое крыло атаковало франков, которые, отступая, подошли к шатру султана, и пажи из лагеря вступили с ними в бой. Саладин вернулся к своим людям, когда центр был смят, убеждая их вернуться и контратаковать. Собрав достаточное число воинов вокруг себя, он атаковал их с тыла, когда они сра-

жались с нашим левым крылом. Теперь мечи правоверных окружали их со всех сторон, и никто не спасся. Многие были убиты, некоторые взяты в плен. Среди пленных был Великий магистр ордена тамплиеров Жерар де Ридфор, который уже однажды был схвачен и освобожден Саладином. Схваченный во второй раз, он был убит. Число погибших, не считая тех, кто в море, было 10 000, и они по приказу Саладина были сброшены в реку, откуда франки брали воду. Большинство погибших составляли рыцари, потому что пехота за ними не успевала. Среди пленных были три франкские женщины, которые сражались наравне с мужчинами, и стало ясно, что они женщины, только когда с них сняли доспехи. Из тех мусульман, что бежали, некоторые вернулись через Тверию. Другие переправились через Иордан и разошлись по домам, многие пошли в Дамаск. Если бы эти войска не рассеялись, они могли бы уничтожить франков. Многие мусульмане совершали подвиги в борьбе с франками. Все старались добраться до лагеря франков в надежде, что это понизит их боевой дух. Неожиданно они услышал крик, что их грабят. Вот что случилось. При виде отступления нашей армии люди погрузили свое имущество на вьючных лошадей, завидев это, чернь напала на караван и принялась растаскивать тюки. Саладин хотел преследовать врага, но видел, что его люди утратили интерес к бою и стараются собрать добычу. Он приказал, чтобы вся захваченная добыча была принесена ему. Чего там только не было: ковры и наполненные мешки, одежда, оружие и все прочее. Все вернулось к прежним владельцам. В итоге Саладин в этот день не достиг своей цели, а франки, оправившись от страха, сумели перегруппироваться и вновь построиться в боевой порядок.

Саладин уходит от франков, которые возобновляют осаду Акры

Было много убитых, и воздух наполнился зловонием. Стали распространяться болезни. Сам Саладин тоже был болен. Его мучили колики, периодически возникавшие у

него. Эмиры пришли на аудиенцию и посоветовали ему покинуть Акру, прекратив давление на франков. Они постарались представить свой совет в самом лучшем свете: «Мы так плотно окружили франков, что они не смогут отступить, даже если захотят. Теперь было бы лучше уйти и дать им возможность убраться отсюда. Если они уйдут, мы избавимся друг от друга, а если они останутся, мы можем вернуться и продолжить бой. Ты болен. Если люди узнают об этом, со всеми нами будет покончено. Поэтому уход отсюда — лучшее, что мы можем сделать». Поскольку то же самое говорили Саладину доктора, он в конце концов сдался, решив, что все равно все будет, как пожелает Всевышний. Если Он желает какому-то народу зла, то нет земной силы, способной этот народ защитить. И мусульмане отправились в Харрубу. Было это в 4-й день месяца Рамадан / 16 октября. Султан приказал мусульманам Акры защищаться, держать ворота закрытыми и поставить рядом стражников. Он объяснил им, почему уходит.

Как только Саладин и его армия скрылись из виду, франки почувствовали себя в безопасности и продолжили блокаду Акры. Они окружили ее с суши от берега до берега, а их корабли блокировали город с моря. Они начали строить ров и земляную насыпь рядом. Каждый день передовые отряды мусульман подходили к их позициям, но франки не вступали в бой и не покидали своих позиций. Они трудолюбиво копали ров и строили земляную насыпь, желая защитить себя от Саладина, когда он вернется. Стало ясно, что султану был дан хороший совет. Каждый день лазутчики сообщали Саладину, что делают франки, а он продолжал болеть и был не в состоянии сражаться. Кто-то посоветовал ему отправить армию в Акру, чтобы не позволить франкам продолжать строительные работы и напасть на них, но он сказал: «Если меня там не будет, армия ничего не добьется, а значит, от нее будет больше вреда, чем пользы». Ничего не менялось, пока султану не стало лучше. У франков было достаточно времени, и они сделали то, что хотели. Они укрепили свои позиции всеми доступными средствами, а горожане Акры каждый день совершали вылазки за ворота и убивали их за городскими стенами.

Прибытие египетской армии и флота морем

В середине месяца шавваль / в конце ноября прибыла египетская армия. Ее командиром был аль-Малик аль-Адилъ Саиф ад-Дин Абу Бакр ибн Айюб. Люди возликовали. Ведь он привез осадные машины, оружие, снаряжение и большой отряд солдат. Саладин тоже собрал пехоту в сирийских провинциях, и решил направить все силы на врага. Затем прибыл египетский флот аль-Адила. Им командовал эмир Лулу, храбрый и энергичный человек, опытный и инициативный. Он появился неожиданно, захватил франкский корабль и отправил его в Акру, жители которой были вдохновлены прибытием флота.

Баха ад-Дин

В среду, в 24-й день месяца шабан / 4 октября 1189 года, армия франков пришла в необычное оживление; кавалерия и пехота, ветераны и новобранцы — все выстроились за пределами лагеря, разделившись на центр, правый и левый фланги. Их король находился в центре; перед ним держали Евангелие, защищенное шелковым пологом, который поддерживали за углы четыре человека. Правое крыло франков вытянулось вдоль всего левого крыла мусульман; а их левое крыло аналогичным образом выстроилось против нашего правого. Они занимали гребень гор, их правый фланг упирался в реку, а левый — в море. Султан велел своим глашатаям прокричать по рядам мусульман: «За Ислам, вперед, армия слуг Единственного Бога!» Воины вскочили на коней, исполненные решимости собственной жизнью заплатить за место в раю, и застыли против своих шатров. Правый фланг тянулся до моря, а левый упирался в реку, подобно флангам армии франков. Султан велел своим войскам разбивать лагерь в соответствии с боевым порядком, по отдельности правому флангу, левому флангу и центру, чтобы в случае тревоги им не пришлось маневрировать, чтобы выйти на предписанные позиции. Сам султан занял позицию в центре; его сын

аль-Малик аль-Афдаль находился справа от центра; следующим стоял его сын аль-Малик аз-Зафир, брат аль-Афдаля; далее располагалось мосульское войско под командованием Захир ад-Дина ибн аль-Буланкири; затем — войско из Диярбакыра, которыми командовал Кутб ад-Дин ибн Нур ад-Дин и повелитель Хисн-Кайфы; далее находился Хусам ад-Дин ибн Лажин, повелитель Наблуса; затем — Каймаз ан-Наджми, евнух, он был в самом конце правого фланга с великим множеством воинов. На другом конце правого фланга, упиравшегося в море, стояла армия аль-Малика аль-Музаффара Таки ад-Дина и его личное войско. На левом фланге, в той части, которая была ближе всего к центру, сначала стоял Сейф ад-Дин Али аль-Маштуб, великий князь и предводитель курдов; затем — эмир Муджалли с отрядами мехранитов и хаккаритов (курдских племен); далее находился Мужахид ад-Дин Береткаш, возглавлявший войска Синжара и отряд мамлюков; затем следовал Музаффар ад-Дин, сын Зейн ад-Дина, со своим личным войском и армией, находившейся под его командованием. В самом левом конце левого фланга находились старшие офицеры отряда мамлюков Асада, а именно Сейф ад-Дин Иазкуж, Арслан Буга и многие другие испытанные воины Асада, чья смелость вошла в поговорку; факих Иса и его сподвижники находились в центре, которым командовал этот предводитель.

Султан лично обошел ряды войска, вдохновляя людей на битву, подбадривая их перед боем и убеждая их в том, что угодная Аллаху религия одержит победу.

Враг продолжал наступать, и мусульмане шли навстречу до четвертого часа после восхода солнца. Затем левый фланг франков налетел на наш правый, и аль-Малик аль-Музаффар выставил против него свой авангард лучников. Завязался бой, шедший с переменным успехом. Продолжался он до тех пор, пока аль-Малик, находившийся на правом краю правого фланга, на берегу моря, не увидел, что число врагов огромно, и не отступил назад. Таким маневром он надеялся увлечь противника подальше от основной части главной вражеской армии и затем нанести ему решающий удар. Султан, заметив это перемещение,

решил, что эмир не может удержаться на своей позиции, и направил ему на помощь несколько отрядов из центра. Тем временем левый фланг врага отступил и занял позицию на вершине возвышающегося над морем холма. Увидев оттуда, что отряды, посланные султаном, отделились от центра, враги воспользовались ослаблением этого участка нашего фронта и атаковали правый фланг центра одновременным ударом пехоты и конницы. Я сам видел, как пехота шла в атаку, не отставая от рыцарей, которые, в свою очередь, не опережали ее, и в какой-то момент даже оказались позади нее. Главный удар в этой атаке пришелся на войско Диярбакыра, которое не было готово противостоять такому напору; поэтому оно отступило и обратилось в беспорядочное бегство. Паника распространилась, и большая часть правого крыла тоже побежала. Франки преследовали беглецов до самой аль-Айядийа и окружили эту гору, при этом один отряд их воинов поднялся до шатра султана и убил одного из его водоносов. В тот день смертью храбрых погибли Исмаил аль-Мукаббис и ибн Раваха. Да смилостивится над ними Аллах. Левый фланг удерживал позицию, ибо вражеская атака не нанесла ему ущерба. В течение всего сражения султан переезжал от отряда к отряду, подбадривая людей, обещая им великолепные награды и настраивая их на продолжение битвы во имя веры. «Вперед! — кричал он. — За Ислам!» В его свите осталось только пять человек, но он продолжал переезжать от отряда к отряду, от одного ряда к другому. Затем султан отъехал к подножию горы, на которой были раскинута его шатры. Бежавшие продолжали отступать до самой Ухваны, что за мостом в Тверии, а некоторые добежали до самого Дамаска. Вражеская конница гнала наших людей до аль-Айядийа; затем, увидев, что отступающие уже добрались до вершины горы, враги прекратили преследование и вернулись к своей армии. На обратном пути они столкнулись с ватагой слуг, погонщиков мулов и конюхов, которые пытались бежать на обозных мулах, и убили некоторых из этих людей. Добравшись до базарной площади, они совершили новые убийства, хотя при этом и сами понесли существенные потери, ибо там было мно-

жество наших воинов, и все они были хорошо вооружены. Франки, добравшиеся до шатров султана на горе, ничего в них не обнаружили, кроме людей, которых убили. Затем, видя, что левый фланг мусульман удерживает позиции, они поняли, что мы вовсе не разгромлены, и спустились с горы, чтобы соединиться со своей основной армией.

Султан оставался у подножия горы в сопровождении нескольких человек и пытался собрать своих воинов и вновь отправить их на бой с врагом. Люди, которых ему удалось собрать, рвались напасть на франков, спускавшихся с горы; однако султан приказал им оставаться на месте, и они оставались до тех пор, пока враг не оказался к ним спиной, направляясь на соединение со своим основным войском. Тут султан бросил свой боевой клич, и его воины накинулись на вражеский отряд, сразив некоторых из них. Тогда и остальные мусульманские воины, видя, что франки могут стать их легкой добычей, в большом множестве накинулись на них и атаковали до тех пор, пока те не приблизились к основным силам своей армии. Когда в основном войске франков увидели, как их солдаты бегут под натиском большого количества мусульман, то решили, что весь отряд, ушедший в атаку, уничтожен и от него не осталось никого, кроме этих беглецов. Думая, что и их самих ждет такая же участь, франки побежали врассыпную, а наш левый фланг начал их преследовать; в тот же момент аль-Малик аль-Музаффар ударил войсками правого фланга. Мы вновь перешли в наступление, подходя со всех сторон и радостно приветствуя друг друга. Аллах посрамил шайтана, приведя к торжеству истинную веру. Наши воины не переставали крушить и рубить, разить и ранить до тех пор, пока франкские беглецы, которым удалось спастись, не достигли своей армии. Мусульмане атаковали лагерь, но были отброшены несколькими батальонами, оставленными там противником на этот случай и теперь выступившими навстречу. Наши солдаты валились с ног от усталости и обливались потом, и после полуденной молитвы наши воины прекратили бой и вернулись к своим шатрам, с радостными криками перейдя через долину, усеянную мертвыми телами и зали-

тую кровью. Султан тоже вернулся в свой шатер и принял офицеров, которые сообщили ему имена тех, кого недосчитались. В рапортах сообщалось, что смертью храбрых погибли сто пятьдесят неизвестных мамлюков; среди знаменитых воинов, павших смертью мучеников, был Захир ад-Дин, брат факиха Исы. Я наблюдал, как факих принимал соболезнования от своих друзей. Он выслушивал их слова с улыбкой, говоря, что они ему не нужны. «Сегодня, — сказал он, — день радости, а не печали». Захир ад-Дин в бою упал с лошади; те, кто находился рядом с ним, помогли ему вновь сесть в седло, и несколько его родственников также погибли смертью храбрых, защищая его. В тот день также погиб и эмир Муджалли. Таковы были потери мусульман; с другой стороны, потери проклятого врага оценивались в семь тысяч человек; однако я наблюдал позже, как переносили их тела, чтобы сбросить их в реку, и я не видел, чтобы число погибших было так велико.

Когда мусульмане обратились в беспорядочное бегство, оставленные в лагере слуги, видя, что шатры брошены, стали обыскивать и грабить их. Действительно, шатры остались совершенно незащищенными, так как часть армии бежала, а другая была занята сражением. Слуги, думая, что армия полностью разбита и враг все равно захватит все имущество, оставленное в лагере, прибрали к рукам все, что только сумели найти, утащили огромное количество денег, одежды и оружия. Эта беда была хуже поражения. Султан, вернувшись в лагерь и увидев следы паники и грабежа, принял решительные меры, чтобы справиться с этим несчастьем. Прежде всего, он написал письма и послал людей, чтобы догнать и вернуть мародеров и тех, кто бежал с поля боя. Эти посланцы настигли их на Фикском холме. Они остановили беглецов, крича: «Назад, в атаку! Спасайте мусульман!» Таким образом им удалось вернуть людей обратно в лагерь. Султан приказал отобрать у лагерных слуг все украденное и разложить перед его шатром; там было разложено все, до одеял и седельных сумок. Затем султан сел у шатра, а мы собрались вокруг него, и он предложил тем, кто мог определить свое добро, поклясться в том, что оно принадлежит ему, и забрать его. В продолже-

ние всего этого султан демонстрировал твердость и добродушие, безмятежное спокойствие и проницательность ни разу не изменили ему. Его вера в Аллаха никогда не была поколеблена. Враги, со своей стороны, вернулись к себе в лагерь, потеряв храбрейших из своих воинов и оставив на поле могущественнейших из своих вождей.

Султан послал за подводами из Акры, чтобы собрать тела погибших франков и сбросить их в реку. Один из тех воинов, которые этим занимались, рассказывал мне, что число погибших на левом фланге неприятеля превысило четыре тысячи сто человек; однако он не мог сказать, сколько их погибло на правом фланге и в их центре, потому что оттуда тела свозил к реке другой человек. Уцелевшие враги засели в своем лагере и стали готовиться к обороне, не обращая ни малейшего внимания на мусульманские войска. Многие мусульмане из лагеря бежали; в лагерь вернулись только те, кто был известен по именам, потому что страшились наказания; однако все прочие бежали без оглядки.

Я присутствовал при том, как султан собрал все украденное и вернул вещи их законным владельцам. Это случилось в пятницу, в 23-й день месяца шабан / 6 октября. После этого, когда все успокоилось, султан приказал отвести обоз в Харрубу. Он опасался, что источаемое трупами зловоние может повредить здоровью его воинов. Этот населенный пункт находился недалеко от поля боя, однако дальше того места, на котором они стояли. Шатер султана был поставлен неподалеку от обоза, а авангарду было велено занять то место, где накануне находился лагерь. Это произошло в 29-й день месяца. В конце месяца султан призвал к себе эмиров и советников, среди которых был и я; он призвал всех слушать внимательно, что он скажет: «Во имя Аллаха! Хвала Аллаху! Да снизойдет благословение Аллаха на Его Посланника! Враги Аллаха и нашего народа вторглись к нам и попирали своими ногами землю ислама; однако уже теперь мы видим предвестие нашего торжества над ними, если такова будет воля Аллаха. Врагов осталось совсем немного; теперь настало время уничтожить их полностью. Аллах свидетель, что в этом состоит наш долг. Вам известно, что един-

ственное подкрепление, на которое мы можем рассчитывать, — это войско, которое ведет к нам аль-Малик аль-Адил. Враг жив; если мы оставим его в покое, и он останется здесь до той поры, когда море станет пригодно для плавания, он получит мощное подкрепление. Я придерживаюсь мнения, и оно кажется мне наиболее правильным, что нам следует немедленно атаковать врага, но пусть каждый из вас выскажется по этому поводу».

Эта речь была произнесена в 13-й день тишрин, согласно солнечному календарю (13 октября). Совет разделился во мнениях, последовала оживленная дискуссия; наконец было решено отвести армию в Харрубу. Там войска несколько дней отдохнут и восстановят силы, ибо все они устали от тяжести оружия. Отдохнув, они обретут прежнюю силу. Отдых надо дать и лошадям. Люди пятьдесят дней провели с оружием в руках и в седле; лошади тоже участвовали в сражениях и нуждаются в отдыхе. После того как все отдохнут, боевой дух людей повысится; аль-Малик аль-Адил придет и поможет и словом, и делом; останется только вернуть всех дезертиров и заново набрать пехоту, чтобы повести ее на вражеских пехотинцев.

Султан все это время испытывал серьезное недомогание, вызванное тяжестью доспехов, которые он носил в течение длительного времени, кроме того, его угнетала тревога; в конце концов он дал уговорить себя и принял совет приближенных. В 3-й день месяца Рамадан к обозу присоединилась армия. Султан в ту же ночь отправился следом и его здоровье начало улучшаться. Он собирал войска в ожидании своего брата аль-Малика аль-Адила, прибывшего в 10-й день месяца Рамадан / 22 октября (ибн аль-Атир и Имад ад-Дин указывают дату месяцем позже).

Осадные башни сожжены

Ибн аль-Атир

Во время осады Акры франки построили три массивные деревянные башни, каждая высотой шестьдесят лок-

тей. В них было пять этажей, на каждом множество солдат. Для этих башен требовался особый лес, и его привозили издалека. Они были покрыты шкурами, уксусом, грязью и разными огнеупорными материалами. Франки очистили дорогу для их передвижения и доставили все три к стенам Акры. Штурм начался в 20-й день первого месяца раби 587 / 27 апреля 1190 года. Башни возвышались над стенами, и люди, которые были в них, сражались с защитниками на стенах. А франки в это время начали заполнять ров. Было ясно, что город вот-вот возьмут штурмом. Жители Акры послали человека, чтобы тот вплавь выбрался из города и сообщил Саладину, что захват неминуем. Султан приказал армии идти на врага и вступить с ним в бой со всех сторон, желая таким образом отвлечь франков от штурма города. Франки разделились. Одна часть их армии сражалась с Саладином, другая — штурмовала город, но давление на Акру ослабело.

Бои продолжались восемь дней. В 28-й день месяца / 5 мая усталость обеих сторон после восьми дней и ночей изнурительных непрекращающихся сражений положила им конец. Мусульмане теперь были убеждены, что франки возьмут город — защитники больше не могли отражать атаки с осадных башен. Они использовали все известные им уловки, но тщетно, обрушили на башни лавину греческого огня, но это не произвело особого впечатления. Мусульмане поняли, что они обречены, но в это время Аллах пришел им на помощь и помог сжечь башни.

Это случилось так: был человек из Дамаска, страстно увлекавшийся пиротехникой и знавший много всяких добавок, способных усилить эффект огня. Друзья часто упрекали его за эту опасную страсть, но он отвечал, что его хобби никому не причиняет вреда. По странному стечению обстоятельств этот человек был в Акре, и когда он увидел строящиеся осадные башни, то сразу же начал собирать все необходимое для огня, который нельзя затушить уксусом, землей или любым другим веществом. Когда у него все было готово, он показал свое изобретение эмиру Каракушу, командиру гарнизона и правителю Акры. Он попросил его приказать командиру артиллерии

нацелить одну из катапулт на башню и выстрелить в нее тем, что он даст. Башня загорится. Каракуш был вне себя от ужаса, ожидая падения города в любую минуту. Иступление едва не убило его. Слова пришедшего к нему пиротехника привели его в еще большую ярость. Он зарорал: «Мои люди использовали все возможное, чтобы поджечь башни греческим огнем, но у них ничего не вышло!» Но те, кто присутствовали при этом, сказали: «Кто знает, быть может, Всевышний поручил наше спасение именно этому человеку? Не будет вреда, если мы сделаем то, что он просит». Каракуш согласился и велел командиру артиллерии выполнить приказ человека. Определенное количество емкостей с сырой нефтью и другими составляющими было брошено в башню, но огонь не появился. Франки, видя, что контейнеры падают, а ничего не загорается, стали танцевать на вершине башни, выкрикивая оскорбления и шутки. Когда изобретатель убедился, что емкости, выпущенные катапультой, действительно попали в башню, он выстрелил еще одну, наполненную изобретенным им составом, и башня сразу загорелась. Он выстрелил еще одну, и еще. Огонь быстро распространялся по башне, преграждая людям на платформах путь к спасению. Башня сгорела со всеми, кто там был, а также с запасами оружия. Франки, видя, что первые емкости не причиняют никакого вреда, сохраняли спокойствие и не делали попыток спастись, и спохватились, лишь когда Всевышний дал им почувствовать, что такое адский огонь. Когда первая башня сгорела, мусульмане стали обстреливать вторую, солдаты которой разбежались, и третью. Все они сгорели, сделав этот день запоминающимся для нас. Мусульмане смотрели на происходящее и радовались. Их лица осветило ликование, сменив грусть. Все они радовались спасению от смерти своих единоверцев, ведь у каждого в городе был друг или родственник. Изобретателя привели к Саладину, который пожелал осыпать его дарами и почестями, но тот отказался. «Я сделал это из любви к Аллаху, — сказал он, — и не желаю за это никакой награды». Радостная новость облетела все провинции, и султан послал за подкреплением с востока. Первым прибыл

Имад ад-Дин Занги ибн Маудуд ибн Занги, правитель Синджара и Джазиры, затем Ала ад-Дин, сын Изз ад-Дин ибн Маудуд ибн Занги, правитель Мосула, посланный отцом, чтобы командовать армией Мосула, вслед за ним Зейн ад-Дин Юсуф из Арбелы. Каждый из них, как только прибывал, сразу вступал в бой, и только потом люди ставили палатки.

РАЗНЫЕ СЛУЧАИ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ

Баха ад-Дин

Корабль из Бейрута прибывает в Акру благодаря уловке

Франки — будь они прокляты! — блокировали гавань Акры со всех сторон, чтобы воспрепятствовать проходу в нее мусульманских судов. В результате в городе воцарился великий голод; поэтому группа мусульман села на большой корабль в Бейруте, погрузив на него четыре сотни мешков с зерном, груз сыров, лука, баранов и другие съестные припасы. Они оделись в одежду франков и даже сбрили бороды, чтобы больше походить на врагов; они также поместили свиней (нечистых, по мнению мусульман, животных, которых они не едят) на верхней палубе, чтобы их было видно с большого расстояния, а также установили кресты в хорошо заметных местах. Затем этот корабль направился к городу, словно плыл издалека, и оказался в окружении вражеских кораблей. К нему приблизилось несколько шлюпок и галер. Сидевшие в этих судах люди говорили им, принимая за своих соотечественников:

— Похоже, вы направляетесь к городу.

Люди же с корабля отвечали:

— Как, разве вы еще не захватили его?

— Нет, — говорили им. — Пока еще нет.

— Хорошо, — говорили переодетые мусульмане. — Мы везем продовольствие для армии франков; но следом за нами плывет еще один корабль, гонимый тем же попут-

ным ветром; вы должны предупредить его, чтобы он не заходил в гавань. — На самом деле за ними следовал настоящий корабль франков, который следовал к армии франков. Сидевшие в лодках люди, посмотрев в указанном направлении, увидели корабль и направились к нему, чтобы предупредить об опасности. Поэтому— хвала Аллаху! — мусульманский корабль смог беспрепятственно продолжить плавание, воспользоваться благоприятным ветром и войти в гавань. Его прибытие вызвало великое ликование в городе, ибо население ощущало уже приближение голодной смерти. Произошло это в последнюю декаду месяца раждаб 586 / в конце августа — начале сентября 1190 года.

История о пловце Исе

Во время этой осады произошел весьма любопытный и странный случай; мусульманский пловец по имени Иса регулярно добирался до города вплавь, доставляя письма и деньги, спрятанные в пояс. Он делал это ночью, подныривал под ограждения франков и выныривал с другой стороны. Однажды ночью он поместил в пояс три кошелька с тысячей динаров и связку писем для армии и пустился в очередной заплыв к городу. Однако с ним случилась беда, и он погиб. В течение некоторого времени мы не знали, что с ним произошло, ибо голубь, которого он выпускал, чтобы дать нам знать, что добрался до города, не появился. По этому признаку мы заподозрили, что он, наверное, погиб. Несколько дней спустя люди, оказавшиеся на берегу в пределах города, обнаружили тело утопленника, выброшенное волнами на берег. Они осмотрели его и обнаружили, что это Иса-пловец. Они нашли на его теле деньги и письма, которые были возвращены в вошеную бумагу. Золото было использовано на выплату денег войскам. Никогда прежде мы не слышали, чтобы мертвец доставлял доверенные ему письма. Это событие также произошло в последнюю декаду месяца раждаб.

Засада

В 22-й день месяца шавваль 586 / 22 ноября 1190 года султан решил напасть на врага из засады. Он отобрал из своего войска хорошо вооруженных, храбрых и решительных воинов и приказал им ночью подойти к подножию холма, расположенного к северу от Акры, неподалеку от вражеского лагеря, и там спрятаться. Эту позицию во время названного его именем сражения занимал аль-Малик аль-Адил. Некоторым из воинов было велено показаться на глаза врагу и двинуться в сторону вражеского лагеря; после чего, как только они выманят неприятеля из лагеря, им следовало обратиться в бегство и присоединиться к мусульманам. Ночью воины подошли к холму и спрятались. На следующий день, в субботу, 23-й день сего месяца, сразу после восхода солнца несколько человек на добрых скакунах приблизились к вражескому лагерю и обрушили на франков град стрел. Враги, спровоцированные непрерывающимся обстрелом, вышли из лагеря, чтобы отомстить обидчикам силами двух сотен рыцарей, вооруженных до зубов и ехавших на конях в роскошных конских доспехах. Среди них не было ни одного пешего воина. Они направились к нападающим, предвкушая быструю расправу с таким маленьким отрядом. Заметив их приближение, наши с боем стали отступать в сторону засады. Как только франки достигли нужного места, мусульмане, сидевшие в засаде, набросились на них, точно львы на свою жертву. Сначала франки держались твердо и без страха сражались, затем они начали отступать; однако мусульмане нападали на них с такой яростью, что некоторые из франков остались лежать распростертыми на земле, многие попали в плен, а мусульманам достались их кони и оружие.

Весть об этом успехе достигла мусульманского лагеря. Со всех сторон послышались возгласы, прославляющие милость Аллаха. Султан сел на коня и отправился встречать храбрецов, сражавшихся за веру. Я был в то время на дежурстве и поехал с ним. Мы доехали до холма Телль-Кайсан, где встретили передовую часть отряда, и султан задержался там, чтобы дождаться остальных. Все поздрав-

ляли храбрецов и благодарили их за успешно выполненное поручение. Султан оглядел пленных и удостоверился в их знатности и положении. В числе пленных был командир отряда французского короля, которого тот послал на помощь осаждающим. Среди них был и королевский казначей. Вернувшись в ликующий лагерь, султан приказал привести пленников к нему. Он также велел глашатаю объявить, чтобы те, кто захватил пленников, лично предстали перед ним.

Султан со всеми почестями принял всех пленников, пользовавшихся авторитетом и уважением среди своих соотечественников, и облачил их в почетные одежды. Командиру войска французского короля он подарил отличный халат, опушенный мехом. А всем остальным, без исключения, даровал другие теплые одежды, ибо они очень страдали от холода, который в то время был весьма суровым. Он приказал устроить для них пир, на котором все они вкушали яства, и велел разбить для них шатер неподалеку от своего собственного. Он постоянно выказывал им знаки великой милости, а иногда приглашал их предводителей к своему столу. По его приказу им были предоставлены лошади, чтобы они могли доехать до Дамаска, и к ним относились с величайшим уважением. Они получили разрешение написать своим друзьям и послать в лагерь осаждающих за своей одеждой и всеми другими необходимыми им вещами. Они воспользовались этой возможностью и отправились в Дамаск.

Гуманность Саладина

Султану доставили сорок пять пленников, захваченных под Бейрутом. Это было в районе Телль-аль-Айядийа, недалеко от Акры, в 9-й день первого месяца раби 587 / 6 апреля 1191 года. В этом случае я стал свидетелем великой невиданной мягкости сердца султана. Среди пленников был престарелый мужчина, у которого совсем не было зубов и который передвигался с великим трудом. Султан спросил его через переводчика, почему, будучи в таком

преклонном возрасте, он приехал в эту страну и как далеко до его дома. Тот ответил: «До моего дома много месяцев пути; я приехал в эту страну только для того, чтобы совершить паломничество к Гробу Господню». Султан был так растроган его ответом, что вернул старику свободу и дал ему лошадь, чтобы тот добрался до вражеского лагеря. Младшие сыновья султана попросили разрешения отсечь головы захваченным пленникам, но он запретил им. Они попросили меня спросить у султана причину запрета, и он сказал: «Нельзя, чтобы они с малых лет привыкли легко проливать кровь, ибо они пока еще не познали разницы между мусульманином и неверным». Как же велики милосердие, мудрость и сдержанность этого правителя!

Франкские женщины в мире и войне

Имад ад-Дин

На корабле прибыли три сотни франкских женщин, юных и красивых. Они были собраны за морем и готовы для греха. Они были чужестранками, прибывшими, чтобы порадовать падших духом, оказать им помощь и поддержку. Они горели желанием немедленно приступить к греховному общению. Все они были распущенными греховницами, гордыми и насмешливыми, грязными и неправедными, певичками и кокетками, которые вызывающе вели себя на публике. (Далее следует еще сорок пять эпитетов, которыми автор описывает этих женщин.) Каждая из них привезла с собой множество одежд, помогавших ей околдовывать мужчин своим блеском. Она покачивалась, как молодой побег, раскрывалась, как могучая крепость, трепетала, словно маленькая веточка, гордо шествовала с крестом на груди, продавала свои милости за благодарность и желала лишиться своего платья и чести. Они прибыли и посвятили себя нечестивому занятию, словно это было благим делом, и предлагали себя самым строгим и целомудренным. Они хотели дарить свои чары, не отказывали никому, и утверждали, что не могут при-

нести Богу большую жертву, чем эта. Они устроились в шатрах или палатках, поставленных специально для них, — юные и красивые девушки — и открыли ворота наслаждений. Они считали святым приношением то, что было у них между бедер, вели себя распушенно и посвятили себя разврату. (Далее следует более четырех десятков всевозможных эвфемизмов, заменяющих одно простое выражение: они занимались проституцией и не стыдились этого; при этом автор признает, что их посещали даже некоторые мусульмане — разумеется, только самые глупые и невежественные из них.) У франков женщина, отдающаяся человеку, давшему обет celibата, не совершает греха, тем более если речь идет о священнослужителе: благочестивый человек, испытывающий нужду, мог получить облегчение.

На корабле прибыла еще и благородная и очень богатая женщина. Она была в своей стране королевой. Ее сопровождали пять сотен рыцарей с конями, оружием, амуницией и слугами. Она оплатила все их расходы из своих богатств. Они выезжали вместе с ней, бросались за нее в драку и выполняли ее приказы.

Среди франков были и женщины, которые скакали верхом в битву, в латах и шлемах, одетые в мужскую одежду, которые бросались в гущу боя и действовали, как храбрые мужчины, хотя были всего лишь хрупкими женщинами, утверждающими, что это было делом благочестия. Они думали получить за это небесное вознаграждение и потому делали это своим образом жизни. Хвала тому, кто ввел их в подобное заблуждение, заставил свернуть с пути мудрости. Во время боя многие из них выезжали на поле, как рыцари, и демонстрировали мужскую выносливость, несмотря на слабость пола. Одетые в доспехи, они не были узнаны как женщины, пока их не брали в плен и не срывали одежду (ибн аль-Атир утверждает то же самое; в христианском лагере была явно не одна Клоринда; а от Усамы нам известно, что мусульманские женщины тоже могли взять в руки оружие, если необходимо). Некоторых пленниц продавали в рабство. Везде было много старых женщин. Они были иногда поддержкой, а временами — источником слабости. Они увещевали и наставляли мужчин, призывали

собрать всю свою гордость, говорили, что принятый ими крест накладывает на них обязательство сражаться, а воины заслужат вечную жизнь, только если пожертвуют своими жизнями, пока Гроб Господень в руках врага. В общем, и мужчины, и женщины — франки нередко вставали на путь ошибок. Последние, охваченные религиозным пылом, устав от женской деликатности, становились грубыми, недалекими и глупыми существами.

ГЛАВА 5

За экспедицией Фридриха Барбароссы, которая завершилась его гибелью в водах Каликадна и во время эпидемии в Северной Сирии, последовали более успешные Крестовые походы королей Англии и Франции. Несмотря на все усилия Саладина мобилизовать силы ислама для контрудара по крестоносцам (благодаря Абу-Шаме нам известна одна из его страстных речей по этому поводу), Акра все же пала. Баха ад-Дин рисует нам яркую картину ее последних часов и самой трагедии капитуляции и позор, которым покрыл свое имя Ричард Львиное Сердце, когда были хладнокровно убиты мусульманские пленные.

Конрад Монферрат и Третий крестовый поход

Баха ад-Дин

Маркиз, повелитель Тира, один из самых коварных и влиятельных франкских правителей, покинул место, где они стояли лагерем, и повел за собой толпы заморских крестоносцев. Он велел нарисовать огромную картину, изображающую город Иерусалим; на ней можно было увидеть церковь Воскресения, цель их паломничества, объект величайшего поклонения. Считается, что в этом храме находилась гробница Мессии, в которую он был помещен после того, как его распяли на кресте. Эта гробница является главным объектом их паломничеств, и они

верят, что ежегодно в день одного из их праздников на нее сходит небесный огонь. На той картине был изображен у гробницы конь, на котором был верхом мусульманин, и конь на картине мочился на гробницу. Маркиз отправил эту картину за море, велел показывать ее на всех рыночных площадях, повсюду, где собирались люди. Священники во власяницах носили ее с печальными стенаниями; и эта картина воздействовала на людские сердца. Одному лишь Аллаху ведомо, сколько человек пришли в волнение и решили отправиться к Иерусалиму. Среди них был и король германцев со своим войском.

Крестовый поход Фридриха Барбароссы и его смерть

Ибн аль-Атир

В 586/1190 году король Германии покинул свою страну, населенную одним из самых многочисленных и воинственных франкских племен. Обеспокоенный падением Иерусалима, он собрал армию, полностью оснастил ее и направился в Константинополь. Византийский император сообщил о его приближении Саладину и обещал, что не позволит ему пройти через свои земли. Когда король Германии подошел к Константинополю, император был не в том положении, чтобы помешать ему двигаться дальше из-за многочисленности его армии, однако он отказался дать ему продовольствие и запретил подданным снабжать его армию. Так что германская армия ощутила недостаток провизии. Она переправилась через Босфор и высадилась на мусульманской земле во владениях Кылыч-Арслана ибн Кутлумиша ибн Сельджука (султана Икония из Сельджукидов). Германцы едва успели высадиться на берег, как их атаковали туркмены, которые не отставали от них все время марша, убивая отставших и грабя все, что плохо лежало. Была зима, и в тех местах было очень холодно. Снег, холод, голод и воинственные туркоманы уменьшили численность германской армии. Когда она подошла к

Конье, правитель Кутб ад-Дин Маликшах ибн Кылыч-Арслан вышел, чтобы преградить им дорогу, но он ничего не смог сделать и вернулся в Конью к отцу. Этот сын лишил отца власти, а другие сыновья разбрелись по владениям отца, и каждый ухватил себе кусок. Когда Кутб ад-Дин отступил перед ними, германцы разбили лагерь в районе Коньи. Они послали подарок Кылыч-Арсану с письмом, в котором было сказано: «Наша цель — не твоя страна, а Иерусалим». Они попросили его позволить своим подданным снабдить их продовольствием и другими необходимыми вещами. Тот разрешил. Германцы получили все, в чем нуждались, собрали продовольствие для дальнейшего путешествия и двинулись дальше. Они попросили Кутб ад-Дина приказать своим подданным не мешать и дать им в заложники нескольких эмиров. Он испытывал страх перед германцами и потому дал им двадцать эмиров, которых недолюбливал, и они их взяли. Поскольку разбойники всякого рода продолжали нападать на экспедицию, король Германии приказал заковать заложников в цепи. Одни умерли, другие сумели выкупить себя. Король Германии добрался до Малой Армении, царь которой был Левон, сын Стефана, сына Левона. Он снабдил германцев всем необходимым, почтительно приветствовал их на своей земле, выказав покорность. Отсюда они двинулись к Антиохии, но по пути им встретилась река, возле которой они устроили лагерь. Король спустился к реке, чтобы помыться, и утонул в месте, где вода не доходила ему до пояса. Так Аллах освободил нас от зла.

С ним был его младший сын Фридрих (который вскоре умер возле Акры), ставший королем вместо отца. Марш к Антиохии продолжился. Но не все спутники были преданы молодому королю. Одни хотели повернуть домой, другие — чтобы королем стал его брат. Недовольные отделились, а Фридрих продолжил путь к Антиохии с теми людьми, которые были ему преданы. Таковых оказалось всего 40 000 — их количество уменьшили разбойники, лишения и эпидемии. Когда люди добрались до Антиохии, они выглядели, словно ожившие трупы. Правитель города был недоволен их видом и отослал к франкам, осаждав-

шим Акру. Проходя через Джабалу, Лаодикею и другие мусульманские территории, они подвергались постоянным нападениям. Много людей попало в плен, еще больше — умерло. Они добрались до Триполи и провели там несколько дней, но тут на них пала чума, и от армии осталось не больше тысячи человек, которые продолжили путь к франкам в Акру. Добравшись туда, осознав потери и разногласия между собой, германцы решили вернуться домой, но их корабли разбились, и ни один человек не спасся.

Кылыч-Арслан написал Саладину, сообщил ему о прибытии германцев и обещал не допустить их прохода через его территорию. Когда же они прошли, а он остался, ему оставалось только посылать извинения за то, что он не сумел им помешать. Его сыновья захватили власть и разбрелись, забыв о своих обязанностях по отношению к отцу. Что касается Саладина, когда он узнал о прибытии короля Германии, он решил посоветоваться со своими командирами. Многие из них предлагали ему выступить на Фридриха и вступить с ним в бой раньше, чем он со своей армией достигнет Акры. Но султан решил, что будет лучше дождаться, когда они подойдут ближе к мусульманским армиям, прежде чем нападать на них, если мусульманские войска в Акре думают о капитуляции. Он отправил контингенты из Джабалы, Лаодикеи, Шайзара и других мест в район Алеппо, чтобы защитить его от врага. Мусульмане оказались в положении, о котором Аллах говорил: «Вот, они напали на вас и сверху, и снизу, и вот, очи ваши поникли, сердца доходили до гортаней, и вы впали в недоумение о Боге. Здесь верующие подверглись искушению и потрясены были сильным потрясением» (Коран XXXIII, 10—11, об осаде Медины языческой конфедерацией в пятом году хиджры / 627). Но Аллах избавил нас от их зла и обернул их козни против них самих.

Страх, который они вызывали, был так велик, что рассказывали следующее: один из эмиров Саладина владел деревней в районе Мосула, которой управлял его брат. Когда был собран урожай, он послал к своему господину, чтобы обсудить его продажу, но в ответ получил следующее письмо: «Не продавай ни одного зерна и позаботься о том,

чтобы заготовить как можно больше соломы». Следом пришло письмо эмира, который предлагал ему продать урожай, поскольку в нем больше нет необходимости. Когда эмир прибыл в Мосул, мы спросили его, почему он сначала запретил продавать урожай, а потом, почти сразу, разрешил. Он ответил: «Узнав, что прибыл король Германии, мы были убеждены, что не сумеем удержать Сирию, и я запретил продавать урожай, чтобы у нас была еда, когда мы придем к вам. Но когда Аллах уничтожил его и его армию и больше не было необходимости делать запасы продовольствия, я написал, чтобы урожай продали».

Прибытие королей Англии и Франции

Баха ад-Дин

Весной 1190 года море вновь сделалось судоходным, небо стало ясным и пришло время для продолжения войны. Первым к нам присоединился Алам ад-Дин Сулейман ибн Жандар, эмир на службе у аль-Малика аз-Захира. Это был старик, покрывший себя громкой славой, прославившийся мудростью своих советов и отвагой, которую он проявил во множестве сражений. Султан был очень высокого мнения об этом своем соратнике-ветеране. Следующим прибыл Мажд ад-Дин, сын Изз ад-Дина Фаррукшаха, повелитель Баальбека. Одно за другим прибывали мусульманские войска из разных частей страны. Что касается вражеской армии, франки использовали любую возможность, чтобы дать знать нашему авангарду о том, что вскоре к ним прибудет король Франции (Филипп II Август). Этот монарх был одним из самых могущественных правителей, которому подчинялись все армии. По прибытии он должен был принять командование над всеми армиями франков. Он прибыл, как обещал, с шестью кораблями, груженными провизией и таким количеством лошадей, которое он счел необходимым захватить для своих ближайших сторонников. Прибыл он в субботу, 23-й день первого месяца раби / 20 апреля 1191 года.

Король привез с собой большого белого сокола редкой породы. Никогда мне не доводилось видеть подобного красавца. Король привез для него множество припасов и очень его любил. Однажды этот сокол вспорхнул с его руки и улетел, и как хозяин его ни призывал, он не возвратился, а полетел дальше и опустил на стену Акры. Наши люди поймали сокола и доставили его султану. Бегство сокола к мусульманам вызвало великое ликование, а его поимка казалась им добрым предзнаменованием. Франки предложили тысячу динаров в качестве выкупа за птицу, но мы отказались. После этого прибыл граф Фландрский (Филипп Эльзасскаий), пользовавшийся у франков большим почетом и известностью. Говорили, что это он осадил Хамат и Харим в год, когда мы потерпели поражение у Рамлы.

Король Англии (Ричард Львиное Сердце) был очень сильным, бесстрашным и решительным человеком. Он прославился во многих сражениях, продемонстрировав величайшее бесстрашие во всех военных походах, в которых принимал участие. Он был ниже рангом, чем король Франции, но превосходил его по богатству и был более знаменит из-за своей репутации и смелости. О нем говорили, что по приезде на Кипр он решил не двигаться дальше до тех пор, пока не завоюет остров и не подчинит его своей власти. Поэтому, высадившись на Кипре, он начал военные действия, а правитель острова собрал великое множество людей, чтобы оказать сопротивление завоевателю. Король Англии запросил помощи франков, находившихся под Акрой, и король Ги (в тексте Жоффруа) прислал ему своего брата во главе ста семидесяти рыцарей. При этом основные силы франков оставались под стенами Акры, ожидая исхода военных действий.

Король Англии прибыл в лагерь франков в субботу, в 13-й день первого месяца джумада / 8 июня 1191 года, завершив завоевание Кипра и одержав верх над его правителем. Его появление произвело огромное впечатление. С ним прибыли двадцать пять кораблей, полных воинов, оружия и провизии. Все это вызвало невероятную радость

у франков, и в ту ночь в их лагере полыхали огромные костры. Они были достаточно большие, чтобы показать, как много всего он привез с собой (западные источники тоже пишут об этих больших кострах). Франкские лидеры часто хвастались, что король Англии придет им на помощь, и грозили нам его прибытием. Те из них, которые имели охранные грамоты и могли контактировать с нашей стороной, говорили, что они ждали его прибытия, чтобы начать осаду города с новой решительностью. Этот правитель и в самом деле славился мудростью и большим опытом, великим бесстрашием и неумемной энергией. Поэтому его прибытие вселило страх в сердца мусульман. А султан воспринял эту новость с твердостью, не поддавшись панике, ибо он полагался на милость Аллаха и его защиту и, ведя священную войну, демонстрировал чистоту своих помыслов.

Саладин призывает на священную войну

Абу Шама

«Мы уповаем на Всевышнего, которому возносим хвалу... Пока море приносит подкрепление врагам, а земля не отвергает их, наша страна будет страдать от их рук, а наши сердца будут изнывать от боли из-за зла, которое они творят. Где честь мусульман, гордость правоверных, пыл верующих? Мы никогда не перестанем удивляться тому, как неверные верят в своего бога, и это мусульманам не хватает усердия. Никто из них не откликнулся на зов, никто не вмешался, дабы исправить то, что разрушено. Заметьте, как далеко зашли франки, какого единства они достигли, какие цели они преследуют, какую помощь дают. Подумайте, сколько денег они заимствуют и тратят, какие средства собирают и делят между собой. В их землях не осталось короля, правителя или просто богатого человека, который бы не стремился обойти соседей в оказании поддержки. [...] Защищая свою религию, они легко отдают жизнь и душу и не прекращают снабжать своих

братьев оружием и лидерами для войны. Все, что они делают, все их благородство исходит только из религиозного рвения, пылкой страсти к тому, кому они поклоняются, ревностной защиты своей веры. Каждый франк чувствует, что, когда мы вернем себе (сирийское) побережье, и покров их чести будет сорван и уничтожен, эта страна выскользнет из их рук и наша рука потянется к их землям. Мусульмане, с другой стороны, ослаблены и деморализованы. Они стали нерадивыми и ленивыми, жертвами вялого оцепенения. Они лишились всякого рвения. Если ислам умерит свой пыл, затмит свое великолепие, затупит меч, не будет никого, на востоке или западе, далеко или близко, кто будет пылать праведным религиозным рвением, поможет истине справиться с заблуждением. Настало время отбросить леность, собрать отовсюду мужчин, в чьих жилах течет горячая кровь. Мы уверены в помощи Аллаха, которому вверяем себя со всей искренностью и глубочайшей преданностью. Если Всевышнему будет угодно, неверные будут уничтожены, а правоверные получат избавление».

Последний штурм Акры и сдача города

Баха ад-Дин

Враг продолжал обстреливать городские укрепления из катапульта — это был единственный метод, который он использовал, — до тех пор, пока каменная кладка стен не начала разрушаться. Население города было измучено усталостью и длительным пребыванием на чеку. Людей было очень мало, и зачастую им лишь ценой огромных усилий удавалось выстоять против многочисленного противника. Наши люди прошли суровое испытание на выносливость. Многие по несколько ночей подряд не имели возможности сомкнуть глаз, не отдыхая ни днем ни ночью, а осаждающие, взявшие их в кольцо, были в великом множестве и могли сменять друг друга в атаках на город. Защитников оставалось мало, и они были вынуждены раз-

делиться, чтобы защищать стены и рвы, следить за баллистами и галерами.

Когда враг осознал, как сильно пострадали городские укрепления, он начал штурмовать город со всех сторон; отряды противника сменяли друг друга, не допуская перерывов в боевых действиях. Всякий раз, когда их люди уставали, в бой шли свежие силы, а уставшие получали передышку. В 7-й день второго месяца джумада 586 / 12 июля 1191 года они возобновили атаку с великой яростью, обрушив на стены города все свои силы, пешие и конные. Они выставили людей на стенах, защищавших их траншеи, и держали их там днем и ночью. Султан, узнавший о положении дел от очевидца и по бою барабана в гарнизоне, сел на коня и повел свое войско на врага. В тот день произошел великий бой. Султан, глубоко встревоженный, как мать, у которой отняли ребенка, переезжал от одного отряда к другому, вдохновляя своих воинов сражаться за Аллаха. Мне говорили, что в тот день аль-Малик аль-Адиль дважды лично атаковал неприятеля. Султан, в глазах которого стояли слезы, скакал от одного отряда к другому, восклицая: «Вперед, за Ислам!» Всякий раз, когда он смотрел в сторону города и видел, каким испытаниям он подвергается и как страдают горожане, он бросался в атаку и призывал своих воинов за собой. В тот день он совершенно ничего не ел и выпил лишь несколько чашек питья, которое прописал ему доктор. Я находился в моем шатре на Аль-Айядийа, откуда наблюдал за происходящим.

Ночью, после завершающей ночной молитвы, султан вернулся в лагерь. Он был усталым и печальным и спал беспокойно. На заре он приказал бить в барабан, собрал армию и вернулся в бой, из которого вышел накануне.

В тот самый день мы получили из города письмо, в котором говорилось следующее: «Мы доведены до такой крайности, что у нас нет иного выхода, как сдать город. Если завтра, в 8-й день месяца, вы ничего не сделаете для нашего спасения, мы предложим капитуляцию и не будем выдвигать никаких условий, кроме сохранения нам жизни». Это было самое грустное известие, какое только мог-

ли получить мусульмане. Этот удар поразил их в самое сердце, тем более что под Акрой были собраны все войска Палестины, Иерусалима, Дамаска, Алеппо, Египта и других мусульманских стран. Более того, город удерживали самые известные в армии эмиры, храбрейшие защитники ислама, такие как Сейф ад-Дин Али аль-Машгуб и Баха ад-Дин Каракуш. Причем Каракуш командовал цитаделью с самого начала осады. Султан, пораженный ударом, подобного которому ему никогда прежде не доводилось получать, так сильно страдал, что мы боялись за его жизнь. Тем не менее он продолжал молиться Аллаху, умоляя Его о помощи и выказывая удивительное спокойствие и смирение, а также решимость продолжать священную войну против захватчиков. «Бог не даст погибнуть награде верующих» (Коран III,165). Он решил попытаться штурмом восстановить связь с осажденными. Султан приказал всем своим войскам взяться за оружие; его воины вскочили на коней, конница сплотилась с пехотой. Однако в тот день наш план не удался. Вражеская пехота стояла сплошной стеной с оружием, баллистами и стрелами за своими бастиями. Атакованные со всех стороны нашими воинами, враги яростно сопротивлялись. Один из мусульман, преодолевших траншеи, сообщил, что видел некоего могучего франка, который в одиночестве стоял на вершине укрепления и удерживал мусульман на большом расстоянии. Его товарищи, стоявшие неподалеку, передавали ему камни, которые он обрушивал на наших воинов, когда те приближались к укреплению. В этого человека попало более пятидесяти стрел и камней, но это не отвлекло его внимания от сражения. И только бутыл с нефтью, брошенная в него нашими пиротехниками, сожгла его заживо. Один старый солдат был среди тех, кто в тот день пытался преодолеть вражеские траншеи. Он рассказал мне, что за их укреплением находилась женщина, закутанная в зеленую накидку, которая стреляла из деревянного лука, ранив своими стрелами нескольких наших воинов, прежде чем сама была убита. Ее лук мы принесли султану, который был потрясен рассказом. Битва продолжалась до наступления ночи.

**Акра, неспособная к дальнейшему сопротивлению,
начинает переговоры с франками**

Атаки на город усилились, войска христиан сражались поочередно, давая товарищам отдохнуть, а защитников, понесших огромные потери, осталась лишь горстка. Мужество почти оставило осажденных. Перед ними стояла тень неминуемой смерти: они чувствовали, что не смогут долго сопротивляться, тем более что враги уже укрепились в их траншеях и заняли внешнюю стену. Франки подвели под нее подкоп, наполнили его горючим материалом, который подожгли. Часть стены рухнула, и враги хлынули в пролом, хотя при этом и потеряли сто пятьдесят человек убитыми и захваченными в плен. Среди пленников оказались шесть офицеров, один из которых крикнул: «Не убивайте меня, и я заставлю франков отступить»; но один курд набросился на него и убил. Такая же участь постигла и остальных пятерых. На следующий день франки сказали: «Отпустите шесть наших людей, и мы дадим свободу городу». Но мусульмане ответили, что те уже мертвы. Это сильно опечалило франков, и они на три дня прекратили штурм.

Мы также слышали, что Сейф ад-Дин аль-Маштуб лично ездил к королю франков и сказал ему: «В прошлом мы брали ваши города штурмом, и всякий раз, если жители выражали такое желание, мы давали им возможность уехать туда, где они желали найти приют. Мы сдадим вам этот город, если вы гарантируете нам жизнь». На это король ответил: «Те, кого вы захватывали в прошлом, были нашими слугами и рабами; и вы тоже наши рабы. Я решу, как мне поступить». Нам сообщили, что после этого аль-Маштуб произнес длинную речь, в которой, среди прочих, сказал такие слова: «Мы скорее пойдем на смерть, чем сдадим город, и ни один из нас не умрет, прежде чем сразит пятьдесят ваших лучших воинов». После этого он удалился. Когда аль-Маштуб вернулся в город с этими новостями, некоторые из осажденных были до такой степени напуганы, что ночью покинули город и присоединились к мусульманской армии. Это было в 9-й день вто-

рого месяца джумада. Наиболее влиятельными из этих людей были Изз ад-Дин Арсил, ибн аль-Жавали и Сункур аль-Ушаки. Когда Арсил и Сункур прибыли в лагерь, они испугались гнева султана и спрятались так искусно, что их не смогли найти. Однако ибн аль-Жавали был обнаружен и посажен в тюрьму.

На следующее утро султан сел на коня, намереваясь совершить внезапное нападение на врага, и приказал войнам взять лопаты и другие инструменты, чтобы забросать траншеи. Однако войска не поддержали его и закричали: «Ты погубишь весь Ислам. Такой план не может закончиться успешно!» В тот же день от короля Англии прибыли три посланника, попросившие у султана фруктов и льда. Они добавили, что на следующий день прибудет Великий магистр госпитальеров для обсуждения возможности заключения мира. Султан оказал посланникам достойный прием и позволил посетить базар, раскинувшийся рядом с лагерем. Они уехали тем же вечером и вернулись к себе. В тот же день султан приказал Сарим ад-Дину Каймазу ан-Нажми возглавить атаку на вражеские траншеи. К Каймазу присоединились несколько курдских эмиров со своими отрядами, в том числе аль-Жанах, брат аль-Маштуба. Каймаз лично поднял свое знамя над вражескими траншеями и защищал его в течение значительной части дня. В разгар боя подоспел Изз ад-Дин Журдик ан-Нури со своим войском; его воины спешили и приняли активное участие в сражении. В пятницу, 10-й день месяца второго месяца джумада / 5 июля, франки проявили инициативу. Они были окружены мусульманами, которые провели ночь в седле, при полном вооружении, ожидая шанса помочь своим товарищам в Акре, которые, они надеялись, смогут атаковать какую-либо часть вражеских позиций, пробиться через них и вырваться. Армия снаружи поможет им, и кто-то спасется, а кто-то нет — кому какая уготована судьба. Но только в ту ночь осажденные не могли совершить вылазку, поскольку один из их рабов дезертировал, перейдя на сторону врага, и выдал им план мусульман. Поэтому франки усилили бдительность и с неослабным вниманием отслеживали любые действия.

В ту же пятницу три посланника из лагеря франков имели часовую беседу с аль-Маликом аль-Адилем, но вернулись обратно, не придя ни к какой договоренности. К концу дня вся мусульманская армия находилась на равнине и была во всеоружии; так прошла ночь.

В субботу, 11-й день второго месяца джумада все войско франков в великом множестве двинулось вперед. Это заставило нас поверить, что они намерены сразиться с нами в открытом бою. Пока войска выстраивались, примерно сорок человек выехали из ворот, над которыми развевался флаг, и вызвали некоторых мамлюков, среди которых был аль-Адил аз-Забдани из Сидона, вольноотпущенник султана. Когда аль-Адил подошел к ним, они вступили в переговоры по поводу вывода гарнизона из Акры; однако ими были предъявлены такие требования, что суббота прошла, а решение так и не было принято.

Из города приходят письма

В воскресенье, 12-й день месяца, прибыли письма (из Акры), в которых говорилось: «Мы поклялись умереть вместе; мы будем сражаться, пока не умрем, и не сдадим город до тех пор, пока живы. Вы, со своей стороны, должны сделать все, чтобы связать силы врага и не дать ему атаковать нас. Мы приняли решение. Позаботьтесь о том, чтобы не унижить себя перед врагом. А с нами уже все кончено». Человек, который вплавь добрался до нас с этим письмом, сказал, что франки приписали услышанный ими ночью великий шум прибытию в Акру большого отряда. «К стене подошел один франк, — сказал этот человек, — окликнул одного из стоявших на стене воинов и спросил: сколько людей прибыло в город прошлой ночью? Это была ночь на субботу. Тогда внезапно поднялся великий шум, который разбудил обе армии, но его причина так и не была обнаружена. (Судя по всему, имело место небольшое землетрясение.) Его собеседник ответил, что прибыла тысяча конных воинов. Франк возражал, что их было меньше, он сам их видел; они были

одеты в зеленое» (обычное одеяние небесных воинов, которые, согласно мусульманским верованиям, нередко вмешиваются в земные сражения).

Неоднократные атаки мусульманских контингентов на этом этапе все еще позволяли отвлечь внимание врага от города, который находился на грани падения. Защитники слабели, число проломов в стенах множилось. Правда, осажденные возвели стены за старыми укреплениями и продолжали отважно сражаться, стоя на них. Во вторник, 14-й день месяца, в лагерь прибыл Сабик ад-Дин, повелитель Шайзара, а в среду прибыл Бадр ад-Дин Йилдирим с большим туркменским войском, которое он нанял на деньги, данные ему султаном. В четверг прибыл Асад ад-Дин Ширкух — младший. Франки стояли на своем; они не желали ни заключать мир, ни принимать капитуляцию гарнизона, пока все пленники, находящиеся в руках мусульман, не будут отпущены на свободу и если все прибрежные города не будут переданы христианам. Было предложено сдать город и отдать франкам все, что в нем было, за исключением населения, но они отвергли это предложение. Затем им было предложено возвращение Истинного креста, но они продолжали упорствовать в своих требованиях, и вели себя крайне алчно. Больше никто не знал, как еще можно на них повлиять. «Они хитрили, и Бог хитрил, но Бог самый искусный из хитрецов» (Коран III, 47).

Гарнизон Акры соглашается сдаться в обмен на жизнь

В пятницу, 17-й день второго месяца джумада, из города вплавь выбрался гонец, доставивший письма. В них нам сообщали, что защитники находятся при последнем издыхании. Проломов стало очень много, и люди, доведенные до крайности и слишком слабые, больше не могут их защищать. Люди видели перед собой призрак смерти и боялись, что все будут преданы мечу в случае взятия города штурмом. Поэтому они заключили мирное соглашение, по которому город и все, что в нем находилось, — военные

машины, припасы и корабли — должно было достаться франкам, которые, кроме того, должны были получить двести тысяч динаров, пятьсот незнатных пленников, а также сто знатных пленников, которые будут указаны франками. Осажденные также обещали отдать Истинный крест. Взамен этого мусульманам разрешалось покинуть город с женами и детьми, взяв с собой только личные вещи. Кроме того, франки настояли на выплате четырех тысяч золотых монет Маркизу (Монферрату), потому что этот договор был заключен благодаря его посредничеству.

Враг овладевает Акрой

Когда султан ознакомился с содержанием писем, доставленных из города, он выразил крайнее огорчение и неудовольствие. Он созвал совет, чтобы сообщить своим приближенным о случившемся и посоветоваться с ними, как ему поступить. Советники разделились во мнениях, и султан отверг их мнения, оставаясь исполненным неуверенности и тревоги. Он решил нанять пловца, отправив его в город с посланием, в котором выражалось неодобрение условий договора. Султан по-прежнему пребывал в состоянии тревоги, когда мусульмане вдруг увидели, как над стенами города взмыли знамена неверных, поднялись кресты и личные штандарты их предводителей. Это было в пятницу, 17-й день второго месяца джумада 587 / 12 июля 1191 года.

Франки подняли великий крик радости, а мусульмане были потрясены этим ужасным ударом. Велико было наше горе, повсюду слышались стенания и плач. Маркиз въехал в город с королевскими штандартами, и в тот же день установил их там, где прежде развевались знамена ислама: на замке, один на минарете большой мечети — в пятницу! — и на городских башнях. Всем мусульманам было велено собраться в одной определенной части города.

В это время мне довелось быть на дежурстве в шатре султана, и, видя, что он страдает, словно мать, потерявшая ребенка, я попытался утешить его всеми подобающими для такого случая способами. Я умолял его подумать

о будущем других городов на побережье, о его долге перед Палестиной и Иерусалимом, а также о том, как освободить мусульманских пленников из Акры. Это было в ночь на субботу, 18-й день месяца. Наконец он решил, чтобы войска мусульман покинули то место, где находился их лагерь, поскольку больше не было никакого смысла держать армию так близко к врагу. Он велел ночью отправить войска и обоз в то место у Шефарама, где раньше был лагерь. Сам он остался на прежнем месте с небольшим конным отрядом, чтобы следить за действиями противника и за судьбой населения. В течение всей этой ночи наши войска снимались с места и уходили; однако султан все еще питал надежду, что, по милости Аллаха, франки, опьяненные своим успехом, выйдут на открытую местность и нападут на него. В этом случае у него была бы возможность напасть на них и отомстить им за все зло, а Аллах пусть решит, кому Он дарует победу. Однако франки не сделали этого, они занимали Акру и обустроивались в городе. Султан оставался в этом месте до утра 19-го дня, а затем отправился следом за армией.

Убийство мусульманских пленных

Когда король Англии увидел, что султан мешкает с выполнением условий договора, он нарушил слово, данное пленным мусульманам. Ранее он обещал сохранить им жизнь, если они сдадут город. А если султан передаст ему оговоренную сумму, он обещал отпустить их на свободу и позволить уйти с женами и детьми, захватив с собой все движимое имущество. Если бы султан не выполнил эти условия, то им предстояло бы стать рабами. И вот король нарушил свое слово, проявив свои тайные намерения. Он совершил то, что намеревался совершить, даже получив деньги и взятых в плен франков. Так говорили впоследствии его единоверцы. Вечером в 27-й день месяца раджаб / 20 августа король выступил из лагеря со всей армией франков — пехотой, конницей и туркополами — и проследовал до источников у подножия холма Аль-Айядийа,

куда заранее были доставлены его шатры. Авангард султана в это время отошел к Телль-Кайсану. Они вывели мусульманских пленников, которым в тот день Аллахом было суждено принять мученическую смерть, общим числом более трех тысяч человек. Все они были в цепях. Франки дружно налетели на них и хладнокровно истребили их мечами и копьями. До этого лазутчики предупредили Саладина о маневрах врага, и он послал подкрепление, но подошло оно уже после окончания массового убийства. Как только мусульмане увидели, что случилось, они атаковали франков, и в результате последовавшего за этим боя, продолжавшегося до наступления темноты, разделившей обе стороны, и у мусульман, и у франков были убитые и раненые. На следующее утро наши люди вышли, чтобы осмотреть место этой бойни, и нашли всех принявших мученическую смерть за свою веру мусульман распростертыми на земле. Некоторых они узнали. Это стало для них ужасным горем. С тех пор они не щадили вражеских пленных, за исключением только важных персон и тех, кто был достаточно сильным и мог работать.

Эта бойня объяснялась множеством причин. Согласно некоторым из них, пленные были убиты в отместку за смерть тех, кто ранее был убит мусульманами; согласно другим, английский король, собиравшийся в поход для захвата Аскалона, считал неразумным оставлять в Акре такое большое количество мусульман. Один Аллах ведает, какова была истинная причина.

ГЛАВА 6

Переговоры о мире или перемирии, согласно мусульманской концепции священной войны, заняли целый год. В затяжной дипломатической игре участвовали матримониальные планы короля Ричарда, его обмен любезностями с Саладином (и его братом аль-Адилем) и бесконечные военные операции (Аскалон, Яффа, Арсуф), в которых франкская жестокость к пленным в Акре привела к аналогичным репрессалиям султана. Только в сентябре 1192 года

было достигнуто соглашение, которое, по сути, санкционировало *status quo*. В этом соглашении мало что напоминало мусульманам о первых великих победах 1187 года, поэтому Саладин принял его с большой неохотой и только под давлением измученной и недисциплинированной армии. Плану вытеснить франков обратно к морю, который в какой-то момент казался вполне реальным, пришлось ждать реализации еще сто лет. Основные источники этой главы — Баха ад-Дин и Имад ад-Дин.

Мирные переговоры и договор

Баха ад-Дин

В 26-й день месяца Рамадан 587 / 17 октября 1191 года аль-Малик аль-Адилъ выполнял обязанности командира авангарда, когда неожиданно получил от короля Англии предложение направить к нему гонца. Аль-Малик направил к нему ибн ан-Наххалъ, приятного молодого человека, выполнявшего обязанности его секретаря. Встреча состоялась в Язуре, куда этот король прибыл с большим отрядом пехотинцев, который затем разошелся по равнине. Они провели порядочно времени, разговаривая о мире, и король произнес такие слова: «Я сдержу обещание, данное моему другу и брату», — подразумевая под этими словами аль-Малика аль-Адилъ; и секретарь сообщил эти слова аль-Малику аль-Адилю. Он также написал и передал с этим гонцом письмо, предназначенное султану, в котором были следующие слова: «Передай ему привет и скажи, что и мусульмане, и франки доведены до крайности; их города разрушены, а человеческие ресурсы и припасы обеих сторон исчерпаны. Пора все это остановить. Вопрос заключается в Иерусалиме, кресте и земле. Иерусалим для нас объект поклонения, от которого мы не откажемся, и твердо намерены ни в коем случае не сдавать этот город, сражаясь за него до последнего человека. Что касается земли, она должна принадлежать нам вплоть до той стороны реки Иордан. Что касается креста,

для вас это всего лишь кусок дерева, но для нас он бесценен, и, если султан милостиво передаст его в наши руки, мы заключим мир и получим возможность перевести дух после длительной усталости».

Ознакомившись с содержанием этого послания, султан созвал своих советников, чтобы посоветоваться с ними о том, как ответить английскому королю. После чего написал ему так: «Иерусалим наш в той же степени, что и ваш, и нам он дороже, чем вам, ибо это место, куда совершил ночное путешествие наш Пророк, и то место, где соберется наша община в день Страшного суда. Поэтому не думайте, что мы отдадим вам этот город или что мы позволим уговорить себя в этом вопросе. Что касается земли, она тоже изначально принадлежала нам, а вы пришли и отобрали ее. И если вам и удалось захватить ее, то лишь по причине слабости мусульман, которые раньше владели ею. Аллах не позволит вам поставить камень на камень в этой стране, пока идет война. Наконец, что касается креста, то обладание им является нашим большим преимуществом, и мы не можем отдать его вам без выгоды для Ислама». Таков был ответ, который гонец повез королю Англии.

В 22-й день месяца Рамадан / 20 октября аль-Малик аль-Адиль призвал к себе меня, а также Алам ад-Дина Сулеймана ибн Жандара, Сабик ад-Дина, повелителя Шейзира, Изз ад-Дина ибн аль-Мукаддама и Хусам ад-Дина Бишара. Он сообщил нам о предложении, сделанном английским королем его посланнику, которое заключалось в следующем: чтобы аль-Малик аль-Адиль женился на сестре короля (Джоанне Сицилийской, вдове Вильгельма II), которую тот, направляясь в Палестину, привез с собой из Сицилии после смерти ее супруга, короля этого острова; она должна была жить в Иерусалиме, и ее брат был готов передать ему те города Палестины, которые ему принадлежали, а именно Акру, Яффу и Аскалон, а также относящиеся к ним земли. Султан, со своей стороны, должен был подарить аль-Малику аль-Адилю все принадлежавшие ему города Палестины и провозгласить его королем этих регионов. Аль-Адиль должен был сохранить за

собой все те города и наделы, которые тогда ему принадлежали; Истинный крест следовало возратить франкам; деревни и укрепления, принадлежавшие храмовникам и госпитальерам, должны были остаться их владениями. Всех пленных мусульман и франков следовало отпустить на свободу, а король Англии должен был взойти на корабль и вернуться в свою страну. Король полагал, что таким образом можно было бы уладить все проблемы.

Таковы были предложения, доставленные посланником аль-Адиля королю Англии. Аль-Адиль счел их реалистичными, призвал нас к себе и велел нам передать султану послание. Я должен был выступать в качестве главы посольства и сообщить султану о встрече с королем. Если бы султан одобрил план и решил, что он может пойти на пользу исламу, мы должны были засвидетельствовать согласие и одобрение султана. А если бы он отклонил это предложение теперь, когда переговоры о мире приняли конкретные формы, мы аналогичным образом должны были засвидетельствовать его отказ. Когда мы предстали перед султаном, я изложил ему все вопросы, а затем, в присутствии вышеозначенных людей, прочел письмо. Султан немедленно согласился на эти предложения, ибо прекрасно знал, что король Англии их не выполнит и что это всего лишь лукавство и насмешка с его стороны. По моей просьбе он выразил свое формальное согласие, трижды четко сказав «да» и призвав всех присутствовавших быть свидетелями его обещания. Получив его согласие, мы вернулись к аль-Малику аль-Адилю и сообщили ему обо всем, что случилось. Мои коллеги заявили, что я несколько раз предупредил султана о том, что я должен засвидетельствовать его согласие и что он незамедлительно одобрил весь план.

В 5-й день месяца шавваль нам сообщили, что в качестве посла Маркиза, повелителя Тира, прибыл повелитель Сидона. Мы уже несколько раз вели с ним беседы, и он заявлял, что желает порвать с франками и объединиться против них с нами. Причиной этого стала ссора между Маркизом и другими франкскими правителями в связи с его женитьбой на жене брата короля Ги (на самом деле на

сестре жены Ги — именно Ги, а не Годфруа, как его обычно называет Баха ад-Дин; Изабелла Анжуйская была сестрой королевы Сибиллы; она вышла замуж сначала за Хамфри Торонского, а потом за Конрада Монферрата). Этот брак был скандальным по религиозным меркам. Из-за него начались разногласия. Маркиз, заботясь о своей личной безопасности, под покровом ночи бежал в Тир, взяв с собой жену. Затем он обратился к султану, стремясь заручиться его поддержкой. Мусульманам был на руку разрыв Маркиза с франками, ибо в его лице враги лишились наиболее энергичного предводителя, самого опытного воина и мудрейшего из советников. Когда султану доложили о прибытии его посла, он приказал оказать ему самый пышный прием. Для него был разбит шатер, в котором находились подушки и ковры, достойные королей и великих людей. По приказу султана ему предложили спешиться там, куда доставили багаж, чтобы он мог немного передохнуть перед беседой.

В 19-й день месяца шаввал султан дал аудиенцию и приказал привести к нему повелителя Сидона, чтобы услышать его послание и заявление. Я был при нем, когда к нему вошли посол и его свита. Султан оказал ему самый любезный прием, поговорил с ним, а затем приказал устроить для них великолепный пир. После еды он отвел их в сторону: посланники просили султана заключить договор с Маркизом, повелителем Тира; в последнее время к его партии присоединились некоторые влиятельные предводители франков, такие как повелитель Сидона и другие известные предводители. Мы уже рассказывали о его позиции. Султан ответил, что он очень хочет заключить с ним мир, но при условии, что тот открыто порвет с заморскими франками. Маркиза можно было побудить сделать такой шаг благодаря страхам, которые он испытывал, а также тому, как франки отнеслись к его женитьбе. Султан был расположен заключить этот договор на определенных условиях, которыми он рассчитывал посеять раздор в среде франков и вызвать вражду между ними. Внимательно выслушав посланника, султан обещал дать

окончательный ответ позже, и тот удалился в поставленный для него шатер.

Вечером того же дня в лагерь султана с посланием от короля Англии прибыл сын Хамфри, один из больших франкских лидеров и королей. Говорят, в его свите находился человек, которому было сто лет. Султан послал за ним и выслушал его слова. Он передал следующее: «Король говорит: «Мне нравится твоя искренность и стремление к дружбе. Я сказал, что передал бы твоему брату все прибрежные регионы, и я хочу, чтобы ты был судьей между нами в разделе земли. Однако мы обязательно должны обладать частью Иерусалима. Я желаю, чтобы ты поделил землю так, чтобы ни ты не получал никаких упреков со стороны мусульман, ни я — со стороны франков».

Султан сразу же ответил на это послание, обещая уладить все проблемы, и немедленно отпустил посла. Это послание произвело на него глубокое впечатление. Как только посол уехал, он послал кого-то вслед за ним, чтобы поговорить о пленных — это дело следовало улаживать отдельно. Ему ответили: «Если будет мир, то это будет всеобщий мир, — сказал он (предположительно, посол короля Англии, но возможно, и Саладин), — в противном случае о пленных не может быть и речи». Настоящая задача султана состояла в том, чтобы не допустить заключения мира. Когда аудиенция закончилась и посланники удалились, султан обратился ко мне и сказал: «Если мы заключим мир с этими людьми, ничто не защитит нас от их предательства. Если я умру, то может оказаться сложным собрать армию, подобную моей, а тем временем враг может стать сильнее. Лучшее, что можно сделать, — это продолжать священную войну до тех пор, пока мы не прогоним всех их с побережья либо пока не умрем, пытаясь сделать это». Таково было его личное мнение, но он делал шаги в сторону мира под внешним давлением.

В 21-й день (в тексте — 11-й день, что не согласуется с предыдущей хронологией) месяца шавваль / 11 ноября султан призвал к себе эмиров и государственных советников, чтобы изложить им предложения Маркиза, которые он был весьма склонен принять. Следовало обсудить, сто-

ит ли позволить ему овладеть Сидоном при условии, что он открыто порвет с франками и присоединится к нам в активном противостоянии им. С другой стороны, на султана произвели впечатление предложения, сделанные королем Англии в качестве основы для договора. Он просил ряд городов в прибрежных регионах, перечисленных по названиям, предлагая отдать мусульманам холмистую местность, или же владеть этими городами пополам; в любом случае христианам следовало разрешить держать священнослужителей в монастырях и храмах Святого города. Король предоставлял нам выбирать между этими двумя вариантами, и совету предстояло решить, какой из них предпочесть. Затем он представил эмирам условия мирного договора, которые выдвигал король, и условия договора, к заключению которого стремился Маркиз, предложив им высказаться по этому поводу и решить, что предпочтительнее — предложения короля или предложения Маркиза. Он также велел им решить, на каком из выдвинутых королем предложений следует остановиться. Совет заключил, что если есть необходимость заключать мир, то следует заключать его с королем, поскольку невозможно рассчитывать на искренний союз между мусульманами и франками в Сирии и следует ожидать предательства с их стороны.

Таким образом, договор с Маркизом ни к чему не привел, и вопрос о мире обсуждался длительное время. Гонцы сновали взад и вперед, прежде чем удалось согласовать предварительные условия договора. Главное условие состояло в том, что король должен выдать замуж свою сестру за аль-Малика аль-Адила, который, как ее супруг, получит во владение все города в прибрежных районах, независимо от того, принадлежат ли они мусульманам или христианам. Первые должны были быть дарованы аль-Адилю султаном; последние — братом принцессы королем. В своем последнем послании аль-Адилю король так выразился по поводу этого дела: «Все христиане выступили против меня за то, что я вознамерился выдать сестру замуж за мусульманина без получения разрешения папы, главы нашей религии. Поэтому я посылаю к нему

посла и через шесть месяцев должен получить его ответ. Если он даст свое согласие, дело будет сделано; если нет, то я отдам тебе в жены одну из своих племянниц, ибо для этого разрешения папы не требуется». (Как указывает Баха ад-Дин в другом отрывке, сестра Ричарда была вдовой, а папское разрешение не нужно, если речь шла о девственнице; в реальности все эти матримониальные планы потерпели неудачу из-за возражения христиан против брака с мусульманином.) Пока все это происходило, враждебные действия продолжались.

Временами повелитель Сидона выезжал вместе с аль-Адилем, и они поднимались на какой-нибудь холм, чтобы осмотреть расположение войск франков. Всякий раз, когда враги видели их вместе, они прилагали новые усилия для подписания мира, ибо они боялись, что Маркиз заключит мир с мусульманами и тем самым подорвет силы франков. Такое положение дел сохранялось до 25-го дня месяца шавваль.

Юсуф, слуга повелителя Сидона, прибыл, чтобы от имени Маркиза вести переговоры о мире с мусульманами. Одним из условий, выдвинутых султаном, было следующее: Маркиз должен был порвать с иноземными франками и открыто выступить против них. Земли, которые он сумеет захватить у тех франков собственными силами, ему разрешалось оставить себе. А вся взятая нами земля аналогичным образом должна доставаться нам. Если же территория взята нами совместно, город доставался Маркизу, а нам — мусульманские пленники и то, что находится в городе. Маркиз должен был отпустить на свободу всех пленных мусульман, находившихся на подвластных ему территориях. А если бы король Англии передал ему управление страной по какому-либо заключенному между ними соглашению, следовало соблюдать мир на условиях договора, заключенного между нами и королем Англии, не считая города Аскалон и области за его пределами, которые не входят в договор. Прибрежные равнины должны были принадлежать Маркизу, а то, что мы тогда занимали, — нам, а то, что находилось меж ними, следовало поделить пополам. Посланник уехал сразу после того, как

ему сообщили эти условия. (Кинжал убийцы вскоре положил конец этим интригам с Конрадом, который так и не увидел заключения перемирия.)

В месяце шабан 588 / конце августа 1192 года аль-Адиль (мусульманский представитель) прибыл в Яффу и поселился в шатре, разбитом за пределами города. Королю сообщили о его прибытии. Он велел привести его к себе вместе с остальными. Когда аль-Адиль передал ему проект договора, он сказал: «Я недостаточно здоров, чтобы прочесть его; но я торжественно заявляю, что заключу мир, и вот моя рука». Затем послы встретились с графом Генрихом и сыном Барзана (Балиан II Ибелинский), а также с другими членами совета и сообщили им о положениях договора. Все условия были приняты, даже те, которые касались равного разделения Рамлы и Лидды, и было решено, что договор должен быть скреплен клятвой в среду утром. Франки заявили, что не могут поклясться на нем прямо сейчас, потому что они в тот день ели, а по их обычаю клясться можно было только после поста. Аль-Адиль отправил гонца к султану, чтобы сообщить ему эту новость.

В среду, 22-й день месяца шабан, членов мусульманского посольства пригласили к королю, и он дал им свою руку. Они имели в виду принести клятву вместе с ним; однако он извинился и сказал, что короли не приносят клятву, и султан принял это заявление. Затем все присутствующие поклялись вместе с графом Генрихом и его племянником, который должен был стать его преемником в Палестине, и Балианом ибн Барзаном, повелителем Тверии. Госпитальеры, храмовники и все предводители франков присоединились к этой клятве. В тот же день послы султана пустились в обратный путь к своему господину. От франков их сопровождали сын Хамфри, ибн Барзан и некоторые другие военачальники. Они прибыли в мусульманский лагерь ко времени последней вечерней молитвы. Послы франков были встречены с почестями и размещены в специально разбитом для этого шатре соответственно их рангу. Затем аль-Адиль предстал перед султаном и сообщил ему о том, что произошло. На сле-

дующее утро, в 23-й день месяца шабан, султану был представлен королевский посол, который, взяв его царственную руку, заявил, что принял мир на предложенных условиях. Затем он и его товарищи попросили, чтобы аль-Малик аль-Адиль, аль-Малик аль-Афдаль, аль-Малик аз-Захир, Али ибн Ахмад аль-Маштуб, Бадр ад-Дин Йилдирим, аль-Малик аль-Мансур и все прочие правители, такие как ибн аль-Мукаддам из Шейзара, чьи владения граничили с землями франков, принесли клятву, что будут соблюдать условия договора. Султан обещал отправить с ними своего порученца к вышеозначенным правителям, чтобы принять их клятву. Королевский посол также дал клятву от имени князя Антиохии и Триполи, при условии, что мусульмане сделают то же самое от лица других мусульманских правителей. Если нет, договор аннулируется. Затем султан велел объявить в лагере и на базарной площади о наступлении мира во всей земле и о том, что христианам дозволен свободный проход и проезд по мусульманским территориям, а мусульмане могут свободно посещать владения христиан. Было также объявлено, что теперь по Сирии была открыта дорога для паломничества и что сам он принял решение совершить паломничество. Я присутствовал на совете, когда он принял это решение. После этого он приказал отправить сотню саперов в Аскалон для уничтожения стен этого города (одно из условий договора); он поручил командовать ими высокопоставленному эмиру, которому было дано указание проследить за тем, чтобы франки ушли. Отряд франков должен был сопровождать саперов и оставаться с ними до тех пор, пока укрепления не будут снесены, ибо христиане боялись, что мусульмане не станут их сносить.

Это был памятный день; лишь Аллаху ведомо, какая безграничная радость охватила оба народа. Впрочем, было известно, что султан заключил мир не совсем по своей доброй воле. По этому поводу он как-то сказал мне во время одной из наших бесед: «Я боюсь заключения мира и не знаю, что со мной будет (страх смерти часто заметен в речах Саладина). Враги увеличат свое войско, а затем выйдут за пределы земель, которые мы им оставляем во

владение, чтобы захватить те, которые мы от них очистили. Вот увидишь, каждый из них построит крепость на вершине какого-нибудь холма; я не могу отступить, но, когда меня не станет, это соглашение погубит мусульман».

Так он сказал, и впоследствии его слова сбылись; однако он понимал, что в данный момент лучше заключить мир, ибо войска утратили мужество и проявляли открытую враждебность (к продолжению войны). Аллах решил, что мир пойдет нам на пользу, потому что вскоре после утверждения этого договора султан умер; если бы он умер в разгар военных действий, ислам оказался бы в величайшей опасности. Поэтому мир был актом Божественного промысла и большой удачей для ислама.

Имад ад-Дин

Когда король Англии понял, что мусульманская армия объединилась, его собственные проблемы стали серьезнее, Иерусалим вернуть невозможно, а ему грозит наказание свыше, он умерил амбиции. Его хвастливые заявления стали не такими возмутительными, и он осознал, что нельзя одолеть того, кому помогает Всевышний, равно как и противостоять бесчисленному множеству людей, поднявшихся против него. Он объявил, что если не добьется перемирия, то останется там и будет искать смерти, встретится с худшим, в то время как ему следует вернуться в свою страну и решить там некоторые вопросы. «Приближается время, — сказал он, — когда море станет непригодным для плавания, поскольку гребни волн поднимутся очень высоко. Если вы согласитесь на перемирие и дадите мне возможность, я исполню свое желание уехать, но если вы станете противостоять мне, я велю разбить лагерь и стану жить здесь. Обе стороны устали, измучены. Я отказался от Иерусалима и теперь откажусь от Аскалона. Но не обманывайтесь множеством войск, стекающих отовсюду. Все они рассеются, когда придет зима. Продолжая упорствовать в своем жалком конфликте, мы уничтожим себя. Так исполните мое желание и заручитесь

моей дружбой; заключите мир со мной и позвольте мне уехать, согласитесь со мной и примите мое уважение».

Султан собрал эмиров и советников, объяснил ситуацию и поинтересовался их мнением. «Мы, — сказал он, — слава Аллаху! — занимаем сильную позицию, и победа, к которой мы так долго шли, близка. Наши вспомогательные войска, перешедшие на нашу сторону (игра слов, намекающая на две категории сподвижников пророка — помощников Медины и переселенцев Мекки), — это люди набожные, благородные и отважные. Мы привыкли сражаться в священной войне, и в ней мы достигли наших целей. Теперь трудно отказаться от того, что стало привычным, и, с помощью Аллаха, пока от нас еще никто не откололся. У нас нет других занятий и целей — только вести священную войну. Мы не из тех, кто увлекается играми и распутством. Если мы откажемся от этого занятия, что мы станем делать? Если мы откажемся от надежды их победить, на что мы станем надеяться? Боюсь, если у нас не будет дела, за мной придет смерть. Как сможет тот, кто был украшен, привыкнуть к невзрачности? Лично мне хотелось бы отвергнуть идею перемирия. Я предпочитаю войну. Я предпочитаю честь, и пусть она ведет меня вперед. Я не хочу стать бездеятельным, если это связано с изменением моего теперешнего состояния. Мне была вменена обязанность. Это мое дело, и с помощью Аллаха я буду действовать уверенно и решительно». На это эмиры ответили: «Все, как ты говоришь, и ты должен поступать так, как думаешь. Правильное решение — то, которое ты сделаешь. Лишь то, что ты решаешь, остается твердым, лишь то, что ты устанавливаешь, остается прочным. Аллах помогает тебе во всем. Ты один считал себя тем, кто привык к радости, к желанию служить Богу, к получению вечных добродетелей. Ты всегда принимаешь меры, необходимые для достижения успеха, презираешь лень, не любишь стоять в стороне. В себе ты находишь силу и стойкость, и твоя несокрушимая вера дает тебе возможность добиться того, к чему мы все стремимся. Но взгляни на состояние страны — она разрушена и растоптана, на своих подданных — они сломлены и сбиты с тол-

ку, на свои армии — они измучены и больны, на своих лошадях — они истощены и одичали. Нет фуража, не хватает продуктов, базы снабжения далеко, предметы первой необходимости дороги. Все припасы мы доставляем из Египта, преодолевая опасности пустыни. А все войска, которые в великом множестве собрались здесь, вполне могут разойтись, и твое пространное объяснение создавшегося положения ничего не изменит. Ведь продовольствия нет, дороги блокированы, богатые голодают, а бедные нищенствуют. Солома дороже золота, ячмень недоступен ни по какой цене. А если франки не получают мир, они сделают все, чтобы укрепить свои позиции здесь. Они пойдут на смерть, чтобы только добиться своих целей, и ради своей веры откажутся покориться унижению. Вспомни, что сказал Аллах: «Если они будут склоняться к миру, то и ты склонись к нему» (Коран VIII, 63). Тогда наши люди вернутся на свои земли, и во время перемирия в изобилии будет хлеба и плодов. Армии смогут пополнить свою амуницию, приобрести все необходимое. Когда война вернется, мы тоже вернемся, окрепшие и сильные, с продовольствием и фуражом, избавленные от усталости и раздоров. В мирное время мы подготовимся к войне и снова будем наносить сильные удары мечами и копьями. Это не значит, что мы свернули с пути служения Всевышнему. Это лишь способ увеличить нашу полезность ему, нашу силу и способность добиваться успеха. Франки не будут держать слово долго и не станут выполнять договора, в выполнении которых поклялись. Заключи с ними мир, который позволит им удалиться восвояси, чтобы зализывать раны, не оставив в Палестине никого, кто мог бы нам сопротивляться».

В конце концов султан сдался и согласился с советниками. Расстояние между двумя армиями было небольшим — не более дня пути, и над авангардом уже собирались облака пыли. Если бы мы двинулись вперед, то сумели бы их вытеснить, посеять в их рядах панику. Но воля Всевышнего одержала верх, и запрос о мире английского короля был удовлетворен. Я помог составить проект договора и написал текст, определив границы и обозначив основ-

ные условия. Это был вторник, 21-й день месяца шабан 588 / 1 сентября 1192 года. Перемирие продлилось три года и восемь месяцев. Они верили, что передышка совпала с их прибытием морем и возможностью постоянно-го получения подкрепления — люди приезжали и оседали там. И они обусловили общее перемирие на суше и море, равнинах и горах, в пустынях и городах. Франки получили землю от Яффы до Кесарии и от Акры до Тира. Франки, даже когда покинули землю, которую прежде держали прочно, выглядели счастливыми и довольными и включили Триполи и Антиохию в положения также как ближние и дальние провинции.

ГЛАВА 7

Доблестный маркиз Монферрат не увидел этого мира. Не получил он и королевскую корону, к которой стремился. В мусульманских текстах есть расхождения относительно того, кто именно послал к нему убийц, сделавших свое черное дело в Тире в апреле 1192 года. Баха ад-Дин и Имад ад-Дин называют Ричарда Английского (в переговоры которого Конрад, как мы видели, вклинился со своим планом, повторив личное обращение к Саладину графа Триполи перед Хаттином). А ибн аль-Атир предполагает, что Конрада и Ричарда попытался убить Саладин. Последнее представляется крайне маловероятным (как убедительно пишет Имад ад-Дин, Конрад умер в крайне неудачное для мусульман время), но эпизод получил странное отражение, в манере, бросающей тень на Саладина, в более позднем рассказе, искаженном легендой, об убийстве франкского короля в Акре, предписанном правоверным Старцем Горы, чтобы порадовать его друга султана. Станный текст, который следует далее, взят из исмаилитского источника — анекдотичной и назидательной биографии современного главы ордена ассасинов Рашид ад-Дин Синана. На самом деле, ассасины не единожды пытались убить Саладина, чья строгая ортодоксальность никак не совмещалась с их еретическими верованиями.

Убийство Конрада Монферрата

Имад ад-Дин

Во вторник, 13-й день второго месяца раби 588 / 28 апреля 1192 года Маркиз вкусил свою последнюю трапезу. Настал его последний день. Та, что уничтожает все надежды, была у дверей. Он был обречен на ад, где ангел Малик ждал его, и Тартар был готов к его появлению. Самый глубокий круг ада полыхал огнем в ожидании. Момент был уже близок. Скоро бездна примет его, и адское пламя будет жечь его, и ангелы правосудия уже готовили клоаку, где будут судить его. Ад уже открыл семь ворот, чтобы его поглотить. А пока он беззаботно возлежал на своей кушетке и поглощал пищу. Он ел и не ведал, что впереди его ждет бездна. Он поел, попил, насытился, напился и вышел, чтобы покататься на коне. Неожиданно два человека напали на него, словно два облезлых волка, и их кинжалы пронзили Маркиза. Потом один из них бежал и зашел в церковь. Маркиз, стоя на пороге смерти, но пока в нем еще теплилась искра жизни, попросил: «Отнесите меня в церковь». Люди выполнили его просьбу, думая, что там он будет в безопасности. Но когда убийца, вошедший в церковь, увидел его, он напал на него и стал наносить удары, пока не убил. Франки схватили убийц и выяснили, что они были двумя членами секты исмаилитов (то есть ассасинами, которых ортодоксальные мусульмане считают вне веры). Их спросили, кто поручил им совершить это убийство, и они ответили, что это был король Англии. Они также сказали, что шесть месяцев были христианами, вели чистую жизнь аскетов, часто посещали церкви и отличались благочестием. Один был на службе у ибн Барзана, другой — у правителя Сидона, так что оба находились вблизи Маркиза и пользовались его доверием. Оба понесли суровое наказание. Удивительный пример двух неверных, проливших кровь неверного, двух преступников, убивших преступника.

Когда Маркиз был мертв и отправился прямо в ад, король Англии принял власть над Тиром и вручил ее графу

Генриху (Генриху Шампанскому), договорившись с ним обо всем. Генрих женился на супруге Маркиза той же ночью (он стал правителем Тира и женился на Изабелле), заявив, что имеет первоочередное право на жену убитого. Она носила ребенка, но это не помешало ему соединиться с ней, что было намного отвратительнее, чем простое совокупление. Я спросил одного из придворных, кто будет считаться отцом, и они ответил: «Это будет ребенок королевы». Вы сами видите, насколько развратны эти грязные неверные!

Смерть Маркиза в таких обстоятельствах не принесла нам пользы, хотя он был одним из главарей неверных, одним из врагов короля Англии, его соперником в борьбе за королевство и трон. Он связался с нами, рассчитывая на нашу помощь в возвращении того, что у него отнял король. Как только английский король слышал, что ко двору султана прибыл посол Маркиза, он сразу направлял письма, полные скромности и послушания, и возобновлял переговоры о мире. Появлялась надежда, что свет снизойдет на его ночь ошибок. Когда Маркиза убили, страх покинул его сердце, тревожное беспокойство исчезло, он опять стал невозмутимым, дела вернулись в нормальное русло, и зло, коим он являлся для ислама, возросло. В своей оппозиции Маркизу он был на стороне короля Ги, выказывая ему приязнь любящего родственника. Он дал ему остров Кипр и всю его территорию, пытаясь тем самым исправить все свое зло. Когда Маркиза не стало, король понял, что заблуждался, поддерживая Ги, и теперь должен опасаться нападений с его стороны. Когда враг исчез, он снова обрел покой. Несмотря ни на что, он не порвал отношения с Ги, посылал ему письма и всячески старался привлечь его внимание.

Ибн аль-Атир

В этом году, в 13-й день второго месяца раби, франкский Маркиз, правитель Тира — будь он проклят! — был убит. Это был величайший дьявол из всех франков. При-

чиной его смерти стали переговоры Саладина с Синамом (Старцем Горы, главой ордена ассасинов), лидером исмаилитов, чтобы тот послал человека убить короля Англии. Если же он убьет Маркиза, то получит 2000 динаров. Было невозможно убить короля Англии, и Синаму казалось, что это не в их интересах, поскольку избавит Саладина от всеческой тревоги о франках, и он обратит свой гнев против самих исмаилитов. С другой стороны, он желал получить деньги, поэтому взялся организовать убийство Маркиза. Он послал двух человек в монашеских одеждах, которые поступили на службу к ибн Барзану из Ар-Рамлы и правителю Сидона. Они были там шесть месяцев, выказывая величайшую преданность, Маркиз чувствовал себя в безопасности и доверял им. После этого епископ Тира устроил пиршество для Маркиза. Он ел, пил вино, а потом ушел. Два батинита (другое название исмаилитов) напали на него и нанесли смертельные ранения, после чего один бежал в церковь, чтобы спрятаться. Когда он понял, что Маркиза принесли в ту же церковь, чтобы перевязать его раны, он снова напал на него и убил. После его смерти два ассасина тоже были убиты. Франки приписали убийство приказу короля Англии, желавшему стать единоличным правителем Палестины. Когда он умер, граф Генрих, франкский заморский граф, стал правителем Тира и женился на королеве (вдове Конрада), той же ночью. Причем он консумировал брак, несмотря на то что женщина носила ребенка. Это не стало для него препятствием.

Этот самый граф Генрих был племянником короля Франции со стороны отца, и короля Англии по линии матери. Он должен был править франкской частью Палестины после возвращения английского короля домой, и он жил до 594 / 1197 года, когда упал с балкона и умер. Он был способный человек, приятный и терпимый. Когда английский король отбыл восвояси, Генрих послал гонца к Саладину, чтобы заручиться его добрым отношением. Он попросил даровать ему почетное платье и сказал: «Ты знаешь, что ношение каба (нечто вроде рясы, открытой спереди) и шарбуш (высокий треугольный головной убор) не одобряется у нас. Но я их надену, если

их даруешь мне ты, из-за почтения, которое я к тебе испытываю». Саладин послал ему роскошные одежды, среди которых были каба и шарбуш, и он носил их в Акре.

Манакиб Рашид ад-Дин

Верный и добродетельный человек говорил мне, что, когда Саладин взял Акру, из-за моря прибыл франкский король со своей армией, взял Акру и убил всех находившихся там мусульман. Для него поставили шатер напротив шатра Саладина, и его армия заняла позицию напротив армии Саладина. Война между ними была неминуема. Саладин не знал, как от него избавиться. Тогда наш повелитель, который в то время был в крепости Каф (Kaḥf — одна из исмаилитских крепостей в Северной Сирии; «наш повелитель» — Старец Горы Рашид ад-Дин Синан, деяния которого описаны в этом тексте), сказал: «Наш друг Саладин в великом затруднении». Он позвал двух ассасинов, которых научил говорить на языке франков, и, когда они пришли, дал им два костюма франков и два франкских меча. Потом он сказал им: «Идите к Саладину с моим письмом. Идите ночью в такое-то и такое-то место, — и он объяснил им, где проводить каждую ночь. — Вы придете в Акру в такой-то день в полдень. Если вы не придете в назначенный день и час, вы не достигнете своей цели. Когда настанет время, если на то будет воля Аллаха, вы предстанете перед Саладином. Заверьте его в моем великом уважении, и передайте от меня привет и это письмо. Когда он прочитает его и поймет, что там написано, скажите ему, что я послал вас к его врагу королю франков, чтобы убить его. Покиньте Саладина на закате, покиньте мусульманскую армию и идите к франкской армии вдоль берега. Смешайтесь с франками в ночной тьме. Ночью проберитесь к шатру короля и, когда найдете его, пьяного и сонного, и рядом с ним никого не будет, убейте его. Отрубите ему голову и возьмите его меч вместе с перевязью. Если кто-то к вам обратится, отвечайте на языке франков, и никто не обратит на вас внимания. Ког-

да вернетесь к Саладину, положите перед ним голову и меч его врага. Он немедленно нападет на армию франков, отбросит ее, разделит на части, порадует Аллаха, убьет многих франков и будет ликовать. Потом он захочет вознаградить вас и спросит, что бы вы хотели получить. Вы не станете просить у него золото или серебро, а просто скажете: «Мы люди, которые посвятили свои жизни Всевышнему. Мы оставили позади мир и отказались от всех мирских благ. Сегодня мы хотим только одного: когда мы покинули наши семьи, у наших детей совсем не осталось муки. Не подаришь ли ты каждому из нас немного муки?» Люди подчинились своему повелителю Рашид ад-Дин Синану и действовали в точности так, как он сказал. Они пришли в Акру в назначенный день и час и предстали перед Саладином, передали ему привет и письмо от своего повелителя и сказали следующие слова: «Наш господин велел нам убить франкского короля сегодня и назвал нам точное время, поскольку тогда он будет один, пьяный и сонный. Он также сказал, что если мы не найдем его в точно назначенный момент, то ничего не сумеем сделать, и даже не сможем к нему приблизиться».

Услышав эти речи, Саладин очень обрадовался и отнесся к пришельцам с великим почтением. Они оставались с ним до захода солнца, потом надели одежды франков и стали говорить друг с другом на языке франков. Саладин был удивлен их языком и одеждой. Он с улыбкой одобрил их план. Двое мужчин пришли в армию франков и в ночной темноте смешались с солдатами. Они приблизились к вражескому королю и в назначенное место и время вошли к Ричарду, обнаружив его пьяным, спящим на земле. Рядом не было никого. Они отрубили его голову, положили в мешок, взяли меч с перевязью, и вернулись к Саладину. Они положили перед ним свои трофеи. Тот поцеловал их лбы и приказал армии наступать. Он сам вскочил в седло и напал на армию франков, обратив ее в бегство. Счастливый и удовлетворенный завоеватель призвал к себе двух правоверных, и, когда они пришли, встал, чтобы оказать им уважение, выказал всецелые милости. Его визири и придворные сделали то же

самое. Потом он усадил их рядом с собой и сказал: «Просите у меня все, что хотите. Мой долг сделать так, чтобы вы были довольны». Они ответили, что султану помогает Аллах и Его ангелы. Потому враги правоверных отправляются прямиком в ад. «Этот мир — ничто, — сказали они. — Тот, кто обманывается, раскается, когда будет уже поздно. Мы из тех, кто отвернулся от мирских благ, отказался от них. На самом деле нам не нужно ничего, кроме двух мешков муки, по одному на каждого, чтобы накормить наши семьи».

Тогда султан велел, чтобы в каждой провинции, где есть форты общества (исмаилитов), выделили десять деревень в качестве данников, и в каждом городе для них был построен дом. Так что в Каире, Дамаске, Химсе, Хамате, Алеппо и других городах это было сделано. Кроме того, Саладин одарил двух братьев множеством подарков и послал щедрые дары нашему повелителю Рашид ад-Дин Синану.

ГЛАВА 8

Болезнь и смерть Саладина, последовавшие вскоре после заключения перемирия, описаны в мельчайших подробностях преданным Баха ад-Дином. Несмотря на многословие и педантичность, свойственные почти всем мусульманским источникам, его рассказ демонстрирует искреннюю преданность султану, который был исключительным человеком, заслужившим уважение и Востока, и Запада. Его благочестивый конец и абсолютная преданность букве и духу веры, характеризовали настоящую жизнь Саладина, отвергнув фантазии Лессинга о либеральном и просвещенном правителе.

Болезнь и смерть Саладина

Вечером в пятницу у султана появилась непреодолимая усталость, и незадолго до полуночи у него начался приступ желчной лихорадки, который был не внешним, но

внутренним. Утром в субботу, в 16-й день месяца сафар 589 / 21 февраля 1193 г., из-за лихорадки он находился почти без сознания, хотя приступ удалось подавить. Кади аль-Фадиль и я пришли навестить его и вошли в его комнату одновременно с его сыном аль-Маликом аль-Афдалем. У нас состоялся длинный разговор с ним; он жаловался сначала на тяжкую ночь, но она прошла, и казалось, что он получает удовольствие от беседы с нами. Беседа эта продолжалась до полудня, когда мы удалились, оставив с ним наши сердца. Он сказал, чтобы мы ушли и поехали с аль-Маликом аль-Афдалем. Аль-Фадиль не был привычен к подобному и поэтому удалился; я же прошел в южный зал и нашел там накрытый стол, за которым на отцовском месте сидел аль-Афдаль. Поскольку мне невыносимо было это зрелище, я удалился, даже не присев к столу; и некоторые другие, увидев на месте султана его сына, восприняли это как дурное предзнаменование и проливали слезы.

С этого времени болезнь султана становилась все более и более серьезной, и мы никогда не пропускали возможности навестить его и утром, и вечером. Кади аль-Фадиль и я обычно заходили к нему несколько раз в день, когда боль, от которой он страдал, утихала, и он мог нас принять. Более всего он страдал от своих мыслей. Одним из признаков, по которым мы догадались, что он скоро расстанется с жизнью, было отсутствие его личного лекаря. Тот знал о состоянии его здоровья лучше, чем кто бы то ни было, и всегда сопровождал его и дома, и в разъездах. На четвертый день болезни другие врачи пришли к заключению, что султану следует пустить кровь, и с этого момента ему стало гораздо хуже. Его состояние усугублялось еще большей слабостью.

На шестой день мы усадили его, подложив ему под спину подушку; затем дали выпить чашку теплой воды, вскоре после принятого им лекарства. Он попробовал ее и сказал, что она слишком горячая; ему принесли другую чашку, но он сказал, что теперь вода слишком холодная, но при этом он не выказал ни раздражения, ни гнева, а только сказал: «О Аллах, неужели нет человека, который

может принести воду нормальной температуры?» Мы с аль-Фадилем покидали его со слезами, струящимися из глаз, и он сказал мне: «Какую великую душу теряют мусульмане! Именем Аллаха, любой другой человек на его месте швырнул бы чашку в голову того, кто ее принес!»

В течение шестого, седьмого и восьмого дней болезнь усиливалась, а затем мысли султана начали путаться. На девятый день он впал в оцепенение и не мог принять принесенный ему лекарственный настой. Весь город пребывал в тревоге, и торговцы, движимые страхом, начали увозить с базаров свои товары (смерть правителя часто бывала причиной волнений и грабежей); невозможно передать то горе и беспокойство, которые угнетали всех до единого.

Каждый вечер кади аль-Фадиль и я просиживали вместе первую треть ночи, а затем шли к воротам дворца; и, если предоставлялась возможность, заглядывали к султану и тотчас же уходили, а если нет, то хотя бы осведомлялись о его состоянии. При выходе мы всегда видели людей, которые ждали, чтобы по выражению наших лиц догадаться о состоянии правителя. На десятый день ему дважды ставили клистир, что принесло ему некоторое облегчение. Затем все с величайшей радостью узнали, что он выпил немного ячменного отвара. В тот вечер, как обычно, мы прождали несколько часов, а затем пошли во дворец, где встретили Замал ад-Даула Икбаля. На наш вопрос о самочувствии султана он вошел в помещение и передал нам слова аль-Малика аль-Муаззама Тураншаха о том, что на обеих ногах султана видна испарина. Мы возблагодарили Аллаха за эту новость и попросили его ощупать другие части тела и сообщить нам, нет ли испарины и в других местах. Он выполнил нашу просьбу и сообщил нам, что испарина обильная. Тогда мы ушли, испытывая облегчение. На следующий день, а это был вторник, одиннадцатые сутки болезни и 26-й день месяца сафар, мы пришли к воротам, чтобы узнать новости. Нам сказали, что испарина была столь обильной, что промокли и тюфяк, и подстилки, и даже на полу были видны следы влаги; а поскольку сухость его тела повысилась, то врачи были поражены силой его организма; они уже отказались от любых надежд.

Видя состояние своего отца и понимая, что надежды на его спасение нет, аль-Малик аль-Афдаль со всей поспешностью заручился присягой народа на верность. (Приведенные далее детали ясно показывают хрупкость империй, основанных на архаичном военном феодализме, когда они лишаются такого талантливого правителя, как Саладин. Все предосторожности, предпринятые первенцем, чтобы обеспечить свое восхождение на престол в Сирии и главенствующее положение во всей империи Айюбидов оказались безрезультатными из-за независимости эмиров, единственной целью которых была личная выгода и привилегии. Будущее не оправдало надежд и этого, и всех остальных сыновей Саладина. Главенство перешло к его брату аль-Малику аль-Адилю.) С этой целью он провел прием во дворце Ридвана, называемом так потому, что в нем жил Ридван (эмир Алеппо). Затем он призвал к себе кади и велел им составить краткий текст клятвы на верность султану до тех пор, пока он жив, а после его смерти — аль-Афдалю. Эмир объяснил народу, что болезнь султана приняла критический характер и никто не знает, что может случиться, поэтому необходимо сделать все для обеспечения перехода власти. Первым он получил присягу от Сад ад-Дина Масуда, брата Бадр ад-Дина Маудуда и правителя Дамаска; тот принес присягу без колебаний и каких бы то ни было оговорок. Затем настала очередь Наср ад-Дина, правителя Сахиуна, но тот выдвинул условие сохранить за ним крепость, находившуюся под его началом. Сабик ад-Дин, повелитель Шайзира, также принес клятву, однако не стал упоминать о разводе с женами (обычная черта мусульманских клятв: тот, кто ее дает, объявляет, что если нарушит слово, то разведется с женами). Он заявил, что никогда не приносил клятвы, содержащей такое условие. Затем клятву принес Куштаринр Хусейн аль-Хаккари; за ним — Нуширван аз-Зарзари, который, впрочем, потребовал, чтобы ему был дарован достойный надел. Требуемую клятву также дали Алкан и Манкалан (еще два курдских эмира). Затем был устроен пир, в котором приняли участие все собравшиеся, а вечером церемония принятия присяги продолжилась.

Маймун аль-Касри и Шамс ад-Дин Сункур — старший принесли присягу с условием, что от них никогда не будут требовать, чтобы они подняли меч на братьев аль-Афдаля; они взялись только защищать государство. Маймун аль-Касри сказал то же самое. Сункур сначала не желал приносить присягу; затем он сказал: «Я присягну на верность тебе в качестве правителя Ан-Натруна и при условии, что этот город останется за мной». Затем вперед выступил Самама и сказал: «Почему я должен приносить присягу? У меня нет надела». Затем с ним поговорили, и он присягнул, как другие, но при условии, что ему будет дарован достаточный надел. Сункур Безобразный принес присягу с условием, что получит желаемое, так же как Айбек Курносый, который также опустил положение о разводе с женами. Клятву принес и Хусам ад-Дин Бишара, лучший из них всех. На этой церемонии не присутствовал ни один египетский эмир, да этого и не требовалось (на самом деле прямая верховная власть аль-Афдаля, как наследника Саладина, действовала только в Сирии; наследником в Египте был брат Саладина аль-Адиль). Присягу принесли только люди, упомянутые выше, для поддержания порядка. Я мог пропустить нескольких малоизвестных эмиров. Формула присяги была следующей: «Во-первых, с этого момента и впредь я клянусь в верности аль-Малику ан-Насиру (Салах ад-Дину) до тех пор, пока он жив, и я обязуюсь посвятить мою жизнь, богатство, мой меч и моих воинов служению ему; я буду повиноваться его приказам и следовать его воле. Затем я сохраню ту же верность его сыну, аль-Афдалю Али, и наследникам этого правителя. Беру Аллаха в свидетели, что буду повиноваться ему и поддерживать его правление и земли, посвящая мою жизнь и богатство, мой меч и моих воинов служению ему; я буду повиноваться его приказам и запретам и клянусь в том, что мои личные решения будут соответствовать этой клятве. Призываю Аллаха в свидетели моим словам».

В канун среды, 27-го дня месяца сафар 589 года — это был двенадцатый вечер болезни — султану стало хуже, силы покинули его; и женщины, которые ухаживали за ним, не позволяли нам его навестить. Той ночью кади аль-

Фадиль, ибн аз-Заки (кади Дамаска) и я встретились. Ибн аз-Заки обычно не приходил в это время. Аль-Малик аль-Афдаль пожелал, чтобы мы провели эту ночь с ним. Это не показалось хорошей идеей аль-Фадилю, потому что люди обычно ждали нашего возвращения из замка, и он боялся, что если мы не покажемся, то в городе может подняться тревога и начнутся беспорядки. Поэтому он полагал, что нам будет лучше уйти, и предложил, чтобы послали за Абу Жафаром, имамом Калласы (святилище рядом с большой мечетью Дамаска). Это был человек, известный своей добродетелью, и мог провести ночь в замке на случай, если Аллах призовет больного к себе. Это было сделано, и мы ушли, готовые отдать свои жизни за султана. Всю ночь он то приходил в сознание, то отключался, и шейх Абу Жафар читал ему отрывки из Корана и напоминал ему о всемогущем Аллахе. С девятого дня лихорадки султан бредил, и рассудок возвращался к нему лишь на краткие периоды. Впоследствии шейх рассказал нам, что, когда он дошел до отрывка: «Бог есть тот, кроме кого нет никого достойного поклонения. Он знающий и сокровенное, и открытое. Он милостив, милосерд», он услышал, как султан произнес: «Воистину!» И это было знаком милости к нему Аллаха. Хвала Аллаху за это!» Султан испустил последний вздох после часа утренней молитвы в среду, в 27-й день месяца сафар 589 / 4 марта 1193 года. Кади аль-Фадиль вошел в его комнату сразу после рассвета, когда он умирал, и я тоже пришел, но султан уже был мертв и познал благодать Божью и вошел в обитель Его милости и милосердия. Мне рассказали, что, когда шейх Абу Жафар читал из Божественного Слова: «Бог мое довольство; нет никого достойного поклонения, кроме него; на него уповаю» (Коран IX,130), больной улыбнулся, лицо его просияло, и он с миром отошел к своему Господу.

День его смерти стал днем великого горя для ислама, равному которому мусульмане не знали с тех пор, как ислам лишился четырех праведных халифов. Замок, город, весь мир погрузились в печаль, глубину которой мог измерить один лишь Аллах. Я часто слышал, как люди говорили, что они готовы отдать жизнь за тех, кто им очень

дорог, но мне казалось, что это только слова, от которых весьма далеко до реальности; но я свидетельствую пред лицом Аллаха и уверен в том, что если бы в тот день было возможно пожертвовать собой во имя жизни султана, многие из нас были готовы на это. Затем аль-Малик аль-Афдаль дал аудиенцию в северном зале, чтобы выслушать соблезнования. Но ворота были закрыты для всех, кроме эмиров высокого звания и обладателей религиозного знания. Поистине это был печальный день; все до такой степени были погружены в печаль и тревогу, в слезы и сетования, что не думали ни о чем ином. Ни одного поэта не допустили в помещение, где проходила аудиенция, чтобы прочесть элегии; ни один проповедник не обратился с увещаниями к народу. Дети султана вышли на улицы, вызывая всеобщие соблезнования, и это печальное зрелище было почти невыносимым для тех, кто его видел. Так продолжалось до полуденной молитвы; тем временем тело обмыли и завернули в саван. Мы были вынуждены взять деньги в долг, чтобы купить все необходимое для похорон, вплоть до вещей, которые стоили мелочь, например соломы, которую следовало смешать с глиной (еще один пример аскетизма и праведности Саладина). Факиху ад-Дулаи было поручено совершить омовение тела. Меня попросили проследить за совершением этой процедуры, но я был не в силах вынести этого зрелища. Когда закончилась полуденная молитва, были принесены похоронные носилки, накрытые куском ткани. Кади аль-Фадиль позаботился о них и об одеждах, которыми следовало накрыть тело, и он постарался выбрать такие, которые соответствовали бы случаю, добыв их из разрешенных источников. Когда толпа увидела похоронные носилки, поднялись горестные стонания и воздух содрогнулся от рыданий. Люди были так подавлены горем, что вместо слов полагающейся молитвы могли лишь рыдать от горя. Кади Мухий ад-Дин ибн аз-Заки предстоял на молитве. Затем тело султана перенесли во дворец в сад, где султан жил во время своей болезни, и оно было погребено в западной беседке. Султан был предан земле незадолго до часа вечерней молитвы. Аллах да благословит его душу и прольет свет на его могилу!

Часть третья

АЙЮБИДЫ И ВТОРЖЕНИЕ В ЕГИПЕТ

ГЛАВА 1

Пока Четвертый крестовый поход сконцентрировался на Константинополе (1203), у ислама было пятнадцать лет передышки, которая позволила аль-Малику аль-Адилю объединить владения его брата Саладина со своими — во главе которых встал он сам — и создать одну империю Айюбидов от Египта до Месопотамии. Новый Крестовый поход нацелился на Египет — сердце мусульманского сопротивления в то время, когда надвигавшаяся с востока монгольская угроза проявилась во всю величину. Ибн аль-Атир, как и прежде, показавший широкий кругозор и отличное понимание происходящих процессов, поднимается над уровнем местного хрониста, чтобы рассмотреть судьбу ислама в целом под натиском двойной угрозы. Он дает драматичное описание монгольского вторжения и Пятого крестового похода, как один убедительный рассказ о четырехлетней египетской кампании 1217—1221 годов. Дополняет повествование ибн аль-Атира рассказ ибн Василя, айюбидского историка, до последнего времени почти недоступного в оригинале, и потому малоизученного.

ПЯТЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

Франки собираются в Сирии, двигаются на Египет и берут Дамиетту, вновь обретенную мусульманами.

Ибн аль-Атир

От начала до конца этот эпизод длился четыре года без одного месяца. Мы будем говорить о 614/1217 году, потому что именно в это время появились франки. Мы изложим все события как единый рассказ, потому что разные стадии сменяли друг друга без перерыва. В этом году франкское подкрепление прибыло из-за моря, из Рима и других стран, к северу и западу от нас. Их направил повелитель Рима (папа), который занимал очень высокое положение во франкском обществе, так что они не осмеливались ослушаться его или свернуть с пути, им указанного. Он послал армии из своих государств под командованием группы командиров и велел другим франкским королям или выступить лично, или послать армию. Они подчинились его приказу и собрались в Акре, на побережье Сирии.

Франки осаждают и берут Дамиетту

Ибн аль-Атир

Когда франки вернулись после осады Ат-Тура (мусульманский форт около Акры), они стояли лагерем в Акре до начала 615 года, а потом отправились морем к Дамиетте, куда прибыли в месяце сафар / мае 1218 года и бросили якоря в Аль-Джизе. Нил был между ними и Дамиеттой, и один из его рукавов тек в море мимо города. В это время египтянами была построена высокая и хорошо укрепленная башня с массивными железными цепями, протянутыми через реку к стене Дамиетты, чтобы помешать кораблям, прибывающим с моря, пройти по Нилу в Египет. Франки высадились в Аль-Джизе, при этом Нил находился между ними и Дамиеттой. Они построили стену на своей стороне и вырыли ров, чтобы защитить себя от нападений. После этого они начали осаду Дамиетты. Они построили осадные машины и подвижные башни, которые они перемещали на кораблях, чтобы напасть и захватить башню, в которой было много защитников. Аль-

Малик аль-Камиль, сын аль-Малика аль-Адила, правитель Дамиетты и всего Египта, разбил лагерь в месте, которое называлось Адилийя, недалеко от Дамиетты, и постоянно слал войска к Дамиетте, чтобы не позволить врагу высадиться на его территории. Франки, несмотря на постоянные нападения на башню, успеха не добились — наоборот, их собственные осадные машины были разрушены. Несмотря на это, они продолжали упорствовать. Прошло четырнадцать месяцев, прежде чем они наконец достигли своей цели и разорвали цепи, так что их корабли смогли войти в Нил, и они оказались на египетской земле. Тогда аль-Малик аль-Камиль велел построить большой мост, чтобы они не могли пройти дальше по Нилу. Им пришлось выдержать великую битву, прежде чем они смогли преодолеть это препятствие. Тогда он взял большое число торговых судов и затопил их в Ниле, чтобы корабли франков не могли пройти. Франки отошли к каналу, называемому аль-Арзак, по которому Нил тек в прежние времена. Они очистили его и углубили выше по течению, чем затопленные корабли, повернули реку в этот канал и направили туда свои корабли до места, названного Бура, расположенного тоже в Аль-Джизе, напротив лагеря аль-Малик аль-Камиля. Они хотели напасть на него там, поскольку у них не было другого способа добраться до него и атаковать — ведь Дамиетта была между ним и франками. Когда франки достигли Буры, они оказались прямо напротив него и начали атаковать его через реку. Их повторяющиеся нападения, однако, не имели успеха и не изменили положение в Дамиетте, которая постоянно получала подкрепления и снабжение, к тому же между ней и франками был Нил. Город оставался в безопасности, не понес ущерба, его ворота были открыты, и никаких особенных трудностей из-за осады он не испытывал.

Во втором месяце джумада 615 / августе 1218 года аль-Малик аль-Адил умер — видно, так было угодно Аллаху. Его смерть снизила моральный дух населения, потому что он был истинным султаном, и, хотя его сыновья носили королевские титулы, они были ниже его и правили отдельными провинциями (аль-Адил сумел объединить под сво-

ей властью разные владения своего брата Саладина). Он умер, подвергаясь постоянным атакам врага. Одним из эмиров Египта был человек по имени Имад ад-Дин Ахмад ибн Али, известный как ибн аль-Маштуб, курд из хаккаритов. Он был лидером египетских эмиров и имел много последователей, особенно среди курдов, которые ему беспрекословно подчинялись. Инб аль-Маштуб составил заговор с другими эмирами, желая свергнуть аль-Малика аль-Камиля ради его брата аль-Малика аль-Фаиза ибн аль-Адила, чтобы через него управлять всей страной. Когда аль-Камиль услышал новость, он оставил позиции и ночью в сопровождении маленького отряда отправился в деревню, называемую Ашмун-Таннах, возле которой разбил лагерь. Армия в отсутствие султана была оставлена на произвол судьбы. Никто не думал даже о своих ближайших соседях. Люди могли взять с собой только самые легкие вещи, поэтому они оставили все остальное на месте — палатки, запасы, оружие, лошадей — и направились к аль-Камилю.

На следующее утро франки не увидели перед собой мусульман — на берегу реки, где они обычно находились. Сначала они не могли понять, что произошло, но, когда до них дошли вести о случившемся, они сразу переправились через Нил, и им никто не мешал. Они подошли к Дамiette. Это было в 20-й день месяца зуль-када 615 / 8 февраля 1219 года. В мусульманском лагере они собрали огромную добычу. Аль-Малик аль-Камиль был склонен покинуть Египет, поскольку не доверял никому, а франки захватили все, не прилагая к этому никаких усилий. Но Аллах проявил милость к мусульманам, и аль-Малик аль-Муаззам Иса, сын аль-Адила (султан Дамаска), прибыл спустя всего лишь два дня, когда повсюду царил неразбериха. Его прибытие обрадовало и подняло дух брата, который стал удерживать свою позицию с новой силой и смелостью. Инб аль-Маштуб был вытеснен в Сирию, договорился с аль-Маликом аль-Ашрафом и присоединился к его армии.

Когда франки переправились в Дамiette, все арабские кочевники разных племен стали грабить район вокруг города. Они перерезали дороги и занимались бандитизмом, принося мусульманам больше бед, чем франки. В Дами-

етте существовал один большой недостаток — отсутствовало народное ополчение. В нем не было необходимости, поскольку войска султана постоянно находились в пределах досягаемости и могли защитить их от врага. Но когда разразилась эта катастрофа, в городе не оказалось гарнизона. Это случилось по вине ибн аль-Маштуба, который вскоре после этого понес справедливое наказание. Итак, франки осадили Дамиетту и напали на нее по суше и с моря. Они, как обычно, выкопали траншею, чтобы защититься от мусульман. После продолжительной борьбы защитники дошли до предела своих сил. У них не было еды, и они были измотаны постоянными боями. Франков было достаточно много, чтобы они могли сражаться поочередно, давая друг другу возможность отдохнуть, но в Дамиетте такого количества солдат не было. Несмотря ни на что, жители Дамиеты проявили чудеса отваги, хотя и несли очень большие потери. Осада продолжалась до 27-го дня месяца шабан 616 / 8 ноября 1219 года, когда немногие уцелевшие жители больше не могли защищаться. Они сдали город франкам в обмен на гарантии своей безопасности. Одни из них уехали, другие остались.

Мусульмане отбирают Дамиетту у франков

Ибн аль-Атир

После завоевания города франки обосновались в Дамиетте и стали высылать во все стороны отряды, которые грабили и убивали. Население стало покидать регион, и франки принялись устанавливать свои порядки и укреплять цитадель, желая сделать ее неприступной. Аль-Малик аль-Камиль находился недалеко от врага, на границах своей территории, и был готов ее защищать. Когда франки за морем узнали о захвате Дамиетты, они поспешили туда отовсюду, и Дамиетта стала для них центром. Аль-Малик аль-Муаззам вернулся в Сирию и разрушил стены Иерусалима в месяце зуль-када того же года из-за страха перед франками (он опасался, что ему придется сдать им Святой

город — это действительно было им предложено в какой-то момент, — и хотел, по крайней мере, уничтожить его укрепления). В тот момент представлялось, что весь мусульманский мир, люди и территории, будет потерян из-за угроз с востока, с одной стороны, и запада, с другой. С востока шли татары, которые уже добрались до Ирака, Азербайджана, Аррана и других провинций. А с запада наступали франки, которые взяли город, вроде Дамьетты в Египте, из-за отсутствия укреплений, которые могли бы защитить его от врага. Весь остальной Египет и Сирия были на грани краха, все пребывали в ужасе, и днем и ночью ждали катастрофы. Население Египта было даже готово покинуть страну из страха перед врагом, «но не было уже времени избавления» (Коран XXXVIII, 2). Со всех сторон подступали враги. Если бы аль-Камиль позволил, они бы покинули страну, но в сложившейся ситуации они держались твердо. Аль-Малик аль-Камиль слал письма с просьбами о помощи своим братьям — аль-Малику аль-Муаззаму из Дамаска, и аль-Малику аль-Ашрафу, который правил Джазрой, Арменией и другими провинциями, умоляя явиться лично или хотя бы послать войска. Правитель Дамаска лично отправился к аль-Ашрафу, но выяснил, что тот не может послать помощь брату, потому что его вассалы бунтовали после смерти аль-Малика аль-Кахира, правителя Мосула. Поэтому он никак не мог повлиять на ситуацию, в которой оказался аль-Малик аль-Камиль.

Затем бунты во владениях аль-Малика аль-Ашрафа были подавлены, и мятежные правители вернулись к покорности. Процесс завершился к 618 году, когда аль-Малик аль-Камиль все еще противостоял франкам. В начале 618 года аль-Камиль узнал, что проблемы аль-Ашрафа уменьшились, и он опять обратился к братьям за помощью. Правитель Дамаска снова попросил его брата помочь, и тот действительно выступил в поход с войсками, которые в тот момент были в его распоряжении, приказав остальным присоединиться к нему там, где он сможет остановиться и дождаться их. Некоторые эмиры и придворные советовали ему отправить войска дальше, а самому вернуться домой — они опасались восстания. Но он

отверг их совет. «Я отправился на священную войну, — заявил он, — и должен дойти до конца». И он пошел дальше — в Египет. Франки, собрав все свои силы, вышли из Дамьетты, чтобы принять бой с аль-Маликом аль-Камилем. Две армии разбили лагерь друг напротив друга, их разделял только приток Нила, известный как Бахр-Ашмун. Франки использовали против мусульман катапульты и баллисты, и не сомневались, что установят контроль над всем Египтом. Когда аль-Ашраф добрался до Египта, брат узнал о его прибытии и вышел ему навстречу. И он, и все мусульмане радовались этой встрече, которая — все на это надеялись — приведет к окончательной победе. Даже аль-Муаззам из Дамаска прибыл в Египет и направился к Дамьетте, думая, что его братья и их армии уже осадили ее. Другие говорили, что он услышал о передвижении других франков к Дамьетте (в попытке спастись от разлива Нила в дельте) и направился в этом направлении, чтобы вступить в бой, в то время как его братья нападут на них с тыла. Одному Аллаху известно, как было на самом деле. Когда аль-Ашраф и аль-Камиль встретились, они решили идти к рукаву Нила, известному как Бахр-аль-Махалла, что и сделали. Они все сильнее теснили франков. Мусульманские галеры шли вниз по Нилу, атаковали флот франков и захватили три корабля вместе с командами, грузом и оружием. Это обрадовало и воодушевило мусульман, которые восприняли это как добрый знак. Они воспрянули духом и ощутили прилив сил, необходимых им для победы над врагом.

Тем временем представители двух сторон стали обсуждать условия перемирия. Мусульмане предложили франкам Аскалон, Тверию, Сидон, Джабалу, Лаодикею и все завоевания Саладина, за исключением Эль-Керака, в обмен на Дамьетту (это дает представление об относительной важности Дамьетты и мудрости франков, решивших захватить ее; Эль-Керак, исключенный из списка, — это Эль-Керак в Моабе, жизненно важный пункт на линии связи Сирии и Египта). Но франки отказались и потребовали 300 000 динаров в качестве возмещения за разрушение стен Иерусалима, которые должны были пойти на их восстановление.

Также они сказали, что не могут отказаться от притязаний на Эль-Керак. В такой ситуации мусульманам ничего не оставалось делать — только продолжать борьбу.

Франки были уверены в своих силах и привезли с собой продовольствия только на несколько дней, считая, что мусульмане не окажут сопротивления и все обрабатываемые земли Египта окажутся у них в руках, а значит, они смогут получить любое продовольствие, какое захотят. Отряд мусульман переправился через реку на сторону франков и открыл плотины. Река разлилась, и у франков остался только один путь вдоль узкой дамбы. Аль-Камиль перебросил мост через Нил в Ашмуне, войска перешли его и перекрыли дорогу, по которой франки должны были пройти, чтобы добраться до Дамьетты. Спасения не было. В этой ситуации к франкам прибыло большое грузовое судно — *марамма*. Его защищал конвой брандеров. Все они были нагружены продовольствием, оружием и подкреплениями. Мусульманские галеры напали на них и одержали верх. Они захватили *марамму* и все брандеры. Увидев это, франки пали духом и поняли, что совершили серьезную ошибку, уйдя из Дамьетты и вторгшись на неизвестную территорию. Мусульмане нападали на них со всех сторон. Ситуация стала настолько серьезной для франков, что они сожгли свои палатки и обоз и решили напасть на мусульман налегке, в надежде прорваться и вернуться в Дамьетту. Но их цель была далека, а путь к ней со всех сторон ограничен илом и водой и блокирован мусульманами.

Когда франки поняли, что оказались в полном окружении, без связи, и их гибель неминуема, они совсем пали духом и сломали кресты. Их бог покинул их. Они послали гонцов к аль-Камилю и аль-Ашрафу с предложением Дамьетты в обмен на свои жизни. Пока шли переговоры, люди увидели облако пыли и услышали шум со стороны Дамьетты. Мусульмане решили, что к франкам идет подкрепление, и встревожились. На самом деле это был аль-Малик аль-Муаззам, который шел к Дамьетте. Он укрепил ряды мусульман и привел франков в отчаяние. Они согласились на мир в обмен на Дамьетту. Соглашение было до-

стигнуто и клятвы даны в 7-й день месяца раджаб 618 / 27 августа 1221 года. Франкские короли, графы и бароны прибыли в Дамиетту, чтобы стать заложниками. Там были король Акры, папский легат, Людвиг Баварский и другие, всего двадцать человек. Они послали своих священнослужителей и монахов в Дамиетту, чтобы вести переговоры о мире. Город был сдан в 9-й день месяца — это был памятный день для ислама. Говорят, что, когда мусульмане получили город от франков, к ним прибыла помощь морем. Если бы она успела к городу раньше, он не был бы сдан. Но мусульмане прибыли первыми, потому что так решил Аллах. Из всего населения Дамиетты осталось лишь несколько человек. Когда мусульмане вошли в город, они обнаружили, что он хорошо укреплен франками — можно сказать, они сделали его неприступным. Но всемогущий Аллах восстановил справедливость и даровал мусульманам победу. Они надеялись обменять Дамиетту на всю остальную Сирию, но Аллах дал им Дамиетту и позволил сохранить Сирию. Хвала Аллаху, избавившему мусульман от угрозы, за его милосердие к мусульманам и исламу.

Другие подробности капитуляции франков

Ибн Васил

Франки отправили послов к аль-Малику аль-Камилю и его двум братьям, аль-Малику аль-Муаззаму и аль-Малику аль-Ашрафу, с просьбой пощадить их жизни в обмен на Дамиетту. Аль-Малик аль-Камиль посоветовался с принцами своего дома. Одни говорили ему, что надо обещать им амнистию, но сразу схватить, пока они в его владениях и составляют большинство неверных (на мусульманской земле). Сделав это, он сможет получить Дамиетту и части Палестины, которые были в их руках. Но султан аль-Малик аль-Камиль не согласился. Он сказал: «Есть и другие франки. Даже если мы уничтожим их тоже, потребуется много времени и сил, чтобы завоевать Дамиетту. Франки за морем узнают о случившемся, и их при-

будет сюда вдвое больше, чем уже есть сейчас, и будет осада». В это время войска уже устали от войны. Франкская оккупация Египта продолжалась три года и три месяца. И все согласились с решением султана даровать франкам жизнь в обмен на Дамиетту. Петиция франков была принята при условии, что аль-Малик аль-Камиль будет удерживать их заложников до капитуляции Дамиетты. Франки тоже потребовали в заложники одного из сыновей аль-Камиля и группу знати, как гарантию жизни своего короля. Итак, понимание было достигнуто и клятвы даны. Это было в 7-й день месяца раджаб 618 года. Франкскими заложниками были: король Акры, папский легат — представитель римского папы, король Людвиг и другие лорды — всего их было двадцать человек. Заложниками аль-Камиля стали его сын аль-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Айюб (правитель Египта в 1240—1249 годах) и группа знати. Аль-Малик ас-Салих в это время едва достиг пятнадцатилетнего возраста — он родился в 603 году. Когда знатные люди предстали перед аль-Маликом аль-Камилем, он провел аудиенцию с большой пышностью в присутствии всех принцев своего дома. Франки получили впечатление о его королевском величии и могуществе. [...]

Когда Дамиетта сдалась, франкские и мусульманские заложники вернулись в свои дома, и султан доверил управление эмиру Шуйя ад-Дин Журдик аль-Музаффар ан-Нури, опытному и достойному человеку. Франки обнаружили, что у них в Дамиетте есть несколько больших мачт для кораблей, и они пожелали увезти их с собой. Шуйя ад-Дин Журдик аль-Музаффар ан-Нури отказал им, и потому они написали жалобу султану. Франки утверждали, что мачты — их собственность, и, по условиям договора, им должно быть разрешено их увезти. Аль-Малик аль-Камиль написал эмиру и велел отдать им мачты, но тот продолжал упорствовать. «Франки забрали кафедру из большой мечети Дамаска, — сказал он, — разрубили ее на части и послали по кусочку каждому из своих королей; пусть султан обяжет их вернуть кафедру, и тогда мачты будут их». Франки не могли выполнить это условие и потому отказались от претензии на мачты.

ГЛАВА 2

Бескровный крестовый поход Фридриха II, дипломатическая стычка, ставшая одним из эпизодов вражды Айюбидов, которые были наследниками аль-Адила, оставила интересные следы в мусульманских источниках эпохи. Здесь основные источники — Сибт ибн аль-Джаузи, очевидец мусульманской реакции на сдачу Иерусалима Гогенштауфену, и ибн Васил, который не знал Фридриха лично, но позже был послом у Манфреда в Южной Италии и оставил личный, живой, хотя и не всегда точный рассказ. Люди, близкие к императору во время его визита в Иерусалим, видели его происламские склонности в политических вопросах, его религиозный скептицизм и пренебрежение. Их впечатления, будь они известны в Европе, стали бы поддержкой инспирированной Ватиканом полемики, направленной против Фридриха. Пример можно найти в дипломатической переписке Фридриха, в двух написанных по-арабски письмах, отправленных им после возвращения в Италию своему другу, эмиру при дворе Айюбидов. Они сохранены для нас неизвестным восточным хронистом. За типичной арабской риторикой, которая определенно является работой арабского секретаря, конкретные исторические ссылки раскрывают его осознание императорского достоинства и ожесточенную враждебность по отношению к папе, которые видны и в других его публичных высказываниях.

Прибытие в Акру императора Фридриха, короля франков

Ибн Васил

В 625/1228 году император Фридрих прибыл в Акру с большой группой германцев и других франков. Мы уже описывали, как эмир Фахр ад-Дин, сын шейха аш-Шуйуха, был послан к королю-императору от султана аль-Малика аль-Камиля. Это было при аль-Малике аль-Муаззаме

(правитель Дамаска, брат аль-Камиля, поспешивший на помощь брату при Дамиетте; после этого отношения между братьями ухудшились, и напряжение между ними, вызванное Джалал ад-Дином, султаном Хорезма и эмиром Арбелы, заставило аль-Камиля обратиться к Фридриху). Обращение к императору, королю франков, и его приглашение были вызваны желанием создать трудности для аль-Малика аль-Муаззама и не позволить ему воспользоваться помощью, предложенной ему султаном Джалал ад-Дин ибн Ала ад-Дин Хорезмшахом и Музаффар ад-Дином из Арбелы, в ссоре с аль-Камилем и аль-Малик аль-Ашрафом.

Император провел подготовку, прибыл со своей армией на побережье Сирии в том же году и высадился в Акре. Там было много франков, но они не могли тронуться с места из страха перед аль-Малик аль-Муаззамом. Они ждали своего лидера — императора. Это слово на языке франков означает «король принцев». Его королевство состояло из острова Сицилия, Апулии и Ломбардии в длинной стране (Италии) (возможно, автор путает Ломбардию и Лангобардию, которые, согласно арабской системе географических названий, существовавшей в то время, относились, соответственно, к региону, расположенному к северо-западу от Капитанате (Лукания) и Мурдже (к северо-западу от Фоджи) и прибрежному региону Апулия; в арабских титулах Фридриха появляются оба названия, что явствует из приведенного далее письма). Автор, Джамал ад-Дин ибн Васил, утверждает: я видел эти части, когда был послом султана аль-Малик аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарса, да будет благословенна его память, к сыну императора по имени Манфред. Император — это франкский король, отличившийся и талантливый, прилежно изучавший философию, логику и медицину, друг мусульман. Его дом — Сицилия, где он получил образование. Он, его отец и дед были королями острова, на котором жили в основном мусульмане.

Когда император прибыл в Акру, он уже не был нужен султану аль-Малик аль-Камилю, потому что его брат аль-Малик аль-Муаззам, который был причиной, по которой

к Фридриху обратились за помощью, к этому времени умер. Отослать его обратно или даже напасть на него тоже было невозможно, ввиду условий предварительного соглашения, и потому что это помешало бы аль-Камилю достичь заветной цели. Поэтому он заключил договор с Фридрихом и обращался с ним с большим уважением. [...] Император обосновался в Акре, и между ним и аль-Камилем до конца года сновали послы.

Иерусалим передан франкам

Ибн Васил

Последовали переговоры между аль-Малик аль-Камилем и императором, цель которых была установлена ранее, когда аль-Камиль и император встретились впервые, еще до смерти аль-Малик аль-Муаззама. Франкский король отказался возвращаться домой, если не будут выполнены его условия, среди которых была сдача Иерусалима и часть территории, захваченной Саладином (Фридрих вспомнил предложение, сделанное крестоносцам в 1220 году в Дамiette, — сдать всю Палестину; для императора папский легат Пелагий постепенно стал «моим представителем, главой моих слуг»; «И ты должен мне не меньше, чем готов предложить ему» — Макризи). В то же время аль-Камиль никоим образом не был готов отдать ему эти территории. В конце концов было согласовано, что он получит Иерусалим при условии, что не будет пытаться восстановить стены, ничего за пределами города не будет принадлежать франкам и все окрестные деревни станут мусульманскими, и мусульманский правитель будет жить в Эль-Бире — в провинции Иерусалим. Священные окрестности, включая Купол Скалы и мечеть аль-Акса, оставались мусульманскими, а франки получали право их посещать. Управление ими оставалось в руках тех, кто этим занимался, и, таким образом, на мусульманский культ ничто не влияло. Франки исключили из соглашения несколько деревень, расположенных по дороге из Акры в Иерусалим, которые должны

были принадлежать им, в отличие от остальной провинции Иерусалим.

Султан аль-Малик аль-Камиль утверждал, что если он порвет с императором, и не даст ему то, что он требует, результатом будет война с франками, в которой мусульмане понесут невосполнимый ущерб, и все, к чему они долго и упорно стремились, выскользнет из их рук. Поэтому он склонялся к тому, чтобы удовлетворить франков, отдав им обезоруженный Иерусалим и заключив с ними временное перемирие. Позже, когда возникнет необходимость, он сможет получить от них уступки. Эмир Фахр ад-Дин ибн аш-Шейх вел переговоры от имени султана, и много обсуждений и споров имело место между ними. Император посылал аль-Малику аль-Камилю вопросы, касающиеся сложных философских, геометрических и математических проблем, чтобы проверить ученых мужей при его дворе. Султан передавал математические вопросы шейху Алам ад-Дин Кайсару, большому мастеру в этом искусстве, и другим ученым, которые отвечали на все. Султан и император поклялись соблюдать условия соглашения и заключили перемирие на установленный период (10 лет, 5 месяцев и сорок дней, начиная с 28-го дня первого месяца раби 626 / 24 февраля 1229 года — Макризи). Таким образом они урегулировали вопросы между собой, и каждая сторона была уверена в другой. Мне говорили, что как-то раз император сказал эмиру Фахр ад-Дину: «Если бы я не опасался, что пострадает мой престиж среди франков, я бы не стал навязывать эти условия султану. На самом деле я вовсе не стремлюсь получить Иерусалим или какие-то другие города. Я всего лишь хочу сохранить репутацию у христиан».

После заключения перемирия султан распорядился, чтобы мусульмане покинули Иерусалим и передали его франкам. Мусульмане покинули город, стена и причита. Новость быстро распространилась по всему мусульманскому миру, который стал оплакивать утрату Иерусалима, назвал поступок аль-Камиля позорным — ведь завоевание Святого города у неверных считалось одним из величайших достижений аль-Малика ан-Насира Сала-

дина — да покоится он с миром. Но только аль-Малик аль-Камиль знал, что мусульмане не смогут защитить себя в неукрепленном Иерусалиме, и не сомневался, что, когда он достигнет своей цели и овладеет ситуацией, он сможет очистить Иерусалим от франков, изгнав их. «Мы всего лишь уступили им несколько церквей и разрушенных домов. Священные места — Скала и другие святыни, к которым мы совершаем паломничества, как и прежде, остаются нашими. Мусульманские ритуалы продолжают исполняться, как и прежде, и у мусульман есть свой правитель в провинции».

После достижения договоренности император попросил у султана разрешения посетить Иерусалим. Султан дал его и велел кади Наблуса Шамс ад-Дину, который пользовался большим уважением у Айюбидов, сопровождать императора во время визита в Иерусалим — до возвращения в Акру. Автор Джамал ад-Дин ибн Васил говорит: «Кади из Наблуса Шамс ад-Дин благословенной памяти рассказывал мне: «Я занял место рядом с ним, как султан аль-Малик аль-Камиль приказал мне, и вошел на Священную территорию вместе с ним, где он осмотрел нижние святилища. Затем я отправился с ним к аль-Аксе, которой он восхитился, так же как и Куполом Скалы. Когда мы пришли к михрабу, он восхищался его красотой и высоко оценил кафедру, на которую поднялся. Когда он спустился, то взял меня за руку, и мы пошли в сторону аль-Аксы. Там он заметил одного патера, который хотел с Евангелием в руках войти в мечеть. Рассерженный император воскликнул: «Кто тебя привел сюда? Богом клянусь, если хотя бы один из вас осмелится без разрешения переступить сей порог, велю выколоть глаза ослушнику. Все мы — слуги и рабы султана аль-Малик аль-Камиля. Он передал эту церковь мне в порядке любезности. Не желаю, чтобы кто-то из вас превышал свои обязанности». Перепуганный патер быстро удалился. Затем король отправился в приготовленный для него дом и поселился в нем». Кади Шамс ад-Дин говорит: «Той ночью я попросил муэдзина не тревожить императора и не призывать к молитве. Однако, когда на другой день я отправился

к императору, он спросил: «О кади, почему муэдзины не призывали, как обычно, к молитве?» Я ответил: «Это я, Ваш покорный слуга, запретил им ради спокойствия вашего величества». Император заметил, что не следовало этого делать, и объяснил, что остался в Иерусалиме на ночь прежде всего затем, чтобы услышать ночной призыв муэдзина». Днем он вернулся в Акру.

Когда новость о потере Иерусалима достигла Дамаска, аль-Малик ан-Насир принялся ругать дядю аль-Малик аль-Камиля за то, что он отвратил от себя людей. Он велел проповеднику, шейху Шамс ад-Дин Юсуфу, племяннику (sibt) шейха Джамал ад-Дин ибн Джаузи, который пользовался большой народной любовью, прочитать проповедь в большой мечети Дамаска. Он должен был вспомнить историю Иерусалима, святые традиции и легенды, связанные с этим городом, заставить людей горевать о его утрате и упомянуть об унижении и позоре, который навлекла на мусульман эта утрата. Таким образом аль-Малик ан-Насир Дауд хотел отвратить людей от аль-Малика аль-Камиля и обеспечить их верность себе, чтобы потягаться с дядей. (Мы уже упоминали о ссоре между аль-Малик аль-Камилем и аль-Малик аль-Муаззамом из Дамаска, которая привела к вызову Фридриха. Ан-Насир, сменивший отца в Дамаске, теперь рассчитывал использовать эмоции, вызванные потерей Иерусалима, чтобы укрепить свою слабеющую власть. Шамс ад-Дин подготовил проповедь, как ему велели, и люди пришли его слушать. Это был памятный день, когда стоны, крики и рыдания толпы достигали небес. Я сам был одним из толпы, и среди того, что проповедник говорил, я слышал от него *касиду*, рифмующуюся на -т, в которую он вставил несколько строк поэта Дибиль аль-Хусаи. Мне запомнилось следующее:

В святилище вознесения и на скале, которая превосходит своей славой все другие скалы мира,

Есть коранические школы, где теперь не читают священные стихи, и место откровения в теперь покинутых дворах.

В тот день мы видели только рыдающих мужчин и женщин. Теперь, когда перемирие между аль-Малик аль-

Камилем и императором вступило в силу, последний поднял якорь и отправился домой. Это было в конце второго месяца джумада / мае 1229 года», — сообщает Макризи.

Горе мусульман в Дамаске. Фридрих в Иерусалиме

Сибт ибн аль-Джаузи

Весть о потере Иерусалима дошла до Дамаска, и горе охватило все земли ислама. Трагедия была так велика, что даже начали проводиться специальные траурные церемонии. Аль-Малик ан-Насир Дауд пригласил меня участвовать на одной из встреч в большой мечети Дамаска и поговорить о том, что случилось в Иерусалиме. Я не мог ему отказать, считая своим религиозным долгом подчиниться его желанию. Я делал это для всего ислама. Поэтому я поднялся на кафедру большой мечети Дамаска, у ворот Машхад-Али, в присутствии аль-Малик ан-Насир Дауда. Это был памятный день. Никто из жителей Дамаска не остался в стороне. В своей речи я сказал: «Дорога в Иерусалим закрыта для благочестивых гостей. Горе тем, кто там живет! Сколько раз они падали ниц и возносили Всевышнему молитвы! Как много слез они пролили! Видит Аллах, даже если бы их глаза были ручьями, они не смогли бы излить всю полноту их горя. Если бы их сердца разорвались от скорби, это не уменьшило бы их мучений. Да очистит Аллах доброе имя правоверных! Позор мусульманским правителям! При таком событии льются слезы, разрываются сердца от тяжких вздохов, горе поднимается высоко...» и далее в том же духе. Поэты тоже слагали по этому поводу многочисленные стихи.

Император вошел в Иерусалим, когда Дамаск был в осаде (аль-Камиль и аль-Ашраф объединились против своего племянника ан-Насира). Во время его визита произошло много любопытных событий. К примеру, войдя в Купол Скалы, он увидел священника, сидящего возле отпечатка Священной Ноги и берущего кусочки бумаги у франков (что это за кусочки бумаги — непонятно, но точно не бумажные деньги в качестве милостыни; ибн Васил

утверждает, что у него в руках был Новый Завет). Император подошел к нему, словно желал получить благословение, и нанес ему удар, сбивший священника на землю. «Свинья! — закричал император. — Султан оказал нам честь, позволив заходить сюда, а ты ведешь себя так. Если кто-нибудь из вас снова здесь появится, я убью его!» Сцена была описана одним из зрителей Купола Скалы. Они также говорили, что император взглянул на надпись внутри святыни и сказал: «Саладин очистил город Иерусалим от многобожников... Кто эти многобожники?» Еще он спросил у зрителей, для чего предназначены сети у входа. Ему ответили, что сети поставлены, чтобы внутрь не залетали маленькие ласточки. Тогда император сказал: «Вместо этого Бог привел сюда великанов» (арабское слово *jabbarin* означает «великаны», а также «властелины, тираны»; Амари здесь читает, слегка изменив текст *khanazir*, «свиньи»; оба слова — насмешка над крестоносцами императора-материалиста; чтение слова *khanazir*, созвучное *asafir* — ласточки, наводит на мысль, что это не перевод, а каламбур Фридриха на арабском языке, который он, судя по восточным источникам, знал). Когда настал час полуденной молитвы и прозвучал призыв муэдзина, все его слуги, а также его наставник, с которым он читал «Логикку» Аристотеля, встали и начали молиться, потому что были мусульманами. Император — об этом тоже рассказывали зрители — был лыс, имел красноватую кожу и плохое зрение. Будь он рабом, не стоил бы и двухсот дирхемов. Из его слов было ясно, что он материалист и христианство было для него игрой. Аль-Камиль велел кади Наблуса, Шамс ад-Дину, чтобы во время пребывания императора в Иерусалиме муэдзины не призывали к молитве. Кади забыл сказать об этом муэдзину Абд аль-Кариму, тот на рассвете поднялся на минарет и стал читать стихи Корана о христианах, такие как «У Бога нет никаких детей» (Коран XXIII, 93), намекая на Иисуса, сына Марии, и прочие. Утром кади призвал муэдзина к себе и спросил, зачем он это сделал, ведь приказ султана был ясен. Абд аль-Карим ответил: «Ты не сказал мне, прости». На следующую ночь призыва к молитве не было. Утром импе-

ратор спросил у кади, который сопровождал его в Иерусалим: «О кади, где тот человек, который вчера поднимался на минарет и говорил эти слова?» И кади рассказал ему о приказе султана. Император сказал: «Ты поступил неправильно, кади. Зачем же изменять обычаи, закон и веру ради меня? Если бы ты приехал в мою страну, я бы не стал приказывать, чтобы ради тебя замолчали церковные колокола. Богом прошу, не делай так больше». После этого он раздал деньги хранителям, и муэдзинам, и другим благочестивым людям, пришедшим в Купол Скалы, — по десять динаров каждому. Он провел только две ночи в Иерусалиме, после чего вернулся в Яффу, опасаясь тамплиеров, которые хотели его убить.

Последующие отношения между Гогенштауфеном и Айюбидами

Ибн Васил

Император был искренним другом аль-Малик аль-Камиля, и они обменивались письмами до самой смерти султана, которого сменил на троне его сын аль-Малик аль-Адиль Саиф ад-Дин Абу Бакр (1238—1240). С ним тоже император поддерживал дружеские отношения и переписку. Когда аль-Адиль умер и на трон взошел его брат аль-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Айюб (1240—1249), отношения остались неизменными. Аль-Малик ас-Салих послал к императору ученого шейха Сирадж ад-Дин Урмави, кади Малой Азии, и тот провел какое-то время при императорском дворе, как почетный гость императора, и написал для него книгу по логике. Император воздал ему многочисленные почести. После этого шейх вернулся домой. В 647/1249 году, когда король Франции, один из величайших франкских королей, напал на Египет, император послал ему письмо, в котором постарался отговорить его от экспедиции и предупредил о возможных последствиях, но французский король не последовал его совету. Сэр Берто, церемониймейстер императорского сына Ман-

фреда (в арабском тексте сохранились только последние буквы имени этого человека, ответственного за развлечения послов и других важных гостей, сэра Берто — догадка, основанная на группе символов), поведал мне следующее. Фридрих отправил его с секретной миссией к аль-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Айюбу, чтобы предупредить его о решении короля Франции напасть на Египет. Он посоветовал султану приготовиться к нападению, что тот не преминул сделать. Сэр Берто утверждал, что путешествовал под видом купца, никто не узнал о его визите к султану, и франки так и не поняли, что император строит козни с мусульманами против них. Когда аль-Малик ас-Салих умер и короля Франции постигла судьба, которой он заслуживал, — поражение и разгром его армии, его пленение, его освобождение после убийства аль-Малик аль-Муаззама, взявшего его в плен, и его возвращение домой, — император напомнил ему о своем совете и выразил сожаление из-за всех несчастий, которые он навлек на себя. Император умер в 648/1250 году, спустя год после смерти аль-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Айюба. Его преемником стал его сын Конрад. Когда тот тоже умер, на трон взшел его брат Манфред. Всех троих ненавидел папа — франкский халиф — из-за их симпатии к мусульманам. Папа, халиф франков, и Манфред воевали, и Манфред одержал верх.

Кади Джамал ад-Дин, главный кади Хамата, рассказывает: «Я был послом к Манфреду султана аль-Малик аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарса благословенной памяти в месяце Рамадан 659 / августе 1261 года. Он принял меня с большими почестями в городе Барлетта в Апулии — это длинная страна рядом с Испанией (ни один человек из тех, кому довелось взглянуть на карты Идриси, не удивится уверенности мусульман, что Италия и Испания рядом). Я несколько раз встречался с ним и нашел его замечательным человеком, который любил диалектические науки и знал десять книга Евклида наизусть. Возле города, где он жил, был город, названный Лучера, все жители которого были мусульманами с острова Сицилия. Они открыто исповедовали мусульманскую веру и проводили публичные

молитвы по пятницам. Так было со времен отца императора Манфреда — Фридриха. Он решил строить там научный институт (ценная информация, ранее неизвестная, о культурной жизни мусульман Лучеры; основателем этого *dar al-ilm*, очевидно, был Манфред, но идея вполне могла принадлежать Фридриху) для изучения всех областей теоретических наук. Все его придворные были мусульмане, и в его лагере открыто звучали призывы к молитве.

Когда я вернулся домой, пришла весть, что римский папа вместе с братом короля Франции, упомянутым ранее (Карл Анжуйский, брат Людовика IX), собирает армию для нападения. Рим находился в пяти днях пути от города, где я был. Папа уже отлучил от церкви Манфреда за его мусульманские склонности и за то, что он опозорил христианский религиозный закон. Его брат и отец, император Фридрих, тоже были отлучены от церкви папой римским за те же прегрешения. Говорят, что для них папа римский — наместник мессии, его представитель на земле. У него есть право решать, что разрешено, а что — запрещено, а также лишать и разделять. Это он коронует их монархов, и все, что они делают, нуждается в его одобрении. Когда римский папа умирает, его преемником становится человек, тоже наделенный божественными качествами.

Когда я был на земле франков, мне рассказали странную историю, согласно которой титул императора до времени Фридриха принадлежал его отцу, который умер, когда сын был еще мальчиком. Несколько франкских королей желали занять место императора, и каждый надеялся, что римский папа даст титул ему. Фридрих был германцем (германцы — одна из франкских наций) — человеком коварным и проницательным. Он встретился с каждым из претендентов лично и сказал каждому: «Мне не нужен этот титул. Я его недостойн. Когда встретимся с папой, скажи ему, что оставляешь выбор Фридриху и подчинишься его решению. Все же он сын покойного императора. Я выберу из всех тебя и буду помогать тебе и поддерживать, стану твоим верным союзником». Фридрих сказал эти слова каждому претенденту, и каждый поверил в его искрен-

ность. Все они встретились в Риме. Фридрих тоже там был. Он велел большой группе знатных людей своего королевства сесть на коней и ждать возле большой церкви в Риме, где проходила встреча. Когда все собрались, папа спросил королей: «Как вы думаете, кто из вас самый достойный этой высокой должности?» — и он положил перед ними королевскую корону. Все они ответили, что представляют решение Фридриху, сыну покойного императора, и обязуются подчиниться его решению. Тогда Фридрих встал и объявил: «Я сын покойного императора и достоин стать его преемником». И папа возложил корону на его голову. Пока все собравшиеся, потрясенные услышанным, пытались осмыслить, что произошло, Фридрих с короной на голове поспешно покинул церковь и уехал, окруженный германцами, ждавшими его у дверей. Вместе с ними он постарался как можно скорее добраться до своих владений. Впоследствии он совершил деяния, которые у франков караются отлучением от церкви, и был отлучен.

Мне говорили, что в Акре император спросил эмира Фахр ад-Дин ибн аш-Шейха благословенной памяти: «Объясни мне, кто такой халиф». Фахр ад-Дин ответил, что халиф — это потомок пророка, которого Аллах благословил и спас (определение относится к династии Аббасидов, которые были потомками дяди Мухаммеда — Аббаса). Халиф получил титул от отца, а его отец — от своего отца, так что халифат постоянно оставался в руках родственников пророка. Император был удовлетворен. «Это здорово, — сказал он. — А наши глупцы — он имел в виду франков — вытаскивают человека из навозной кучи, не имеющего никакого отношения к Мессии, невежественного и неспособного заставить себя понять, и делают его халифом, представителем Мессии среди них. Хотя такой человек заведомо не может быть достойным такой должности. В то время как ваш халиф, потомок пророка, явно достойнее для занятия своей должности, чем любой другой» (из этого и других отрывков видно, что в то время люди осознавали наличие определенных параллелей между халифатом и папством, несмотря на глубочайшие различия между этими двумя институтами).

Папа римский и брат короля Франции напали на Манфреда, сына императора, и в решающей битве разгромили его армию, а его самого взяли в плен. Папа приказал его убить, и это было сделано. Брат короля Франции правил землями, принадлежавшими сыну императора, и владел ими. Это случилось, я думаю, в 663/1265 году.

Два арабских письма, написанные Фридрихом

Тарих Мансури

В году 627/1229 в Харран (Харран в Месопотамии был частью владений Айюбидов) прибыл посол от императора к аль-Камилю. Он доставил письмо императора к Фахр ад-Дину, ранее сопровождавшему его в поездке по Святой земле. Вначале идет вступительная часть с перечислением многочисленных титулов, затем — стихи и ритмическая проза, выражающие странные образы, что характерно для арабской риторики, но, как правило, непонятно для европейского читателя. Далее в письме сказано (текст приводится в сокращении и, по возможности, избавлен от стилистических фигур, призванных усилить образность языка и художественную выразительность речи, которые нередко скрывают смысл):

«После отъезда мы чувствуем одиночество и большое желание встретиться с Фахр ад-Дином, который был нам добрым спутником и другом, старался исполнять наши желания, помогал во всем. Вместе с ним мы чувствовали мир и покой, а в разлуке — боль и отчаяние. В разлуке нас одолевают мысли о смерти.

Но мы понимаем, что наш друг хотел бы услышать о нас хорошие новости, узнать о наших благих делах. Хотим сообщить, что, как мы уже говорили в Сидоне, папа обманом захватил одну из наших крепостей, Монте-Кассино, которую сдал ему проклятый аббат. Он сделал бы еще больше зла, но не смог, поскольку наши преданные подданные ожидали нашего возвращения. Тогда он распространил ложную весть о нашей смерти и заставил карди-

налов поклясться, что наше возвращение невозможно. Они хотели обмануть население, внушая всем, что после нас никто не может управлять нашими владениями лучше и сохранить их для нашего сына, чем папа. Некоторые пошли у него на поводу. Когда мы подошли к воротам хорошо укрепленного Бриндизи, выяснилось, что король Иоанн де Бриенн и папская армия под его командованием в отсутствие Фридриха систематически разоряли его владения. Он усомнился в нашем возвращении, поскольку кардиналы поклялись, что это невозможно. Мы послали гонцов с письмами, сообщающими о нашем благополучном возвращении, и наши враги забеспокоились и отступили, а подданные снова стали покорными. Лангобарды, составлявшие большую часть их армии, не смогли вынести того, что их будут считать мятежниками, нарушившими клятву верности своему господину, и вернулись. А король Иоанн и его сподвижники собрались вместе в узкой долине, откуда не могли выбраться, поскольку теперь все были против них. А мы собрали большую армию из верных людей и двинулись к вражеским территориям.

В заключение мы хотим сообщить, что желали бы часто получать от тебя письма. (Затем следуют многословные пожелания всего самого лучшего). Написано в Барлетте 23 августа второго индикта (период в пятнадцать лет)».

Далее приводится текст второго письма, в котором вступительная часть аналогична первому и содержатся следующие новости:

«Мы собрали большую армию и спешим вступить в бой с теми, кто ждет нас и, в отличие от других, не бежал. Случилось то, чего мы ждали: они осадили один из наших фортов (вероятно, Каяццо, осажденный в сентябре 1229 года), используя катапульты и все прочие виды осадных машин. Но услышав о нашем наступлении, несмотря на то что нас разделяло еще очень большое расстояние, они немедленно сожгли все осадные машины и бежали. Мы наступали быстро, горя желанием разбить наших врагов. Папа решил потребовать тех, кого мы там обнаружили, и отослал их обратно, опасаясь за их жизни (?) и сожалея об их заговоре. Другие наши новости, если Богу будет угодно, мы сообщим позже».

Мы привели здесь эти письма, чтобы ясно показать природу королей, которые окружали короля-императора, и степень его власти. На самом деле никто из христианских владык со времен Александра Великого не правил королевством, равным его королевству, особенно с учетом его могущества, отношения к их халифу, папе и смелости, которая помогла ему напасть на него и отбросить.

ГЛАВА 3

Финальное наступление эпохи Крестовых походов — египетская экспедиция Людовика IX, которая была принята, чтобы сделать еще одну попытку захватить те места, которые тщетно осаждали тридцатью годами ранее Пелагий и Иоанн де Бриенн. Самые важные арабские источники этого периода — ибн Васил и Макризи. Первый являлся современником и, зачастую, свидетелем событий, которые он описал. Второй писал позднее и был, как и многие другие, компилятором более ранних материалов. Его рассказ довольно точно совпадает с повествованием ибн Васила, но обогащает его различными деталями, взятыми из других источников, или из общего, неизвестного нам источника. Здесь мы берем за основу версию драматических событий Крестового похода, изложенную ибн Василом, а у Макризи — только отдельные документы и, как заключительное слово, план Тунисской экспедиции, имевшей место двадцатью годами позже, в которой Людовик лишился жизни.

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ЛЮДОВИКА СВЯТОГО

Франки прибывают в Египет и занимают Дамиетту

Ибн Васил

В 2 часа в четверг, 20-й день месяца сафар 645 / 5 июня 1249 года большой франкский флот, включая все корабли

с сирийского побережья, прибыл и бросил якорь в устье Нила напротив мусульман. Был поставлен шатер короля франков (красного цвета). Враг был атакован несколькими отрядами мусульман, и среди них был человек, павший в тот день мучеником за веру, — эмир Наджм ад-Дин ибн Шейх аль-Ислам. Мы уже говорили о том, что он и его брат Шихаб ад-Дин сопровождали аль-Малик ас-Салиха в Эл-Керак по приказу аль-Малик аль-Насир Дауда. Другой египетский эмир, павший среди храбрых, — это некто аль-Вазири. Вечером эмир Фахр ад-Дин Юсуф ибн Шейх аш-Шуйух (двадцатью годами раньше он вел переговоры с Фридрихом и теперь был поставлен во главе обороны Египта больным султаном из Айюбидов по имени аль-Малик ас-Салих) выступил во главе египетских войск. Он перерезал мост, ведущий на восточный берег, где стояла Дамиетта, так что теперь западный берег был целиком в руках франков. На следующее утро армия, которую возглавлял больной султан, без всяких понуждений и понуканий выступила к Ашмун-Таннаху. Даже Фах ад-Дин выдвинулся в этом направлении, и на восточном берегу тоже не осталось мусульманских войск, чтобы его защитить.

Люди Дамиетты опасались за свою жизнь в случае осады. Конечно, в городе был гарнизон из смелых кинанитов, но Аллах вселил страх в их сердца, и они ушли из Дамиетты вместе с населением, и шли всю ночь. Они покинули город, и в нем не осталось ни одной живой души — ни мужчин, ни женщин, ни детей. Все они ушли под покровом ночи, вместе с армией, и направились в сторону Ашмун-Таннаха. Поведение горожан, Фахр ад-Дина и войска было позорным. Если бы Фахр ад-Дин предотвратил всеобщее бегство и сохранил твердость, Дамиетта смогла бы себя защитить, ведь когда франки атаковали ее в первый раз — во время правления аль-Малик аль-Камиля, она еще хуже снабжалась продовольствием и оружием, и все же враг не мог взять ее целый год. На самом деле осада началась в 615/1218 году и была снята в 6161/1219 году, и враг не мог добиться успеха, пока население не уменьшилось из-за голода и чумы. Если бы кинаниты

и жители Дамиетты закрыли городские ворота и остались в городе, после того как армия ушла в Ашмун-Таннах, франки ничего не смогли бы с ними поделать. Армия могла бы защитить своих людей. У них было продовольствие, амуниция, оружие, и они могли защищать город не меньше двух лет. Но когда Аллах что-то решает, человек уже ничего не может изменить. Однако горожан Дамиетты не стоит винить. Они видели бегство войск, слышали о тяжелой болезни султана и, вполне обоснованно, боялись долгой осады и голодной смерти.

Однажды утром в воскресенье, 23-й день месяца сафар, франки подошли к Дамиетте. Город был покинут, его ворота — открыты. Они заняли город, не нанеся ни одного удара, и захватили все запасы, которые там были. Это была катастрофа, не имевшая себе равных. Автор этой истории говорит: в воскресенье утром гонец принес весть эмиру Хусам ад-Дин Мухаммеду ибн Аби Али аль-Хадбани, с которым был я. Было большое горе и удивление, и отчаяние пало на весь Египет, тем более что султан был болен, слишком слаб, чтобы двигаться, и не имел сил командовать армией. Наоборот, теперь армия пыталась навязать ему свою волю. Помимо всего этого, когда жители Дамиетты и кинаниты прибыли к султану, он разозлился на кинанитов и велел их всех повесить, что и было сделано. Он также был расстроен поведением Фахр ад-Дина и его войска, но обстоятельства заставили его собрать их снова, обходя молчанием то, что они сделали.

Аль-Малик ас-Салих отступает и разбивает лагерь у Мансуры

Ибн Васил

После этих событий султан аль-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Айюб выступил со своей армией в направлении Мансуры, где разбил лагерь. Именно здесь разбил лагерь его отец аль-Малик аль-Камиль во время первой атаки на Дамиетту. Город стоял на восточном берегу Нила, напро-

тив Жаржира (Jarjir), а канал Ашмун-Таннах отделял его от полуострова, на котором располагалась Дамиетта («полуостров» относится к узкой полоске земли между Нилом и озером Манзала, в конце которого находится Дамиетта). Мы уже говорили, что аль-Малик ас-Салих тоже разбил здесь лагерь и построил стену между ним и Нилом. Его отец аль-Малик аль-Камиль имел большой дворец на Ниле. Аль-Малик ас-Салих остановился там и поставил свой шатер рядом. Султан занял позицию в Мансуре во вторник, 25-й день месяца сафар. Армия начала возводить постройки и очищать места для базаров. Стена, выходившая на Нил, была восстановлена и укреплена куртиной. Подошли галеры и брандеры, груженные запасами и войсками, и бросили якорь под стеной. Кроме того, в Мансуру стекалось великое множество добровольцев, желающих сражаться за веру. Собрались арабы-бедуины и начали совершать набеги на франков. А те, со своей стороны, укрепили стены Дамиетты и заполнили город солдатами.

В понедельник, 29-й день первого месяца раби / 13 июля сорок шесть франкских пленных, среди которых было два рыцаря, прибыли Каир, захваченные бедуинами. В воскресенье, 5-й день второго месяца раби, прибыло еще тридцать девять пленных, захваченных арабами и людьми из Хорезма, и еще двадцать два пленника вошли в город в 7-й день второго месяца раби. В среду, 15-й день второго месяца раби, прибыли еще тридцать пять пленных, среди них три рыцаря. В пятницу, 24-й день второго месяца раби, пришла весть, что войска аль-Малик ас-Салиха в Дамаске напали на Сидон и приняли капитуляцию франков. После этого новые группы пленных франков стали прибывать постоянно. Только в пятницу, 18-й день первого месяца жумада / 30 августа их прибыло пятьдесят человек. Тем временем аль-Малик ас-Салих слабел. Силы покидали его. Доктора, не отходившие от него ни днем ни ночью, опасались за его жизнь. Его разум и сила воли остались прежними, но две тяжелые болезни объединились вместе, чтобы одолеть его, — язва в паху и туберкулез.

**Франки наступают и занимают позиции
напротив мусульман**

Ибн Васил

Когда франки услышали о смерти аль-Малик ас-Салиха (в 15-й день месяца шабан 647 / 24 ноября 1249 года), они вывели из Дамиетты главные силы. Их флот двигался вверх по течению, параллельно им и бросил якорь в районе Фарискура. Был четверг, 24-й день месяца шабан 647 года. В пятницу пришло письмо из Каира от эмира Фахр ад-Дина, призывавшего людей к участию в священной войне. Вместо подписи на нем была печать (sijill), такая же как у аль-Малик ас-Салиха (чью смерть тщательно скрывали от армии до тех пор, пока не приехал его сын аль-Малик аль-Муаззам, который и был возведен на трон). Печать должна была убедить людей, что письмо от него. Оно начиналось так: «Выходите в поход, легкими ли будете или тяжелыми, ревностно воюйте, жертвуя своим имуществом и своей жизнью на пути Божьем, в этом для вас благо, если вы знаете» (Коран IX, 41). Это было красивое красноречивое письмо, составленное, я так думаю, Баха ад-Дин Зухайром (известный поэт, служивший секретарем у Айюбидов). В нем было сказано, что франки идут на Египет огромными силами. Их ведет жажда завоеваний. Святой долг мусульман — взять в руки оружие и изгнать их. Письмо прочитали людям с кафедры большой мечети Каира. Слушатели рыдали и впадали в буйство. Из Каира, как и со всего Египта, огромные толпы шли в сторону Дамиетты для участия в священной войне. Смерть аль-Малика ас-Салиха вызвала великое горе. А франки, удерживавшие Дамиетту, тем временем поняли, что, если мусульманскую армию, стоявшую лагерем у Мансурь, заставить отступить хотя бы на небольшое расстояние, весь Египет будет принадлежать им.

Во вторник, 1-й день месяца Рамадан / 8 декабря 1249 года, между франками и мусульманами произошел ожесточенный бой. В нем мы потеряли одного из придворных, эмира аль-Алаи, и много других воинов. В по-

недельник, 7-й день месяца Рамадан, они стали лагерем в Барамуне, что вызвало большую тревогу у мусульман. Ведь теперь франкский король находился очень близко к мусульманской армии. В воскресенье, 13-й день месяца Рамадан, враг дошел до конца полуострова, где находилась Дамьетта, и оказался лицом к лицу с мусульманами. Основные силы армии находились в Мансуре, на восточном берегу, но часть, вместе с сыновьями аль-Малик ан-Насир Дауда и сыном аль-Малик аль-Муаззам (этот аль-Муаззам — брат аль-Камиля, отец ан-Насир Дауда из Дамаска и впоследствии Эль-Керака) занимали западный берег. В Каире в это время было двенадцать сыновей аль-Малик ан-Насира разного возраста. Также на том же берегу реки был брат аль-Малик ан-Насира по имени аль-Малик аль-Кахир, и еще аль-Малик аль-Мухит. Когда они достигли конца полуострова, где располагалась Дамьетта, столь крупными силами, франки начали окапываться, строить стену и устанавливать катапульты, чтобы напасть на мусульман, галеры которых были на противоположной стороне реки от Мансуры. Это привело к битве за господство на суше и море.

**Неожиданное нападение на мусульман в Мансуре.
Смерть эмира Фахр ад-Дин Юсуфа.
Победа мусульман**

Ибн Васил

Мы уже писали, что франки вышли лицом к лицу с мусульманами, и между двумя сторонами, разделенными Ашмуном, рукавом Нила, началось сражение. Ашмун — небольшой канал с несколькими узкими бродами. Мусульманин показал франкам, где можно безопасно перейти Ашмун, и утром во вторник, 5-й день месяца зуль-када / 10 февраля 1250 года франки сели на коней и направились к броду. Мусульмане внезапно обнаружили, что франки уже в их лагере. Эмир Фахр ад-Дин Юсуф ибн Шейх аш-Шуйух как раз совершал омовение, когда услышал крик,

что франки застали мусульман врасплох. Он вскочил в седло — без оружия или каких-то других средств защиты. Банда франков напала на него и убила (согласно более подробному рассказу Макризи, это был отряд тамплиеров). Это был достойный человек, образованный и культурный, щедрый и мудрый, благородный и великодушный, ему не было равных ни среди его братьев, ни среди других людей. Он был успешным и достиг высокого положения — выше был только аль-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Айюб. Он даже имел право на трон (и был регентом Египта в период между смертью ас-Салиха и коронацией аль-Муаззама). Но Аллах решил, что он должен стать мучеником за веру.

Франкский король вошел в Мансуру и достиг дворца султана. Франки шли по узким городским улочкам, а население — гражданские и военные люди — разбегалось от них во все стороны. Ислам уже ждал смертельного удара, и франки были уверены в победе. Мусульманам повезло, что франки разбрелись по улицам. В момент наивысшей опасности появился большой отряд мамлюков аль-Малика ас-Салиха, бахриты и жамдариты (бахриты — первая мамлюкская династия, названная так, поскольку они располагались в Каире на Ниле — *bahr*; жамдариты — мамлюкский полк), львы войны. Они напали на врага и стали теснить его. Франки были убиты мечами и дубинками. Бахриты убивали и изгоняли франков с улиц Мансуры, и те потеряли 1500 своих лучших кавалеристов. Тем временем их пехота достигла моста через Ашмун и приготовилась к переходу через него. Если бы его оборона была слабой, крупные силы франкской пехоты смогли бы переправиться на мусульманскую сторону и мусульмане понесли бы ужасный ущерб, потому что их было так много, что они смогли бы защитить свою кавалерию. Но этого не произошло. И если бы не ограниченное пространство для маневра — бой шел на узких улочках, — мусульмане уничтожили бы всех франков до единого человека. А так некоторым все же удалось спастись. Они бежали в Джадилу, где собрались, пока ночная тьма разделила враждующие стороны.

Франки построили стену в Джадиле и выкопали траншею, чтобы защищаться. Некоторые из них остались на восточной стороне и удерживали дороги вдоль полуострова, ведущего к Дамиетте, защищенные траншеей и стеной. Этот бой был источником победы и ключом к финальному успеху. Сообщения об этом дошли до Каира и были доставлены Хусам ад-Дин Мухаммед ибн Аби Али (правитель и визирь Каира, наниматель ибн Васила) вечером того же дня. В них было сказано, что, когда отправляли почтовых голубей, враг напал на Мансуру и началось ожесточенное сражение. Больше ничего. Все мы были в полном недоумении и уже представляли себе катастрофу для ислама. На закате начали появляться мусульманские беженцы, и ворота Баб-ан-Наср оставались открытыми всю ночь со вторника на среду. Воины и мирные жители, секретари и чиновники из Мансуры входили в город, ничего не зная о том, что произошло после вторжения франков в город. Среди них был Тадж ад-Дин, известный как ибн бинт аль-Аазз, глава *Diwan as-suhba*, который сообщил все, что знал, Хусам ад-Дину. Мы оставались в неведении до рассвета среды, когда услышали радостную весть о победе. Город приготовился к празднику, о чем возвестил бой барабанов. Победа над франками вызвала великую радость. Это был первый бой, в котором тюркские львы войны победили неверных собак. Хорошие новости дошли и до аль-Малик аль-Муаззема, когда он был еще в пути, и они заставили его еще быстрее двигаться к Египту.

Мусульманский флот нападает и наносит вред флоту франков

Ибн Васил

Пока франки укрепляли свои позиции, к ним направлялось подкрепление из Дамиетты. Мусульмане, используя верблюдов, перетащили несколько кораблей вверх до Бахр-аль-Махалла (заводь Нила, упоминаемая в операци-

ях Пятого крестового похода), там спустили их на воду и погрузили войска. В это время там была вода — потому что разлился Нил, — пусть и застоявшаяся, но по ней можно было выйти в Нил. Когда корабли франков, шедшие из Дамьетты, приблизились к Бахр-аль-Махалла, мусульмане, ожидавшие там, напали на них и дали бой. Мусульмане из Мансуры присоединились к бою; они окружали франков и захватили их вместе с кораблями. Всего было взято пятьдесят два военных корабля, на борту которых было около тысячи человек и много всевозможных запасов. Пленных отправили в мусульманский лагерь. Поражение прервало снабжение франков и серьезно ослабило их позиции. Они остались без продовольствия, блокированными со всех сторон, и теперь не могли ни оставаться на позициях, ни покинуть их. Мусульмане одержали верх и теперь вынашивали планы окончательного разгрома врага.

В 1-й день месяца зуль-хиджа / 7 марта 1250 года франки захватили 7 мусульманских брандеров на Бахр-аль-Махалла, но мусульмане сумели спастись и унесли с собой снасти. Во 2-й день аль-Малик аль-Муаззам приказал эмиру Хусам ад-Дину войти в Каир, расположиться во дворце визиря и выполнять все обычные функции посланника султана. Кади Джамал ад-Дин ибн Васил, автор, говорит: «Султан дал почетные платья мне и также группе правоведов, которые пришли, чтобы выразить свое почтение. Аль-Малик аль-Муаззам проявлял дружелюбие ко всем, кто к нему являлся. Я прибыл в Каир вместе с эмиром Хусам ад-Дином. В понедельник, 9-й день месяца зуль-хиджа, день Арафа (большой мусульманский праздник), мусульманские галеры напали на корабли франков, нагруженные припасами. Сражение происходило неподалеку от мечети Победы, и мусульмане отбили у франков тридцать два корабля, из которых семь были галерами. Это еще больше ослабило франков, а запасов в лагере становилось все меньше. И франки начали переговоры о перемирии. Их посланник прибыл и вступил в переговоры с эмиром Зейн ад-Дином и великим кади Бадр ад-Дином. Франки хотели обменять Дамьетту на

Иерусалим и часть сирийского побережья, но это было неприемлемо. В пятницу, 26-й день месяца зуль-хиджа франки сожгли все свое имущество, пощадив только корабли, и решили укрыться в Дамиетте. В конце года (647) они оставались там же.

Полный разгром франков и захват короля Франции

Ибн Васил

Ночь на среду, 3-й день месяца мухаррам 648 / 7 апреля 1250 года, была лучезарной ночью, вестницей великой победы и блистательного триумфа. Франки выступили в сторону Дамиетты. Они рассчитывали, что город защитит их. Их корабли двигались параллельно армии. Узнав об этом, мусульмане последовали за ними. Они переправились на франкский берег реки и вскоре догнали их. На рассвете в среду мусульмане окружили франков и стали их убивать, а кого не убивали, брали в плен. Никто не спасся. Говорят, что погибших было 30 тысяч. В бою отличились непревзойденной отвагой бахриты — мамлюки аль-Малик ас-Салиха. Они нанесли франкам тяжелые потери и сыграли главную роль в победе. Они сражались отчаянно. Именно они первыми бросились в погоню за врагом. Это были настоящие тамплиеры ислама (высшая похвала военным качествам ордена). Проклятый король Франции и франкские принцы отступили к Минье, где сдались и попросили пощадить их жизни. Евнух Джамал ад-Дин Мухсин ас-Салихи дал им слово, на которое они положились. Их отвезли в Мансуру, где короля Франции и его спутников заковали в цепи. Их поместили в дом, где жил секретарь Фахр ад-Дин ибн Лукман. Евнуху Сабих аль-Муаззами, слуге аль-Малик аль-Муаззам Тураншаха, сыну аль-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Айюба, было поручено охранять их. Он прибыл со своим хозяином из Хисн-Хайфы и был принят с почетом.

Ссылаясь на этот эпизод — пленение короля Франции, его заключение в доме Фахр ад-Дин ибн Лукмана и выбор для надзора за ним евнуха Сабиха, Джамал ад-Дин ибн Яхья ибн Матрух написал:

«Скажи французу, если придешь к нему, слово истины от доброго советчика:

Всевышний воздал тебе за то, что случилось, убийца поклонников Мессии!

Ты пришел на восток, хвастаясь завоеваниями, думая, что наш воинственный бой барабанов — всего лишь шум ветра.

Твоя глупость привела тебя в то место, где твои глаза больше не видят на обширной равнине пути к спасению.

Своей армией ты командовал так хорошо, что завел ее прямо в могилу.

Из пятидесяти тысяч человек не осталось ни одного, кроме убитых, раненых и пленных.

Бог помог тебе в других подобных авантюрах; кто знает, возможно, в конце концов Иисус вздохнет свободнее без твоего нечестивого поклонения (для мусульман Иисус Христос — пророк и чудотворец, слуга Бога).

Если ваш папа доволен этим, как часто государственный человек виновен в обмане?

Скажи тем, кто надеется вернуться и отомстить, или по другим причинам:

«Дом Лукмана ждет их, а в нем цепи и евнух Сахиб».

После этого аль-Малик аль-Муаззам и его победоносная армия направились к Дамиетте. Мусульмане разбили лагерь в районе Фарискура, в окрестностях Дамиетты. Был возведен шатер султана, а рядом с ним — деревянная башня, на которую аль-Малик аль-Муаззам время от времени забирался, чтобы скоротать время, откладывая захват Дамиетты. Если бы он окружил город и вошел в него быстро, заставив короля Франции сдать все свои владения, он бы легко справился с этой задачей. Но греховные развлечения, которым он предавался, отвлекали его, и его судьба была решена.

Убийство аль-Малик аль-Муаззам Тураншаха

Ибн Васил

Когда солдаты, в первую очередь мамлюки-бахриты, принадлежавшие его отцу, утратили ему верность, они решили убить его. Утром в понедельник, 30-й день месяца мухаррам 648 / 2 мая 1250 года аль-Малик аль-Муаззам давал аудиенцию в своем шатре. Он восседал на своей кушетке. Все остальные ели, и он, как всегда, ел вместе с ними. После еды эмиры разошлись по своим домам, а он встал и направился к маленькой палатке. Тогда Рукн ад-Дин Бейбарс вышел вперед. Он был одним из *Jamdariyu* аль-Малик ас-Салиха — еще его звали аль-Бундукдари, и впоследствии стал правителем Египта под именем аль-Малик аз-Захир и разгромил монголов при Айн-Джалуте с помощью аль-Малик аль-Музаффар Кутуза. Обосновавшись на троне, он вернул большинство захваченных франками земель — Сафад, аш-Шакиф, Антиохию, а также территории исмаилитов и нанес несколько поражений монголам. Этот человек ударил аль-Малик аль-Муаззума мечом, ранил его в плечо и отбросил меч. Придворные окружили аль-Малик аль-Муаззума, спрашивая, что случилось. Тот ответил, что его ранил один из бахритов. Рукн ад-Дин Бейбарс аль-Бундукдари был там и сказал: «Должно быть, это был исмаилит». Но султан возразил, что это был бахрит, поскольку только бахрит мог так поступить. Тогда бахриты испугались, не зная, что он станет делать. Султан забрался в башню и послал за лекарем. Мамлюки его отца собрались, охваченные ужасом из-за того, что покушение на жизнь султана приписывают им. Они окружили башню. Султан открыл окно и позвал своих людей на помощь. Но никто не откликнулся, и ни один египетский эмир не поспешил ему на помощь, поскольку он давно утратил их верность. Принесли огонь, и султан, не желая сгореть заживо, спустился. Аль-Бундукдари, уже ранивший его, напал на султана, и тот побежал к реке, где стояло несколько брандеров. Султан надеялся подняться на

борт, где сможет защититься. Но Фарис ад-Дин Актай догнал его и убил ударом меча. Он был еще молод, думаю, ему было не более тридцати, но точная дата его рождения мне неизвестна. Он правил Египтом несколько месяцев.

**Решение возвести принцессу Шаджар ад-Дурр,
мать Халила, на трон, и назначить туркмена
Изз ад-Дина военным командующим**

Ибн Васил

Когда аль-Малик аль-Муаззам был убит, эмиры и бахриты собрались у дворца султана и решили, что функции султана и правителя Египта должна выполнять Шаджар ад-Дурр, мать Халила и супруга аль-Малик ас-Салих Наджм ад-Дин Айюба. (Это была рабыня, которая родила аль-Малик ас-Салиху сына, Халила, который умер в младенчестве. Возвышение этой дамы на трон, да еще с титулом султана — событие беспрецедентное в истории ислама. Это был короткий переходный период между концом Айюбидов и подъемом мамлюков. Их командир Айбек вскоре женился на Шаджар ад-Дурр и основал мамлюкскую династию.) Султанские декреты должны были издаваться по ее приказу и от ее имени, и на них должны была присутствовать ее печать. Мамлюки уже сделали предложение Хусам ад-Дин Мухаммеду ибн Аби Али (вероятно, речь шла о командовании армией). Они сказали: «Ты был доверенным лицом аль-Малик аль-Салиха, значит, ты достоин этой ответственности». Но тот отказался, сказав, что более подходящим человеком является евнух Шихаб ад-Дин Рашид аль-Кабир. Он тоже ответил отказом, и тогда все сошлись на человеке по имени Изз ад-Дин Айбек ат-Туркмани ас-Салихи. Айбек прибыл в Каир, пришел в цитадель и объявил новость матери Халила, супруге аль-Малик ас-Салиха. С этого времени она стала титулярным главой целого государства. Для нее была изготовлена королевская печать и с тех пор слова «мать Халила» произносились в *хутбе*. Ниче-

го подобного еще не было в мусульманском мире. То, что женщина может иметь реальную власть и управлять королевством, на самом деле было известно. Достаточно вспомнить пример Дайфы Хатун, дочери султана аль-Малик аль-Адила, которая правила Алеппо и его окрестностями после смерти сына аль-Малик аль-Азиза. Но тогда в хутбе упоминалось имя ее внука аль-Малик ан-Насира.

После смерти тело аль-Малик аль-Муаззама долго лежало на берегу, и никто не решался к нему подойти. Через какое-то время его заметил некий лодочник и похоронил его.

Возвращение Дамиетты

Ибн Васил

Когда эмиры и армия присягнули на верность и все успокоилось, стали говорить о сдаче Дамиетты. С королем Франции переговоры вел эмир Хусам ад-Дин ибн Аби Али. Все полагались на его советы и мнение, поскольку он имел репутацию человека мудрого и опытного, и аль-Малик ас-Салих всегда ему доверял. Между ним и королем Франции состоялось несколько бесед, и, наконец, было согласовано, что Дамиетта будет сдана, а король отпущен на свободу. Кади Джамал ад-Дин ибн Васил, автор этой истории, утверждает:

«Эмир Хусам ад-Дин сказал, что король Франции был в высшей степени умным и грамотным человеком. В одной из бесед эмир спросил его:

— Как может прийти в голову человеку столь проницательному и благоразумному, как король, довериться морю на хрупком куске дерева, напасть на мусульманскую страну, которую защищают многочисленные войска, думая, что вы сумеете ее завоевать? Ведь это огромный риск. Вы подвергли себя и свое войско почти неминуемой гибели.

На эти слова король улыбнулся и ничего не сказал. Эмир продолжил:

— В нашей стране, если человек дважды доверяет себя и свое имущество морю, его свидетельство не принимается в суде.

— Но почему?

— Потому что такое поведение означает, что этот человек лишен разума, а свидетельство человека, лишённого разума, не может приниматься законом.

На это король засмеялся и сообщил:

— Тот, кто это сказал, был прав».

Автор этой истории утверждает: то, что сказал Хусам ад-Дин, действительно является мнением нескольких ученых, но на самом деле это не важно, потому что в большинстве случаев люди возвращаются из морских путешествий невредимыми. В связи с этим есть два ответа на вопрос: если человек не может добраться до Мекки кроме как по морю, является ли для него паломничество обязательным? Один ответ — нет, потому что опасность и риск слишком велики. Другой ответ — да, потому что, чаще всего, люди возвращаются из морских путешествий невредимыми.

Когда была достигнута договоренность между королем Франции и мусульманами о сдаче Дамьетты, король отправил приказ своему ставленнику сдать город. Франки сначала возражали, но потом подчинились и сдали город мусульманам. Войска султана вошли в город в пятницу, 3-й день месяца сафар 648 / мае 1250 года. Знамена султана были установлены на стенах, возвещая всем о победе ислама. Король Франции был освобожден и направлен с остатками своей армии на западный берег. На следующий день, в субботу, он поднялся на борт корабля и отплыл в Акру. Некоторое время он провел в Палестине, а потом вернулся домой. Так Аллах очистил Египет от франков, и эта победа была намного важнее, чем первая (во время Пятого крестового похода), потому что очень много врагов были убиты и попали в плен. Их было так много, что все тюрьмы Каира были забиты франками. Радостная новость разнеслась по всем странам, и мусульмане везде ликовали.

После того как король Франции отбыл, армия вошла в Каир. Еще много дней барабанный бой возвещал о по-

беде мусульман над франками и возвращении Дамиетты, жемчужины ислама и границы Египта. Неверные второй раз захватили ее и снова потеряли, после чего были вынуждены в панике бежать.

Пролог и эпилог Крестового похода Людовика Святого

Макриси

Высадившись в Египте, король Франции послал письмо султану аль-Малик ас-Салиху. После вступительных еретических фраз в нем было сказано: «Вам известно, что я являюсь государем тех, кто исповедует религию Христа, как вы является главой мусульманского сообщества. Вам также известно, что мусульманское население Андалусии платит нам дань и присылает дары. Я заставляю мусульман Испании трепетать и гоню перед собой, как стадо баранов, я истребляю их мужчин, делаю вдовами женщин, хватаю дочерей и младенцев. Я уже продемонстрировал вам свою силу и дал хороший совет. Даже если вы поклянетесь мне в чем угодно, примете священников и монахов и понесете свечу передо мной, как знак подчинения кресту, я все равно нападу на вас и буду сражаться с вами на земле, которая вам так дорога. Если эта страна попадет в мои руки, это будет дар свыше. Если вы одержите надо мной верх, можете делать со мной что хотите. Я уже говорил вам, что мои армии наполняют собой горы и равнины, их много, как камней на земле, и все они направлены против вас, словно меч судьбы, и вам никуда от них не скрыться».

Когда это письмо было получено и прочитано, глаза султана наполнились слезами. Он воскликнул: «Мы принадлежим Аллаху, и к нему вернемся!» Потом он приказал главе своей канцелярии кади Баха ад-Дину Зухайру написать ответ. После вступительной части, содержащей должные фразы об Аллахе и Его пророке, а также призывающей благословение Всевышнего на Его пророка, его семью и сподвижников, в письме сказано:

«Я получил ваше письмо, в котором вы пугаете нас размерами своих армий и огромным числом воинов. Разве вы не знаете, что мы — воинственная нация и унаследовали храбрость от наших предков? Место павшего в наших рядах всегда занимает новый воин. Еще никто не отваживался напасть на нас и не быть уничтоженным. Глупец! Если бы ваши глаза видели острия наших мечей и громадность наших разрушений, форты и берега, которые мы отобрали у вас, и земли, которые мы грабили раньше и продолжаем грабить сейчас, вас охватил бы ужас. Исход событий, которых вы ждете, очевиден. День начнется нашим преимуществом, а завершится вашим полным уничтожением. И вы будете проклинать себя, «те, которые обижали, скоро узнают, какая будет им участь» (Коран XXVI, 228). Когда вы прочитаете мое письмо, вспомните суру о пчелах: «Повеленное Богом наступит, не просите, чтобы оно ускорилося» (Коран XVI, 1). И другую суру: «После некоторого времени вы узнаете достоинство его» (Коран XXXVIII, 88). Мы ссылаемся на слова Бога, потому что он говорит истину. Помните, что много раз большие войска были побеждены горсткой солдат. Бог покровительствует правде, и мы не сомневаемся, что он защитит нас и разрушит ваши замыслы. Мои приветствия!»

После победы при Мансуре султан Тураншах собственноручно написал письмо эмиру Джамал ад-Дину ибн Ягмуру, его командиру в Дамаске, в котором говорилось: «Слава Богу, удалившему от нас печаль (Коран XXXV, 31). Помощь только от Бога сильного, мудрого (Коран III, 122). Милостям, которыми он осыпал нас, нет числа. Возвести великому Джамал ад-Дину и всему народу ислама о победе, дарованной нам Богом над врагами веры. Их угрозы постоянно возрастали, их зло уже утвердилось на нашей земле, и правоверные отчаялись, боясь за судьбу своей земли, своих жен и детей. Но «нельзя отчаиваться в утешении Божьем, ибо только неблагодарные отчаиваются в утешении Божьем» (Коран XII, 87). В понедельник, первый день этого благословенного года, Бог дал свое благословение исламу. Мы открыли свои сокровищницы, раздали богатства, распределили оружие и вызвали

арабов пустыни, добровольцев, коих великое множество — одному Богу известно сколько, из каждой равнины, самых далеких уголков. Во вторник ночью враги вышли из своих палаток, бросив свое имущество и обоз, и бежали в Дамиетту, преследуемые всю ночь нашими мечами. Они кричали от боли и позора. Когда наступило утро среды, мы убили 30 тысяч, не считая тех, кто утонул. Что же касается пленных, их невозможно сосчитать. Франки нашли убежище в Миньи и попросили пощадить их жизни. Это мы им обещали. Они стали нашими пленниками, мы обращались с ними достойно, и, с Божьей помощью, вернули Дамиетту...»

С письмом султан послал эмиру мантию французского короля, и Джамал ад-Дин ибн Ягмур надел ее. Она была пурпурно-красного цвета и отделана мехом горностая. Шейх Наджм ад-Дин ибн Исраил сказал о ней:

«Мантия француза, посланная, как знак почести, принцу эмиров, была белая, как бумага, но наши мечи окрасили ее в цвет крови». И еще: «Повелитель Королей этого времени, ты принес нам обещанную небесами победу. Пусть наш повелитель всегда торжествует над своими врагами и одевает своих слуг в королевские одежды».

Людовик Святой в Тунисе

Макриси

Так случилось, что этот француз, спасшись из рук мусульман, решил напасть на Тунис (точнее, на Ифрикию). Он надеялся воспользоваться голодом и чумой, которые там свирепствовали, и призвал христианских королей к оружию. Он также написал письмо папе, и тот, со своей стороны, призвал христианских королей принять участие в кампании короля Людовика, разрешив им брать там любые церковные богатства, которые они хотят. На призыв откликнулись короли Англии, Шотландии, Тулузы, Барселоны (который называл себя королем Арагона) и много других христианских принцев. Хафсид, султан Туниса,

приготовился оказать сопротивление врагу, и послал к франкам своих людей, чтобы договориться о мире, предложив 8000 динаров. Они взяли деньги, но мира не заключили и напали на Тунис в 28-й день месяца зуль-када 668 / 21 июля 1270 года, высадив в Карфагене 6000 всадников и 30 000 пехотинцев. Они оставались там шесть месяцев (необъяснимо, учитывая даты этого конфликта). Мусульмане продолжали сражаться до середины месяца мухаррам 669 / конца августа. Обе стороны несли большие потери. Мусульмане уже были почти разгромлены, когда Всевышний освободил их. Однажды утром король Франции был найден мертвым. После этого было подписано мирное соглашение, и христиане отплыли домой. Интересно отметить, что некий тунисец, Ахмад ибн Исмаил аз-Зайан, написал следующие строки:

«О француз, эта земля — сестра Египта, готовься принять свою судьбу.

Здесь домом ибн Сукмана станет могила, а внухами — Мункар и Накир (мусульманские ангелы, которые допрашивают души усопших)».

Это было пророчество для французского короля, который действительно там умер. Он был умный человек, хитрый и коварный.

Часть четвертая

МАМЛЮКИ И ИЗГНАНИЕ КРЕСТОНОСЦЕВ

ГЛАВА 1

Между 1265 и 1291 годами три мамлюкских султана — Бейбарс (1260—1277), Калаун (1279—1290) и аль-Ашраф (1290—1293) уничтожили все то, что осталось от достижений крестоносцев. Главный источник сведений об этом периоде, пусть неполный и опубликованный лишь частично, — труды ибн Абд аз-Захира. Завоеваниям Бейбарса посвящена его биография, написанная ибн Абд аз-Захиром, а также более поздние хроники ибн аль-Фурата, аль-Макризи и аль-Айни. Приведенные далее отрывки, в том числе известное победное письмо Боэмунду IV после падения Антиохии, взяты из этих источников.

Бейбарс против Триполи и Антиохии, его письмо Боэмунду IV

Ибн Абд аз-Захир

Эта крепость (Триполи) принадлежала мусульманам в прошлом. Последним ею владел Бану Аммар из династии эмиров Триполи. Один из франкских королей (граф Раймунд Сен-Жиль) много лет ее осаждал и даже построил перед ней замок Мон-Пелерин, Гора пилигримов, — так долго длилась осада. Бану Аммар, находившийся в крайне затруднительном положении, оставил одно из племен в городе и отправился на поиски помощи. Но этот эмир был

отступником. Он забрался на городскую стену и предложил франкам войти в город и овладеть им. Так они взяли крепость (на самом деле она была взята штурмом в 1109 году). Последним из франков, который ее занимал, был Боэмунд VI, сын Боэмунда. Когда аль-Малик аз-Захир (Бейбарс) взшел на трон, до него дошли слухи о тирании Боэмунда. Этот франк также часто совершал акты насилия и агрессии по отношению к тем, кто входил в его владения. Он даже дошел до того, что поднял руку на послов из Джорджетт, корабль которых потерпел крушения. Он бросил их в тюрьму и захватил письма к султану, которые они везли. Он послал обоих послов и письма к Хулагу, правителю монголов, чем принес вред и им, и тому, кто их послал. Так же он поступал и с другими. Приверженность исламу и религиозное рвение заставили султана напасть на Триполи. Он велел, чтобы приготовления велись втайне, и, наконец, выступил в поход через горы и долины, чтобы обрушить мусульманскую армию на врага. Войска взяли вражеский город в кольцо огня и железа, грабя и убивая. Султан захватил большую часть провинции, после чего, последовав хорошему совету, отошел.

Что касается его наступления на Триполи, мы описали, как султан ожесточенно сражался, и всевозможными отвлекающими маневрами не позволил догадаться, каковы были его цели, когда он отступил. Он велел некоторые шатры поставить так, чтобы входы были обращены в разных направлениях, чтобы сбить с толку противника. Затем он напал на Антиохию, которая была частью владений графа Триполи. Мусульмане наступали, убивая и захватывая в плен, разоряя территорию. Сам султан возглавил атаку на Антиохию и осадил ее в 1-й день месяца Рамадан 666 / 12 мая 1268 года. Его *ustadar*, эмир Шамс ад-Дин Аксункур аль-Фаркани, вступил в бой с отрядом кавалерии из Антиохии. Он уничтожил врагов в бою и взял в плен командира гарнизона города. Мусульманские войска стеклись к Антиохии со всех направлений. Последовал приказ к штурму. Стены в некоторых местах были разрушены, и город был взят с большим кровопролитием. Затем мусульмане осадили крепость и взяли ее, гарантировав

жизнь осажденным. После этого крепость перешла в руки мусульман.

Султан велел написать письмо правителю с сообщением о падении Антиохии и потерях, которые он понес в результате этого. Письмо было составлено автором этой истории — да смилостивится над ним Аллах! — который был лучшим знатоком эпистолярного творчества из всех живущих, мастером самых ярких и изысканных выражений, опытным в ухищрениях, необходимых в канцелярских делах, умеющим точно выразить намерения суверена. (Ссылка на ибн Абд аз-Захира, племянник которого скомпоновал труд дяди). Франки дали титул князя только правителю Антиохии, и автор называет Боэмунда графом, потому что Антиохия больше ему не принадлежала (во время правления Боэмунда IV (1177—1233) княжество Антиохия и графство Триполи были объединены под властью династии Антиохии). Возможность описать этот эпизод появилась у меня благодаря самому автору письма, султану. Он велел послать меня вместе с эмиром атабеком Фарис ад-Дином послом в Триполи, когда велись переговоры о мире (в 1271 году, через три года после падения Антиохии). Теперь султан аль-Малик аз-Захир лично вошел в город с двумя послами, одетые как силахтары, чтобы обследовать город и выявить слабые места для штурма. Когда мы пришли к князю, чтобы обсудить условия перемирия, и достигли соглашения, султан встал, глядя на атабека и прислушиваясь. Он (Мухий ад-Дин ибн Абд аз-Захир, автор и рассказчик) начал писать: «„Условия перемирия между нашим повелителем, султаном, и графом...“, опустив титул князя. Правитель Триполи заметил это и неодобрительно спросил:

— Кто этот граф?

— Вы, — ответил я.

— Нет, — возразил он, — я князь.

— Князь — это султан аль-Малик аз-Захир. Титул князь относится к правителям Антиохии, Иерусалима и Александретты, все они теперь принадлежат султану.

Он бросил взгляд на своих воинов, стоявших у стены, и те сразу преградили выход из комнаты. Тогда султан толкнул атабека, который сказал:

— О, Мухий ад-Дин, ты прав, но наш повелитель султан только что милостиво вернул этому человеку титул князя, поскольку разрешил ему остаться в своих владениях.

— Если так, тогда все в порядке, — сказал я и исправил документ, вставив «князь» вместо «граф».

— Когда мы ушли, — продолжает автор, — и вернулись в лагерь, наш повелитель султан, смеясь, пересказал все это эмирам при дворе и в заключение заявил:

— К дьяволу и князя, и графа вместе с ним». — Это конец истории, и теперь мы можем обратиться к тексту письма.

«Граф такой-то (так в тексте: ибн Абд аз-Захира, но другие источники дают более звучное обращение — благородный и великий граф, гордость христианского мира, лидер крестоносцев и т. д.), глава христиан, которому теперь придется довольствоваться титулом графа, — да направит его Бог на верный путь, наставляя его следовать добру и вверяя ему сокровище доброго совета, знает уже, как двинулись мы против Триполи и разорили сердце его владычества. Он видел разрушения и уничтожения, оставленные после нашего отхода. Он видел, как сметались с лица земли церкви, уничтожались дома и грудились убитые на морском берегу, словно остров из тел. Он видел, как умерщвлялись мужи, сыновья уводились в рабство, а свободнорожденные женщины — в плен. Он видел, как валились деревья — осталось лишь то, что могло послужить деревом катапультам и защитным частоколам, если пожелает того Бог, как отнималось добро вместе с женщинами, детьми и скотом, как становился богатым бедняк, приобретал семью холостой, слуга — заставлял других служить себе и тот, кто шел пешком, — садился на коня.

Все это происходило перед твоими глазами, пока ты стоял, пораженный смертельным бессилием, и когда ты смог говорить, то закричал в страхе: «Это моя вина!» Точно так же знаешь ты, как отошли мы оттуда, но только для того, чтобы вернуться, и как отсрочили мы твое окончательное поражение, но только на срок, дни которого

сочтены. Ты понимаешь, что покинули мы твою страну, не оставив в ней ни одной головы скота, потому что это мы угнали весь скот; ни одной девицы, которая не была бы в нашей власти; ни одной колонны, не разрушенной нашими топорами; ни одного злакового поля, которого бы мы не опустошили. Ты знаешь, что не осталось никакого имущества, которого бы ты не потерял. Пещеры на вершинах высоких гор и долины, простирающиеся за границы и окрыляющие воображение, не предоставляют более убежища. Ты знаешь, как мы после нашего отхода неожиданно оказались перед твоим городом Антиохией, в то время как ты не смел и подумать, что мы удалились; но если уж мы удалились, то без сомнения вернемся, туда, где уже когда-либо ступала наша нога!

Наша цель — сообщить тебе о том, что мы сделали, осведомить о полнейшем поражении, постигшем тебя. В среду, 24-й день месяца шабан мы оставили тебя в Триполи, и с первого дня священного месяца Рамадан осаждали Антиохию. Когда мы занимали позиции перед городом, твои войска вышли наружу, дабы померяться с нами в бою; они помогали друг другу, но не смогли победить: среди пленных оказался и коннетабль. Он просил разрешения переговорить с твоими людьми, ушел в город и вышел обратно с группой твоих монахов и высших подданных, каковые переговорили с нами. Мы же, однако, видели, что они находятся под твоим влиянием, злонамеренно стремятся к смертоносным планам, не думают о добре, но единодушны во зле. Увидев, что судьба их решена и Богом им предопределена смерть, мы их отпустили со словами: «Мы осаждаем вас немедленно — это первое и последнее предупреждение, которое мы вам даем». Они возвратились обратно и действовали как ты, в уверенности, что ты придешь им на помощь с всадниками и пехотой, однако в скором времени маршал впал в отчаяние, ужас овладел монахами, от горя упал без чувств кастеллан, и смерть обрушилась на них со всех сторон. Мы взяли город штурмом в четвертом часу в воскресенье, 4-й день священного месяца Рамадан (18 мая) и ужаснули всех, кого ты избрал для защиты города. Среди них не было

никого, кто не владел каким-либо имуществом. А сегодня нет никого из нас, кто не владел бы одним из них и частью их богатств. Ты должен был видеть твоих рыцарей, простертых под копытами наших коней, твои дома, в которые врываются мародеры и опустошали грабители. Твои сокровища, измеряемые квинталами (кинтарями), стали нашими, а твои женщины продавались по четверо за раз и покупались по цене одного динара из твоих собственных денег! Видел бы ты твои церкви с сорванными разбитыми крестами, листы, выдранные из неверного Евангелия, разрытые могилы патриархов! Видел бы ты своего врага, мусульманина, топчущего ногами место богослужения, перерезавшего глотки монахам, священникам и диаконам на алтаре; убивавшего патриархов и уводившего в рабство королевских принцев. Видел бы ты, как огонь распространялся по твоим дворцам, как горели ваши мертвецы в огне этого мира, до того, как успевали попасть в огонь мира следующего. Жаль, что ты не видел, какими неузнаваемыми стали твои дворцы, рухнули церкви Святого Павла и Кусьян (собор Святого Петра, центр религиозной и городской жизни в христианской Антиохии). Ты бы сказал: «Хотел бы я быть прахом и никогда не получать письма с подобным известием». Душа твоя покинула бы тело от печали, и потушил бы ты пожары своими слезами. Видел бы ты свои резиденции лишеными всех богатств, свои колесницы, захваченные в Сувайдию вместе с кораблями. Твои галеры в руках врагов стали бы тебе ненавистны, и тогда убедился бы ты, что Бог, давший тебе Антиохию, взял ее обратно, что Господь, давший тебе крепости, вырвал их у тебя и стер с лица земли. Ты знаешь теперь, что мы — благодарение Богу — отобрали у тебя крепости Ислама, которые ты взял, Даркуш, Шакиф, Кафар, Дуббин и все твои владения в области Антиохии; мы всюду заставили твоих людей спуститься из высоких замков, схватили их за волосы и рассеяли повсюду. Теперь не найдется никого, кто мог бы назвать себя бунтарем, кроме реки, но и она более не назвала бы себя так, если бы могла, плача от раскаяния (арабы называли Оронт *al-Asi*, бунтарь, потому что она текла с юга

на север). Ее слезы были раньше прозрачными, теперь же они кроваво-красные от крови, что мы там пролили.

Это письмо содержит для тебя и хорошую новость: ты в добром здравии и Бог даровал тебе долгую жизнь, ибо в этот момент ты не обретаешься в Антиохии, а находишься в другом месте. Если бы нет, был бы ты сейчас мертв, пленен, изранен или подвергнут дурному обращению. Быть живым — этому радуется любой перед лицом смерти. Кто знает, не оставил ли Бог тебя жить, чтобы ты восполнил то, чего недоставало тебе в службе и повиновении ему. Так как никто из выживших не пришел сообщить тебе о происшедшем, это делаем мы, и, поскольку никто не в состоянии принести тебе благую весть, что ты спас свою жизнь, лишившись всего остального, это делаем мы этим посланием. Мы хотим, чтобы о событии, о том, как оно произошло, имел точные сведения. После этого письма у тебя не будет оснований жаловаться на неверные сведения, и, прочитав это письмо, у тебя не будет причин просить кого-то другого рассказать тебе подробности».

Когда это письмо доставили Боэмунду, он впал в великую ярость. Это была единственная информация, которую он получил о падении Антиохии.

Переговоры с Гуго III, королем Кипра и Иерусалима

Ибн аль-Фурат

После падения Шакифа франки Акры потребовали короля, способного защитить их интересы. Был малолетний король на Кипре (Гуго II, умерший в 1267 году в возрасте 14 лет) с регентом, командовавшим армией, которого звали Гуго, сын Генриха. Ему было меньше тридцати лет от роду, он был кузеном графа Триполи и сыном сестры бывшего кипрского короля (Изабеллы, младшей сестры Генриха), тети малолетнего короля. Ребенок умер, и королевство досталось молодому человеку, имевшему родственные связи через жену с правителями Арсуфа (Гуго III женился на Изабелле Ибелинской), а через мать — с кузеном (Гуго де

Бриенн, сын Марии, старшей сестры Генриха I). Последний имел больше прав на трон, поскольку его мать была старшей сестрой, и по франкскому обычаю сын старшей сестры имеет преимущественное право, однако он был за границей, в Киликии, и молодой человек захватил Кипр. Потом франки пригласили его в Акру — королевство Акры было связано с Кипрским. Он прибыл, и население Акры поклялось в верности ему. Ко двору Бейбарса пришло письмо от правителя Тира, объявлявшее о прибытии короля и сообщавшее, что он человек благоразумный, и, сразу по прибытии, понял, что необходимо обеспечить хорошие отношения с султаном, и заявил, что не имеет оснований для проявления враждебности к нему. В заключение правитель Тира попросил султана установить с ним мир.

Когда султан вернулся в Дамаск после Антиохийской кампании, как мы уже говорили, прибыли послы короля с отрядом из ста франкских конников. Они привезли подарки — изделия из драгоценных металлов, животных и многое другое. Между Бейбарсом и этим королем было достигнуто обстоятельное соглашение, затрагивавшее город и провинцию Акры, в которую входила тридцать одна деревня. Было решено, что Кайфа и еще три деревни останутся в руках франков, а остальные в этом регионе будут поделены пополам. Провинцию Кармель также предстояло разделить; Аль-Курейн с десятью деревнями должна была перейти к франкам, а остальное — султану. В провинции Сидон низины должны были перейти к франкам, а возвышенности — к мусульманам, и должен был установиться мир в Кипрском королевстве. Таковы были территориальные аспекты договора, который заключался на десять лет, независимо от иностранных вторжений или прибытия любых других королей из-за моря. Наконец, султан убедил его освободить заложников, взятых в разных городах.

Кади Мухий ад-Дин ибн Абд аз-Захир, автор жизнеописания Бейбарса, вспоминает: «Я был послом вместе с эмиром Камаль ад-Дин ибн Шитом, с которым мы должны были явиться к королю и подписать договор. Мы прибыли в Акру в 24-й день месяца шавваль 666 / 7 июля 1268 года, и нас хорошо приняли. Султан велел нам не

унижаться — ни в жестах, ни в словах. Войдя, мы увидели короля и его военачальников, сидящих на скамье, и потребовали, чтобы для нас была поставлена скамья перед ним. Его визирь протянул руку, чтобы взять документ, но мы вложили его в руку короля. Он взял договор и некоторое время изучал, делая замечания по конкретным пунктам. Согласно одному из них, он хотел отдельный договор по Кипру, где мир должен поддерживаться до тех пор, пока не появится какой-нибудь чужеземный захватчик или король из-за границы. Также он желал, чтобы исмаилиты не были включены в договор. Король также попросил о смягчении требований относительно заложников и некоторых других деталях. Послы султана вернулись без королевской подписи, и все дело приостановилось. Всякий раз, когда этот король Акры открывал рот, он говорил: «Я боюсь короля Карла, брата короля Франции, и из страха перед ним я не могу заключить мирный договор. Одному только Богу известно, как лучше» (Карл Анжуйский уже начал заявлять о своих правах на корону Иерусалимского королевства, которое, по сути, было в это время королевством Акры; в 1277 году Мария Антиохийская официально передала ему корону).

Ибн абд аз-Захир

Во время перемирия в Акре не было короля. Ею управлял с Кипра один из франков. Приняв контроль над Акрой, он написал просительное льстивое письмо султану, прося его дружбы и предлагая подписать договор на уже согласованных условиях. Он также послал султану многочисленные ценные подарки. Султан не проявил недовольства, получив такое щедрое подношение, принял дружбу франка и послал ему ответные дары. Король хотел, чтобы договор был подписан его именем, и выразил свою покорность всем его положениям. Султан согласился, подписал договор и послал Мухий ад-Дина, автора жизнеописания, и Камаль ад-Дин ибн Шита к франкскому королю с договором для подписания. Мухий ад-Дин говорил:

«Когда этот король дал нам аудиенцию, мы увидели его сидящим на высоком троне. Он заявил, что будет сидеть высоко, а мы — намного ниже. Правила ислама не позволили нам согласиться, и нас усадили на его уровне. Начались обсуждения. Он начал придирается к каждому пункту, и я выразил свое возражение. Он сердито покопился на меня и сказал через переводчика:

— Скажи ему, чтобы он внимательно посмотрел, кто стоит перед ним. — Я посмотрел и увидел его армию, стоящую в полном боевом порядке. — Скажи ему, — снова сказал король переводчику, — что он не должен забывать об этом множестве. — Я склонил голову. Король снова заговорил: — Спроси его, что он думает об увиденном.

— Могу я говорить, ничего не опасаясь? — спросил я.

— Да.

— Тогда скажи королю, что в нашей главной тюрьме, расположенной во владениях султана в Каире, больше франкских пленных, чем все, кого я вижу здесь.

Король пришел в ярость, перекрестился и сказал:

— Клянусь Богом, я больше не стану слушать грубости от этих людей. — С этими словами он ушел. Правда, позже он снова нас принял и в конце концов подписал договор, который продлился до конца жизни султана аль-Малик аль-Мансур Калауна.

(Договор с Гуго III был подписан в 1268 году, вопреки тому, что следует из рассказа ибн аль-Фурата, процитированного лично ибн Абд аз-Захиром. Но ссылка на договор, просуществовавший до времен Калауна, вероятнее всего, относится к Кесарийскому договору (май 1279 года) между Бейбарсом и Акрой, впоследствии возобновленному Калауном».

Разрушение Хисн-аль-Акрада

Ибн аль-Фурат

В древние времена эта крепость назвалась *Hisn as-Safh* (крепость на склоне горы). Что касается названия, данно-

го ей позже курдами, историк утверждает, что эмир Шибл ад-Даула Наср ибн Мирдас, правитель Химса, отправил курдский гарнизон туда еще в 422/1031 году, отсюда и пошло название (по-арабски — Хисн-аль-Акрад — «крепость курдов», по-французски — Крак-де-Шевалье). При атабеке Туктегине из Дамаска было подписано перемирие между ним и франками, одним из условий которого было то, что в него входят форты Масиаф и Хисн-аль-Акрад, и их обитатели должны платить ежегодную дань франкам. Так продолжалось некоторое время. Затем, утверждает историк XII века ибн Асакир, «Раймунд Сен-Жилль — будь он проклят! — начал осаждать Триполи и в то же время подверг эти форты и другие, расположенные в окрестностях, постоянным нападениям. В 496/1103 году он осадил и едва не подчинил его. Он уже был близок к победе, когда Джанах ад-Даула, правитель Химса, был убит. Раймунд желал получить Химс, поэтому он снял осаду Аль-Акрада. После его смерти политику отца продолжил его сын Бертран. Он совершал набеги на форт и разорял окружающую территорию, в результате чего местные жители пребывали в состоянии постоянного напряжения. Потом он отправился на осаду Бейрута, и Танкред, князь Антиохии, захватил большую часть региона, хотя близко его не подпустили сирийцы. Он тоже осадил форт и довел его обитателей до такого состояния, что правитель предпочел его сдать, надеясь, что Танкред позволит ему остаться там в качестве награды за теплый прием, оказанный Сен-Жиллю. Танкред, однако, очистил город от населения, которое увез с собой, и оставил там гарнизон франков, по крайней мере, так утверждает ибн Асакир. Согласно другой версии, Танкред, князь Антиохии, покинул город, осадил Хисн-аль-Акрад и принял капитуляцию местных жителей в конце 503/1110 года. Он оставался в руках франков до событий, о которых мы собираемся рассказать. Ибн Мункыз в своей книге «Китаб аль-Булдан» (утраченный труд Усамы ибн Мункыза; все ссылки указывают на то, что ибн аль-Фурат был незаурядным компилятором) утверждает, что поборник веры аль-Малик аль-Адиль Нур ад-Дин Махмуд, правитель Дамаска — да

благословит его Аллах! — имел связи с одним из туркменских пехотинцев на службе у франков, правивших Хисн-аль-Акрадом. С ним он договорился, что, когда Нур ад-Дин нападет на форт, этот человек и его друзья поддержат его, поднимут его флаг на стене и станут выкрикивать его имя. Этот туркмен имел нескольких сыновей и брата, и все они пользовались доверием франков в форте. Он и Нур ад-Дин договорились о сигнале: он будет стоять на вершине одной из стен. Однако говорят, что Нур ад-Дин никому не рассказал о своем плане, и, когда войска увидели человека, стоящего на стене, его застрелили. После его смерти все его сторонники были схвачены, и заговор завершился ничем.

Хисн-аль-Акрада не было среди городов, взятых Саладином. Он оставался в руках франков до тех пор, пока аль-Малик аз-Захир Рукн ад-Дин Бейбарс в 669/1271 году повел экспедицию на Триполи, о которой мы уже говорили. Он осадил Хисн-аль-Акрад в 9-й день месяца раджаб / 21 февраля. В 20-й день месяца раджаб / 4 марта окрестности города были взяты, и аль-Малик аль-Мансур, правитель Хамата, прибыл со своей армией. Султан выехал ему навстречу, спешился, когда это сделал аль-Мансур, и проследовал под его знамена без телохранителей или конюших, в порядке жеста любезности в отношении правителя Хамата. По его приказу принесли шатер и поставили его для гостя. Также прибыл эмир Сахиуна, Саиф ад-Дин, и Наджм ад-Дин, глава исмаилитов.

В конце месяца раджаб была завершена работа над строительством катапульт. В 7-й день месяца шабан / 22 марта бастионы были взяты штурмом, и был сооружен окоп, откуда сам султан мог стрелять из лука. После этого Бейбарс стал раздавать дары — деньги и платья.

В 16-й день месяца шабан / 31 марта в стене одной из башен была проделана брешь. Наши солдаты пошли в атаку, проникли в форт и овладели им, в то время как франки удалились в главную башню. Целая группа франков и мусульман была освобождена султаном в качестве благочестивого приношения от имени аль-Малика ас-Саида (это старший сын Бейбарса, впоследствии на два

года, 1277—1279, сменивший отца на египетском троне). Катапульти были передвинуты в крепость и нацелены на главную башню. В этот момент султан написал некие письма, якобы они были написаны франкскими военачальниками в Триполи, с приказом сдаться. Защитники попросили гарантий безопасности, которые были им даны при условии, что они вернуться домой. В четверг, 24-й день месяца шабан / 7 апреля франки покинули форт и были отправлены домой, а султан стал его хозяином.

Он написал письмо Великому магистру ордена госпитальеров, правителю Хисн-аль-Акрада, чтобы сообщить ему о победе. В нем были такие слова: «Это письмо адресовано брату Гуго (Гуго де Ревель). Бог создал его одним из тех, кто не противится судьбе и не восстает против Него, кто даровал победу и триумф его армии, и не верит, что одной только осторожности достаточно, чтобы спасти человека от судьбы, уготованной ему свыше. Хочу сообщить тебе о завоевании, милостью Аллаха, крепости Хисн-аль-Акрад. Ты укрепил эту крепость и поручил ее оборону своим лучшим людям, но все было напрасно, и ты всего лишь послал их на смерть. Мои люди не могут осадить форт и оставить его способным сопротивляться им или пригодным для использования несчастным Саидом» (Саид — счастливый, *felix*). (Игра слов на арабском; одна из многих с использованием имени наследного принца.)

Султан назначил эмира Сарим ад-Дин аль-Кафири своим командиром в Хисн-аль-Акраде, а восстановительные работы доверил Изз ад-Дину аль-Акраму и Изз ад-Дину Айбеку. Во время осады он арестовал двух ассасинов, посланных из Аль-Улайки к правителю Триполи, который приказал им совершить покушение на Бейбарса. (Улайка — один из сирийский фортов, принадлежавших исмаилитам. Их могущество несколько уменьшилось после ударов, нанесенных им монголами, и теперь они придерживались середины между крестоносцами и Бейбарсом, иногда платили дань обоим, но так и не утратили привычки убивать.) Когда их глава Наджм ад-Дин прибыл, он упрекнул их, но затем отпустил.

Неудачное нападение на Кипр

Аль-Айни

Ибн Катир (хронист XIV века; аль-Айни тоже часто составляет отрывки из разных источников) говорит, что когда аль-Малик ас-Саид, сын аз-Захира, взял Хисн-аль-Акрад, он превратил церковь в мечеть, где проводились богослужения по пятницам. Султан назначил кади и правителя форта и приказал, чтобы его восстановили в прежнем облике. Султан находился там, когда получил известие, что правитель острова Кипр отправился со своей армией в Акру, опасаясь, что он подвергнется нападению аль-Малик аз-Захира. Султан, желая получить от этого выгоду, отправил экспедицию на шестнадцати галерах, чтобы захватить остров в отсутствие правителя. Корабли шли со всей возможной скоростью, но, когда они приблизились к острову, поднялся предательский ветер, и они стали сталкиваться друг с другом. Одиннадцать галер потерпели крушение — так решил Всевышний! — много людей утонуло, а 1800 солдат и моряков попали в плен. Мы принадлежим Аллаху и к нему вернемся.

Бейбарс (мамлюкский эмир, которого не следует путать с султаном) сказал: «Следующая катастрофа постигла нас после взятия Эль-Курайна». Султан покинул Дамаск после окончания маневров в этом регионе, в последние десять дней месяца шавваль / первые десять дней июня 1271 года. Он атаковал и осадил Эль-Курайн (франкский Монфор — оплот госпитальеров) во 2-й день месяца зуль-када / 13 июня. Он штурмовал укрепления, и защитники попросили его пощадить их жизни, что он и сделал. Было согласовано, что они могут идти куда хотят, но не должны брать с собой имущество и оружие. Султан овладел крепостью и разрушил ее до возвращения в Ладжун. Оттуда он послал командирам в Египет приказ вооружить галеры и отправить их на Кипр. Они выполнили приказ и отправили их под командованием адмирала, и еще на каждой галере был капитан. Когда флот подошел к Лимассолу, что на южном берегу Кипра, и наступила ночь, первый

корабль пошел вперед, чтобы войти в порт, но в темноте попал на мель и потерпел крушение. За ним пошли другие галеры, одна за другой, не ведая, что произошло, и ночная тьма обрекла их все на гибель. Киприоты захватили все имущество. Адмирал ибн Хассун дал людям совет, в котором многие увидели недобрый знак. Он предложил измазать корабли смолой и поднять высоко кресты, что сделает их похожими на франкские корабли и спасет от нападения противника. Но это лишь привело к кораблекрушению — так велел Аллах. Султан вскоре получил письмо от короля Кипра, сообщавшее, что египетские галеры прибыли на Кипр и одиннадцать из них потерпели крушение и были захвачены. Султан велел написать ответ. В нем после вступительной части сказано: «Вы сообщаете, что ветер разбил наши галеры, называете это своим достижением и поздравляете себя с этим. Мы, со своей стороны, сообщаем вам о падении Эль-Курайна; это совсем другое дело, отличное от того, с помощью которого Аллах решил избавить наше королевство от злой судьбы. Подобрать железо и дерево — не доблесть, а взять неприступную крепость — вот это доблесть. Вы сказали, мы тоже это сделали, и Аллах знает, что наши слова — правда. Вы верите в своего Бога, а мы — в своего. Тот, кто верит в Бога и его меч, отличается от того, кто верит в ветер. Победа, которую принес ветер, — не победа. Победа, добытая клинком, — вот это победа. Мы за день построим несколько кораблей, вы же за это время не сможете восстановить даже часть крепости. Мы вооружим сто кораблей, а вы и за сто лет не вооружите одну крепость. Любой, кому дадут весло, сможет грести, но не любой, кому дадут меч, сможет им воспользоваться. Если несколько моряков пропадут, у нас есть тысячи других. Но как может тот, кто махает веслом посреди океана, сравниться с тем, кто махает мечом в гуще сражения? Ваши лошади — корабли, а наши корабли — лошади. Есть большая разница между человеком, который едет на боевом коне, как на морских волнах, и тем, кто неподвижно стоит на палубе, когда корабль входит в порт. Есть разница между тем, кто скачет на арабском жеребце на соколиную

охоту, и тем, кто хвастает, что охотился на ворона (игра слов: *stow* — кроу — ворон, легкий корабль). Пусть вы захватили дерево (*qarya*), из которого мы строили наши галеры, но сколько населенных деревень (*qarya*) мы захватили у вас? Пусть вы захватили кормило (*sukkan*), но сколько ваших земель мы лишили населения (*sukkan*)? Что получили вы и что получили мы? Ясно, кто из нас получил больше. Если бы короли могли молчать, вам бы следовало хранить молчание и воздержаться от хвастовства».

ГЛАВА 2

Султанат Калауна, не менее гуманный и героический, чем султанат Бейбарса, интересен своими отношениями с уцелевшими христианскими государствами в Сирии. Было заключено несколько договоров между султаном и тамплиерами, народом Акры и Маргаритой Тирской, тексты которых ибн Абд аз-Захир сохранил в своем «Жизнеописании султана» (*Tashrif al-ayyam wa l'usur*).

Но Калаун продолжал разрушение латинских владений на Святой земле. Его величайшим триумфом стало покорение Триполи в 1289 году, свидетелем которого был Абу-ль-Фида. У Макризи другая версия, но явно взятая из более раннего источника. После падения Триполи у франков осталась только Акра и несколько других прибрежных городов.

Договор Калауна с тамплиерами в Тортосе

Ибн Абд аз-Захир, Ташриф

В 681/1282 году было подписано перемирие между нашим повелителем аль-Малик аль-Мансуром (Калауном) и его сыном аль-Малик ас-Салих Ала ад-Дин Али с одной стороны и Великим магистром ордена тамплиеров в Акре и на побережье братом Гильомом де Божё и всеми там-

плиерами Тортосы и других мест. Мир должен был продолжаться десять лет и десять месяцев, начиная со среды, 5-го дня месяца мухаррам 681 года / 15 апреля 1282 года. Он касался территорий нашего повелителя аль-Малик аль-Мансура и его сына аль-Малик ас-Салих Ала ад-Дин Али и всего, что находится под их властью. Это Египет с провинциями, пограничными регионами и портами; Сирия с регионами, замками, крепостями, побережьем и портами, провинция Химс с окружающей территорией, исмаилитские форты с окружающей территорией (далее следует длинный список территорий султана и его сына, и всего, что может на них находиться, включая сады, мельницы, колодцы и т. д.). С другой стороны, договор относился к Тортосе, которая занята орденом тамплиеров, и всех земель ордена (далее идет список — намного более короткий).

Никто из Тортосы, ее порта и прибрежных территорий, не будет вторгаться на земли нашего повелителя аль-Малик аль-Мансура и его сына аль-Малик ас-Салиха, в их форты, города и замки, независимо от того, упомянуты они в договоре или нет. В ответ Тортоса и регионы, упомянутые в договоре, с братьями, рыцарями и подданными, живущими здесь или приехавшими на время, будут наслаждаться спокойствием и безопасностью от повелителя нашего султана аль-Малик аль-Мансура, его сына, их армий и подданных. Никто не будет вторгаться в Тортосу и ее территории, причинять вред или нападать на жителей все время, пока длится перемирие.

Если какой-нибудь корабль, идущий из земель повелителя нашего султана, или подходящий к ним из других мест, потерпит крушение или ему будет нанесен какой-нибудь ущерб в порту Тортоса, на побережье или землях, упомянутых в договоре, всем, кто находится на борту, должна быть обеспечена безопасность, а также их имуществу и грузам. Если владелец поврежденного корабля доступен, сам корабль и все, что есть на борту, должны быть переданы ему. Если смерть или утопление сделали это невозможным, его собственность должна быть отправлена под охраной представителю повелителя нашего султана.

То же самое правило будет применяться к кораблям из Тортосы, потерпевшим крушение во владениях повелителя нашего султана.

На территории Тортосы, упомянутой в договоре, не должны строиться форты, а также ремонтироваться разрушенные укрепления и возводиться новые.

Договор с Акрой

Ибн Абд аз-Захир, Таширф

В 682/1283 году наш повелитель султан согласился удовлетворить просьбу жителей Акры. Их послы время от времени являлись к нему в Сирии и Египте с просьбой о мире. Он запретил им путешествовать по суше, предложив следовать только морем всякий раз, когда им потребуется аудиенция. Так они и сделали. Была достигнута договоренность, что они сдадутся на милость султана, хотя перед этим, когда истек срок действия перемирия (с Бейбарсом от 1272 года), выдвигали неумеренные претензии. В месяце сафар этого года / мае 1283 года делегаты и знать прибыли из Акры и подписали договор о перемирии. Султан дал клятву в присутствии франкских послов — двух братьев из ордена тамплиеров, двух — из ордена госпитальеров, двух королевских рыцарей и ряда других высокопоставленных лиц. Текст был следующий:

«Объявляется перемирие между нашим повелителем султаном аль-Малик аль-Мансуром (Калауном) и его сыном аль-Малик ас-Салих Ала ад-Дин Али — да будет их власть длиться вечно! — и властями общины Акры, Сидона, Атлита и зависимых территорий, на которые распространяется перемирие. (Далее следует поименно перечисление присутствующих лиц с указанием чинов и званий.) Перемирие продлится десять лет, десять месяцев, десять дней и десять часов, начиная с пятницы, 5-го дня первого месяца раби 682 / 3 июня 1283 года. Перемирие будет действовать во всех владениях нашего повелителя султана аль-Малик аль-Мансура (Калауна) и его сына

аль-Малик ас-Салих Ала ад-Дин Али (далее следует длинный и очень подробный список владений), независимо от того, упомянуты они отдельно в договоре или нет.

Безопасность всех этих мест гарантируется властями Акры, высокопоставленными тамплиерами и госпитальерами, а также всеми франками, находящимися у них в подчинении. Она гарантируется государственными чиновниками Палестины и всеми без исключения франками, живущими в Акре и в пунктах побережья, указанных в договоре, а также всеми, кто прибывает туда по суше или морю, независимо от их расы и состояния.

Территории повелителя нашего султана аль-Малик аль-Мансура (Калауна) и его сына аль-Малик ас-Салих Ала ад-Дин Али, их замки, форты, города, деревни и армии, арабы, туркмены, курды и другие подданные любой расы, со всем имуществом, стадами, урожаем и всем прочим, не должны бояться ущерба от любых посягательств, нападения или атаки. Это относится также ко всем завоеваниям повелителя нашего султана аль-Малик аль-Мансура (Калауна) и его сына аль-Малик ас-Салих Ала ад-Дин Али, достигнутым ими лично или их армиями, командирами гарнизонов замков, фортов и провинций, на суше и на море, на равнинах и в горах.

Аналогичным образом всем прибрежным территориям франков, к которым применяется этот договор, гарантируется безопасность. (Далее следует перечисление этих территорий, тоже довольно длинное и подробное.) Гарантия относится к жителям и собственности.

За пределами Акры, Атлита, Сидона и стен этих трех городов франки не должны возводить стены, форты, фортификационные сооружения и укреплять замки, новые и старые.

Галеры повелителя нашего султана и его сына, которые были оснащены и отправлены в море, не должны наносить вред прибрежным территориям, упомянутым в договоре. Если вышеупомянутые галеры направляются в какую-то страну, не из тех, что связаны с властями общины Акры договором, галеры не могут бросать якорь или брать продовольствие в странах, затронутых этим догово-

ром. Если, однако, правитель страны, куда они направляются, не связан договором с властями общины Акры, галеры могут бросить якорь и взять запасы. Если — Аллах, безусловно, этого не допустит — одна из галер потерпит крушение в гавани или на побережье, на которое распространяется этот договор, *bailli* Акры и Великие магистры орденов должны взять эту галеру под охрану и отправить на мусульманскую территорию. Изначальная цель корабля, который разбился и был выброшен на берег, в таком случае отменяется. Если, однако, страна, куда направлялся корабль, не связана договором с Акрой, поврежденный корабль может взять запасы и команду в странах, на которые распространяется договор, и продолжать движение к своей цели. Аналогичные правила распространяются на франкские корабли на мусульманской территории.

Когда один из королей франков Утремера покинет свою землю и вторгнется на территорию повелителя нашего султана и его сына, если на нее распространяется договор, *bailli* Акры и Великие магистры должны уведомить об их передвижениях повелителя нашего султана за два месяца до их прибытия. В случае их прибытия по истечении двух месяцев *bailli* Акры и Великие магистры освобождаются от обязательств.

В случае нападения монголов или других врагов, какая бы из двух сторон ни узнала новость первой, она должна проинформировать вторую. Может случиться так, что вражеская сила, монголы или любая другая, нападут на Сирию и станут теснить армии султана до прибрежных территорий, на которые распространяется этот договор, и вторгнутся на них. Тогда *bailli* Акры и Великие магистры имеют право обеспечивать, посредством договоров, защиту себя лично, своих подданных и своих территорий, и делать это как можно лучше.

Если внезапная паника заставит мусульман бежать со своих земель на прибрежные территории, на которые распространяется этот договор, *bailli* Акры и Великие магистры должны обеспечить защиту беженцев от их преследователей, так чтобы они сами и их имущество были в безопасности. *Bailli* Акры и Великие магистры поручат

всем правителям территорий, на которые распространяется настоящий договор, не позволять пиратам брать воду и продовольствие в их портах, а также удерживать их, если их удастся захватить в плен. Если же пиратское судно войдет в порт, чтобы продать добычу, они задержат бандитов до прибытия законного владельца, которому следует вернуть его собственность. То же самое относится к султану.

Церковь в Назарете и четыре дома рядом с ней должны быть оставлены для использования христианами паломниками, великими и малыми, любой расы и звания, идущими из Акры и других территорий, на которые распространяется этот договор. В церкви священники и монахи должны выполнять свои повседневные обязанности, а дома — использоваться гостями Назарета, которые имеют полную свободу передвижения по району, на который распространяется этот договор. Что касается камней церкви, те, которые подбирают, если они выпали со своего места, должны отбрасываться, и запрещается класть камень на камень, чтобы отстроить церковь. Монахам и священнослужителям запрещается делать незаконные подарки для этой цели (мусульманский закон терпел существование христианских церквей на исламской территории, но не позволял их ремонт и новое строительство; естественно, местные власти вымогали «дары» от служителей церкви за разрешения на реставрацию).

Договор содержал обычные условия. Когда наш повелитель султан дал клятву его соблюдать, эмир Фахр ад-Дин Айаз, эмир хаджиб (визирь), и кади Бахр ад-Дин ибн Разин отвезли его франкам, которые тоже дали клятву, и мир был заключен.

Формула клятвы соблюдать этот договор о перемирии, которую дал султан

Ибн аль-Фурат

(Начинается формула клятвы с многословного вознесения хвалы Аллаху и его пророку и призыва их в сви-

детели — столь же многословного). Я обязываюсь поддерживать это благословенное перемирие, согласованное между мной и общиной Акры, а также Великими магистрами, живущими там; перемирие, имеющее законную силу для Акры, Атлита и Сидона и зависимых от них территорий. Продолжительность перемирия десять лет, десять месяцев, десять дней и десять часов, начиная с пятницы, 5-го дня первого месяца раби 682 года. Я буду соблюдать договор о перемирии от начала до конца. Я буду выполнять все его условия и основывать на нем все свои действия в период перемирия. Я не стану возражать против него в целом, равно как и против отдельных его положений, и не буду прибегать к советам законников о том, как его нарушить, пока власти Акры, Сидона и Атлита будут выполнять данную ими клятву. Если я нарушу эту клятву, моим наказанием станет тридцать паломничеств к Дому Аллаха в Мекке, босым и с непокрытой головой. И все это время я буду поститься, за исключением тех дней, когда пост запрещен.

После перечисления других положений клятвы она завершалась следующим образом: Аллах является поручителем того, что мы сказали.

Формула клятвы франков

Ибн аль-Фурат

(Начинается формула клятвы с многословного вознесения хвалы Богу, Мессии, Святой Троице, затем упоминаются Евангелия и их создатели, двенадцать апостолов, семьдесят два ученика, 318 никейских отцов, глас с небес над рекой Иордан, Святая Мария, Иоанн Креститель и другие святые, а также христианские догматы, внушенные сыну (королю) отцом и священником, который его крестил.) С этого дня и часа я клянусь выполнять все положения соглашения, заключенного с султаном аль-Малик аль-Мансуром, его сыном аль-Малик ас-Салихом и другими его сыновьями, по которому отныне мир будет ца-

рить в Акре, Сидоне и Атлите и зависимых от них территориях, перечисленных в договоре. Продолжительность перемирия десять лет, десять месяцев, десять дней и десять часов, начиная с пятницы, 3-го дня месяца хазиран года 1594 эры Александра, сына Филиппа грека. Я буду неуклонно выполнять все положения, приведенные в договоре. Клянусь Богом, Мессией, крестом и своей верой, что я не причиню никакого вреда ни одной из территорий, принадлежащих султану и его сыну, и ни одному человеку, там живущему. Я никогда не причиню никакого вреда и тем, кто может приехать в страны, на которые распространяется перемирие, буду уважать их лично и их собственность. Я буду избегать любых актов насилия или враждебности к людям и собственности, всячески поддерживая перемирие, защищать мусульманский народ и тех, кто приезжает и уезжает из мусульманских государств. Я обязуюсь свято чтить каждое положение договора, пока он будет действовать и пока аль-Малик аль-Мансур будет выполнять клятву соблюдать перемирие. Я не нарушу клятву или ее часть, не стану делать никаких исключений, имея целью нарушить договор или какое-либо из его положений. Если я нарушу эту клятву, пусть меня отвергнет моя религия, моя вера и Бог, которого я обожаю, пусть меня станут считать бунтовщиком против церкви. Наказанием моим станет совершение тридцати паломничеств в Иерусалим, босым и с непокрытой головой. Тогда я должен буду освободить тысячу мусульманских пленных их франкских тюрем. В этом я клянусь. Мои намерения таковы, как у султана аль-Малик аль-Мансура и его сына аль-Малик ас-Салиха. Бог свидетель, мои намерения искренни.

Падение Эль-Маркаба

Ташриф

Этот большой и могущественный замок долгое время был вызовом для повелителя нашего султана аль-Малик

аль-Мансура — да пошлет Аллах ему победу. Он искал любые способы завоевать его для ислама и поддерживал все соответствующие планы. До этого времени он отказывался санкционировать нападение любого мусульманского правителя, поскольку ни один из них не мог к нему приблизиться, не говоря уже о том, чтобы осадить его. Аль-Малик аз-Захир (Бейбарс) несколько раз штурмовал его, но, вероятно, Аллаху не было угодно, чтобы замок пал перед ним. Однажды он двинулся к замку из Хамата, но начался дождь, потом снег, что сделало труднопроходимую местность вовсе непроходимой. В другой раз он попытался атаковать его с другой базы, но не смог подвести достаточное количество артиллерии. На самом деле Аллах хранил замок для повелителя нашего султана Калауна. Это должно было стать его славным завоеванием, достойным венцом его жизни. Госпитальеры, удерживавшие замок, становились все более дерзкими, опасными и воинственными. Люди, находившиеся в близлежащих фортах, оказались в них, как в заключении, не имея возможности выйти. Франки верили, что форт неприступен, и еще не родился такой человек, достаточно умный и хитрый, которому удалось бы взять над ними верх. Поэтому они вели себя надменно и дерзко, нарушали обещания, а в случае с Эль-Кулайатом совершили все возможные преступления — насилие, грабежи, разбои. Но повелитель наш султан аль-Малик аль-Мансур ждал их, словно левлюдоед, не привлекая к себе внимания. Он привез осадные машины из Дамаска, так что никто не знал, куда их отправляют и для чего. Была собрана огромная армия из самых разных стран, оружие, запасы и командиры для нее. Одни говорили, что намечена экспедиция в греческую крепость (Калат-ар-Рум в верховьях Евфрата), у других были иные мнения. Султан послал за арсеналом в Египет, откуда были доставлены гигантские вязанки стрел и другое оружие. Стрелы раздали эмирам, а те — войскам, чтобы люди могли их использовать, когда будет дана команда. Были доставлены железные орудия и огнеметные трубы — такие есть только в королевских арсеналах. Со всем этим армия выступила в поход. В ней были спе-

циалисты по ведению осады и использованию осадных орудий. Из соседних фортов были вывезены катапульты — без шума, чтобы не привлекать лишнего внимания. Катапульты и оружие люди переносили на плечах. Наконец, повелитель наш султан покинул лагерь в Уйун эль-Касаб и в среду, 10-й день месяца сафар 684 / 17 апреля 1285 года началась осада Эль-Маркаба.

Катапульты собрали и установили очень быстро, и замок оказался в смертоносном кольце. Обстрел начался под бдительным взором величайшего из султанов. У мусульман были катапульты разных типов. Начался обстрел. Одновременно велись подкопы под стены. Некоторые катапульты франков были разбиты, и мусульмане подвезли свои ближе к стенам, но франки сумели починить свои орудия, открыли огонь, убили нескольких мусульман и разбили их осадные машины. Всем известно, что военная удача изменчива, и успех сопутствует то одной стороне, то другой. Когда мусульмане закончили подкопы, они подожгли деревянные опоры. Это было в среду, 17-й день первого месяца раби / 25 мая. Огонь достиг середины подкопа под угловой башней, и мусульмане бросились на штурм, но после ожесточенного сражения оказалось, что нападавшим не хватило сил, чтобы забраться на стены. На закате дня башня рухнула, что, по мнению нашей армии, увеличило трудности проникновения в крепость. Поэтому ночь прошла во всеобщей неразберихе. То, что произошло, сделало невозможным использование катапульт, а все, что можно было сделать подкопами, уже было сделано. Теперь только Аллах мог уничтожить врага. В пятницу Аллах действительно помог нам, послав нам своих ангелов и воинство небесное, чтобы принести победу исламу. Аллах заставил франков думать, что подкопы под стенами одинаково далеко продвинулись. Они могли достичь сначала рвов, затем башен и начать разрушение стен. На самом деле подкопы были сделаны под рвами и дошли до башен, но франки об этом не знали, а когда обнаружили, лишились присутствия духа. Они решили, что попали в ловушку, и стали просить сохранить им жизни в обмен на капитуляцию. Они требовали, чтобы с ними

обращались уважительно. Когда-то они выбрали смерть, а не жизнь, зато теперь явно предпочли жизнь, и были убеждены, что если не позаботятся о своих жизнях, то лишатся их.

Они молили нашего повелителя султана проявить милосердие и спасти их. В создавшихся обстоятельствах было очень важно для султана взять замок без длительной осады. Он рассудил, что, если осада затянется, благоприятный момент будет упущен, а им было бы лучше воспользоваться. Даже если франки в замке будут спасены от смерти в битве, в конце концов им все равно не удастся избежать смерти. Поэтому он согласился дать им амнистию, и они, веря, что слово повелителя нашего султана дороже любых клятв, послали своих предводителей в шатер победы. Они хотели получить только свои жизни, и ничего больше. Они согласились не брать с собой имущество и оружие, принадлежащее крепости, и лишь те, у кого было личное имущество, получили разрешение взять его с собой. Эмиры просили за них, они целовали землю, по которой ступала нога повелителя нашего султана, и просили, чтобы их просьба была услышана. И султан пошел на следующие уступки: для путешествия их предводителей было выделено двадцать пять лошадей и мулов с упряжью и еще 2000 тирских динар. Им были выданы охранные грамоты, и они вернулись в цитадель в сопровождении эмира Фахр ад-Дин аль-Мукри аль-Хаджиба, который засвидетельствовал клятвы управляющего замком и рыцарей. Он сдали форт и все, что в нем было, в восемь часов в пятницу, 18-й день первого месяца раби / 25 мая. Победоносное знамя султана было установлено над замком, и повсюду стали раздаваться голоса, благословляющие повелителя нашего султана аль-Мансура, во время правления которого нам довелось стать счастливыми свидетелями великолепной победы, доселе считавшейся недостижимой. Мусульмане очень долго к ней стремились.

Мусульмане овладели фортом, и с высоты цитадели раздались призывы к молитве и хвала великому Аллаху, который изгнал поклонников Мессии и освободил от них

нашу землю. Гонцы с этой хорошей новостью были отправлены во все провинции. Повелитель наш султан лично прибыл в замок в субботу. Он собрал главных эмиров на совет, чтобы решить, следует ли уничтожить форт. Мнения разделились, но султан высказался за его сохранение и полное восстановление. Он решил использовать его для уничтожения неверных и поддержки соседних замков. Он разместил там 1000 пехотинцев, воинов, имевших дело с катапультами, 400 ремесленников, эмиров с музыкантами, а также мамлюков бахритов, салихитов (мамлюки под знаменем аль-Малик ас-Салиха) и мансуритов (мамлюки под знаменем аль-Малик аль-Мансура), всего 550 человек. Затем он велел доставить в замок катапульты, которые использовались для обстрела замка. Теперь их предстояло использовать для защиты от врага. Так же он поступил с амуницией, лесом, стрелами, горючими материалами, нефтью и другими осадными приспособлениями. Положение замка позволяло ему контролировать район Кафартаб, Антиохию, Лаодикею и ее порт, так же как и район вокруг Эль-Маркаба. Общий доход с этой территории, когда на ней все будет приведено в порядок, должен был составить миллион дирхамов. Стоимость восстановления замка и плата гарнизону распределялась по всей стране до тех пор, пока он не был приведен в рабочее состояние и не вернулось местное население. Позабывшись обо всем, повелитель наш султан, да хранит его Аллах, вернулся на равнины в город Булуньяс.

Падение Маракийи

Ташриф

Когда повелитель наш султан разобрался с Эль-Маркабом и вернулся на равнины, как мы уже говорили, он обратил внимание на замок Маракийя и стал обдумывать возможность его захватить. Он видел его клином, вбитым между другими фортами, и понимал, что не будет ни мира, ни безопасности, пока замок процветает. Там правил

франк по имени Бартоломью. Когда Хисн-аль-Акрад был взят мусульманами, он не мог больше спокойно жить в этой части света, и отправился к монголам за помощью, защитой и поддержкой. Несколько лет он пользовался их покровительством. Когда аль-Малик аз-Захир умер, он воспользовался случаем, вернулся на свою землю и стал укреплять Маракийю. Однако его возможности были недостаточно велики, и, опасаясь, что землю у него отберут, он построил и укрепил большой замок перед городом. Ему помогли правитель Триполи и другие франки, к примеру госпитальеры Маркаба. Новый форт располагался между Тортосой и Маркабом и был обращен к Маракийи со стороны моря. От берега его отделяло расстояние, равное двум полетам стрелы или чуть больше. Каждая сторона имела длину двадцать пять с половиной локтей, а стены имели толщину семь локтей. В нем было семь этажей, и построен он был на кораблях, груженных камнями и затопленных в море. Под каждым углом было затоплено девять сотен грузов камней. Глыбы удерживались вместе двумя железными лентами, покрытыми железной сетью. Внутри цитадели была огромная емкость, над которой построили купол, а также большие брусья, поддерживающие боевые тараны, прикрытые мелким гравием, слоем мешковины и пеньковыми канатами, закрепленными таким образом, что, если форт подвергнется обстрелу из катапульты с твердой земли, ему не будет причинен никакой вред. Камни скатятся с защитной крыши в воду. Гарнизон составлял сто человек. Рядом стоял второй форт, маленький, защищенный тремя установленными на возвышении катапультами. Это место было, по сути, неприступным для осады. Мусульманские командиры из Хисн-аль-Акрада наблюдали за строительством, но не могли ему помешать, потому что материалы и инструменты доставлялись морем. Они были вынуждены построить еще один форт в соседней деревне Майат, с гарнизоном из пятидесяти человек, но это не произвело никакого эффекта.

Когда повелитель наш сутан увидел этот форт, сильный и неприступный, осознал, что невозможно осадить замок, построенный в середине моря, и оценил ситуацию в целом,

он понял, что здесь надо действовать не силой, а разумом, и направил правителю Триполи следующее письмо: «Мои войска свободны от любых обязательств, и их единственная цель — вы. Это вы являетесь настоящим строителем форта, поскольку он никогда не был бы построен без вашей помощи, и ответственность за его падение будет лежать на вас. Или вы сами уничтожите его, или мы захватим в отместку так много ваших территорий, что правитель Маракхии вам не поможет. Вы раскаетесь, но будет уже поздно. Ваше раскаяние уже ничего не сможет изменить».

Прочитав это ужасное письмо, правитель понял, что его земли, его замки и все его государство действительно будут уничтожены, а султан с его армиями уже фактически находится у городских ворот. У него было только два выхода — лишиться королевства или разрушить форт. Он выбрал второй. Правитель Триполи отдал командиру гарнизона все деньги и земли, которые были в его распоряжении, что было принято после недолгого сопротивления. Сын командира тайно проник в лагерь султана с планом передачи форта. Он тайно отправился верхом в Акру, но был задержан там чиновниками. Весть дошла до его отца, который поспешил из Триполи в Акру, освободил юношу и убил его собственными руками на глазах жителей Акры. Это был конец заговора. В конце, однако, когда князь (спорный титул был ему возвращен, как бывшему правителю Антиохии) выступил в роли посредника, командир согласился передать форт мусульманам. Князь послал франков, чтобы помочь с разрушением, и таким образом исполнились слова Аллаха: «Они разрушили дома свои собственными руками и руками верующих» (Коран LIX, 2). Правитель Триполи послал одного из своих высокопоставленных чиновников, чтобы надзирать за разрушением во главе группы франков и чтобы положить конец отговоркам, заключавшимся в том, что нет инструментов, цепей и т. д. Эмир Бадр ад-Дин Бакташ ан-Наджми, эмир, тоже был послан с сотней инженеров (по-арабски *hajjarin* — каменотес, камнеметатель — тот, кто обслуживает баллисты, иными словами, что-то среднее между артиллеристом и инженером) для разрушения форта. Эмир сипахсалар

(главнокомандующий) Рукн ад-Дин Таксу аль-Мансури находился неподалеку вместе со своим войском, и султан приказал ему помочь с разрушением. Камень за камнем — форт был разрушен, причем люди работали так усердно, что от форта не осталось и следа. Аллах был доволен — угроза со стороны форта была ликвидирована, правверные смогли вздохнуть свободно.

Падение Триполи

Абу-ль-Фида

Кампания султана аль-Малик аль-Мансур Калауна началась в месяце мухаррам 688 / феврале 1289 года, когда он ввел египетские войска в Сирию. Объединив египетскую и сирийскую армии, он осадил сирийский город Триполи в первую пятницу первого месяца раби / 25 марта. Большая часть города окружена морем. Единственный подход по суше — с запада по узкой полоске земли. Султан осадил город, используя значительное количество катапульт, больших и малых. Он установил строгую блокаду и после ожесточенного сражения взял город штурмом во вторник, 4-й день месяца раби 688 года / 27 апреля. Мусульмане ворвались в город, и его жители бежали в гавань. Некоторым удалось подняться на борт кораблей и оказаться в безопасности, но в основном взрослые люди были убиты, а дети взяты в плен. Мусульмане захватили богатую добычу. Когда убийства и грабежи прекратились, город по приказу султана был разрушен.

В море на небольшом расстоянии от Триполи находится островок с церковью, которая называется церковью Святого Фомы. Туда бежало много франков со своими женщинами. Мусульмане бросились в море, приплыли на своих конях на остров и убили там мужчин, а женщин и детей взяли в плен. Я отправился туда на лодке, когда уже все было кончено, и нашел на острове горы разлагающихся трупов. Там было невозможно высадиться из-за ужасного зловония.

Когда султан покончил с Триполи, он вернулся в Египет. Триполи находился в руках франков 185 лет и несколько месяцев (согласно мусульманскому лунному календарю).

Макриси

В четверг, 10-й день месяца мухаррам / 4 февраля 1289 года султан разбил лагерь неподалеку от Каира, а 15-го отбыл, оставив своего сына аль-Малик аль-Ашраф Халила командиром гарнизона цитадели (что на холме Аль-Мукаттам), а эмира Байдара — визирем сына. Перед уходом он приказал провинциям Сирии собирать войска для нападения на Триполи. Он направился в Дамаск, вошел в город в 13-й день месяца сафар / 7 марта, и уже 20-го двинулся на Триполи и осадил город. На помощь городу прибыли 4 галеры от короля Кипра. Султан приказал вести непрерывный огонь из осадных машин и штурмовать стены до тех пор, пока во вторник, 4-й день второго месяца раби, после осады, продлившейся тридцать четыре дня, город был взят штурмом. В осаде использовалось девятнадцать катапульт, а также 1500 артиллеристов и бомбардиров. Горожане попытались спастись на маленьком островке, расположенном недалеко от берега, но мусульмане убили их, многих взяли в плен и завладели их собственностью. Пехотинцы и кавалеристы захватили многих франков, которые хотели выйти в море на лодках, но море выбросило их на берег. Пленных было очень много, так много, что 1500 человек пришлось поместить в арсенал султана. Среди мусульман, убитых в бою, были эмир Изз ад-Дин Ман и эмир Рукн ад-Дин Манкурас аль-Фаркани и еще 55 стражников султана. По приказу султана город Триполи был разрушен. Толщина стен была такова, что по ним могли проехать три всадника, держась рядом. Население было богато, и было обнаружено 4000 ткацких станков.

Султан утвердил правителя Джубейль (Библос) в должности в обмен на выплату дани, взял Бейрут (на самом деле Бейрут пал двумя годами позже, уже после Акры) и

Джабалу, а также окрестные форты и вернулся в Дамаск. Это было в середине первого месяца жумада / июне 1289 года. Армия стала лагерем, как обычно, в Хисн-аль-Акраде. Ею командовал эмир Сейф ад-Дин Балбан ат-Табахи, а авангард направился к Триполи, который теперь перешел под контроль Табахи. С ним было 150 солдат, десять эмиров «с музыкантами» и пятнадцать эмиров «десятков», которые получили фьефы. Позднее султан построил новый город у реки, большой и красивый, который до сих пор носит имя Триполи.

ГЛАВА 3

В 1291 году аль-Ашраф, сын Калауна, завершил работу отца (Калаун умер, когда подготовка к кампании против Акры была в самом разгаре), так же как и работу всех его предшественников в борьбе против христианских захватчиков. Далее Абу-ль-Фида описывает кровавое завоевание Акры. Автор принимал участие в нем, будучи вассалом султана. Его повествование согласовывается с рассказом тамплиера из Тира — лучшего западного источника, касающегося этого эпизода, который знаменовал конец христианской эры на Святой земле. Предательское убийство героических защитников города после его сдачи было описано позже египетским хронистом Абу-ль Махасином. Это было своего рода отражением аналогичного убийства мусульманских пленных в Акре Ричардом Львиное Сердце, имевшего место столетием раньше. Так завершилась кровавая драма Крестовых походов.

Падение Акры

Абу-ль-Фида

В 690/1291 году султан аль-Малик аль-Ашраф выступил на Акру со своими египетскими войсками. Он велел сирийской армии присоединиться к нему и доставить

осадные машины. Правитель Хамата аль-Малик аль-Музаффар направился со своим дядей аль-Малик аль-Афдалем (кузен и отец автора соответственно) к Хисн-аль-Акраду, где мы собрали большую катапульту, названную «Победоносная». Потребовалось сто телег, чтобы ее перевезти. В конце концов она была разобрана и части распределены по армии. Я тоже получил свою часть, будучи эмиром «десятка» (это один из самых низких рангов в феодальной иерархии). Был конец зимы. Между Хисн-аль-Акрадом и Дамаском пошел дождь со снегом, что создало нам большие трудности. Телеги были тяжелыми, а мулы — слабыми, поскольку они умирали от холода. Из-за тяжелых телег нам потребовался целый месяц на переход от Хисн-аль-Акрада до Акры, хотя обычно на это уходит восемь дней. Султан приказал, чтобы все окрестные крепости прислали катапульты и другие осадные машины в Акру, и под ее стенами было собрано очень много малой и большой артиллерии, больше чем когда-либо собиралось в одном месте. Мусульманские войска собрались в Акре в первые дни первого месяца жумада 690 / в начале мая 1291 года, и завязался бой. Франки не закрыли большинство ворот. На самом деле они оставили их широко распахнутыми и теперь сражались перед ними, защищая их. Армия Хамата занимала свое обычное положение на крайнем правом крыле. Это значит, что мы были на морском берегу. На нас напали войска, высадившиеся с кораблей, защищенных специальными каркасами, покрытыми шкурами, откуда они стреляли в нас из баллист и луков. Так мы были вынуждены воевать на двух фронтах — городском и морском. Подошел корабль, на котором была установлена катапульта. Он обстреливал нас с моря. Он нам сильно мешал, но однажды ночью, когда подул сильный ветер, корабль подбросило на волнах, катапульта была разбита, и франки не стали ее восстанавливать.

Как-то раз во время осады франки совершили ночную вылазку, обратили в бегство аванпосты и добрались до палаток, где запутались в оттяжках. Один рыцарь упал в отхожее место отряда одного из эмиров и был убит. Наши

войска были в подавляющем большинстве, и франки бежали обратно в город, оставив несколько убитых на участке, занятом армией Хамата. На следующее утро аль-Малик аль-Музаффар, правитель Хамата, повесил несколько отрубленных голов франков на шеи коням, которых мы захватили, и подарил их султану аль-Малик аль-Ашрафу.

Ряды осаждавших постоянно пополнялись, и в конце концов Аллах даровал мусульманам победу. Это было в пятницу, 10-й день второго месяца джумада / 17 июня 1291 года. Когда мусульмане штурмовали город, некоторые горожане вышли в море на лодках. В городе было немало хорошо укрепленных башен, и многие франки укрылись там, решив их защищать. Мусульмане убили много людей и собрали большую добычу. Султан заставил всех, кто был в башнях, сдаться, и они подчинились все до единого, и все были обезглавлены за пределами городских стен (Абу-ль-Фида ничего не говорит о гарантии безопасности, данной султаном и впоследствии нарушенной этим массовым убийством). По приказу султана город сровняли с землей.

Случилось удивительное совпадение. Франки захватили Акру у Саладина в полдень 17-го дня второго месяца джумада 587 года, после чего схватили и убили там всех мусульман. Справедливый Аллах распорядился так, чтобы в этом году город был захвачен у франков другим Саладином, султаном аль-Малик аль-Ашрафом (который тоже носил, как и его знаменитый предшественник, титул Салах ад-Дин).

После падения Акры Всевышний вселил отчаяние в сердца других франков, оставшихся в Палестине. Они покинули Сидон и Бейрут, который взял эмир аш-Шуйаш в конце месяца раджаб / конце июля. Население Тира тоже покинуло город, и султан послал войска, чтобы его занять. Он принял капитуляцию Атлита в первый день месяца шабан / 30 июля, и Тортосы — в 5-й день месяца шабан того же года. Так что этому султану сопутствовала удача, которой не было ни у кого другого. Без усилий, не нанеся ни одного удара, он взял эти крупные, хорошо укрепленные города, и все они по его приказу были разрушены.

Теперь вся Палестина была в руках мусульман. На такой результат никто даже не смел надеяться. Вся Сирия, включая побережье, была очищена от франков, которые в свое время едва не завоевали Египет, Дамаск и другие города. Слава Аллаху!

Абу-ль-Махасин

В начале 690 года аль-Малик аль-Ашраф начал подготовку к отъезду в Сирию. Он созвал войска, собрал осадные машины и использовал ремесленников, чтобы привести их в рабочее состояние. В 3-й день первого месяца раби / 6 марта 1291 года он покинул Египет, и в 4-й день второго месяца раби началась осада Акры. Там были мусульманские воины, собравшиеся со всех сторон, и их рвение было так велико, что добровольцы превосходили числом регулярную армию. Здесь было много осадных машин, пятнадцать из них, очень больших, были в свое время отобраны у франков. Они могли метать огромные камни. Были и другие, меньших размеров. Было вырыто несколько подкопов. Король Кипра явился на помощь городу. В ночь его прибытия осажденные жгли костры в знак своей радости. Но он оставался в городе всего три дня и, видя отчаянное положение осажденных, решил не разделять их судьбу и вернулся домой.

Нападения не прекращались, и в конце концов моральный дух защитников упал. Христиане потеряли всякую надежду, более того, слабость уничтожила их единство. Сражения шли каждый день, и некоторое число мусульман пало, как мученики за веру. На рассвете 17-го дня второго месяца джумада, когда все было готово к всеобщему штурму, султан сел на коня и вместе со своим войском устремился в атаку. Мусульмане били в барабаны, издавали грозные крики и рвались к стенам. Франки бежали. Когда взшло солнце, город был взят штурмом. Прошло не больше трех часов нового дня, а мусульмане уже вошли в Акру и стали в ней хозяевами. Франки бросались в море, спасаясь от мусульман, которые убивали

их и брали в плен. Спасти удалось немногим. Мусульмане захватили всю добычу, которую сумели найти, — вещи, сокровища, оружие, а население убивали или брали в плен. В центре Акры было четыре башни, принадлежавшие тамплиерам, госпитальерам и тевтонам. В них христианские рыцари решили защищаться. В субботу, в 19-й день месяца (на самом деле в 18-й день), то есть через два дня после падения города, мусульмане напали на дом и башню тамплиеров, Тамплъ. Те предпочли сдаться и потребовали гарантию безопасности, которую султан дал. В знак этого им было дано знамя, которое они вывесили наверху башни. Когда были открыты ворота, мусульмане бросились грабить башню, оскорблять укрывшихся там женщин, хватать детей. Тогда тамплиеры снова закрыли ворота, напали на оказавшихся отрезанными в башне мусульман и изрубили их. Знамя сбросили, и сопротивление возобновилось. В тот же день тевтоны попросили амнистию и получили ее. Им и их женщинам ее даровал султан Зейн ад-Дин Китбуга аль-Мансури через эмира. Сражение за башню тамплиеров продолжалось до субботы, 20-го дня второго месяца джумада (на самом деле до воскресенья, 19-го дня), когда тамплиеры снова предложили капитуляцию в обмен на жизнь и свободу. Султан разрешил им идти, куда будет угодно, но, когда они вышли, 2000 человек были убиты, и такое же число было захвачено в плен. Женщин и детей отвели к шатру султана. Султан пришел в ярость и нарушил свое слово потому, что тамплиеры убили не только мусульман, грабивших башню, но и эмира, посланного, чтобы принять их капитуляцию и прекратить беспорядки. Кроме того, тамплиеры искалечили всех коней, находившихся в башне, и уничтожили все имущество, какое могли. Все это вызвало гнев султана. Победители получили богатую добычу и много пленных.

Когда оставшиеся франки узнали, что случилось с их соотечественниками, они решили сопротивляться до конца. Их ожесточение было так велико, что они захватили пятерых мусульман и сбросили их вниз с вершины башни. Один спасся, остальные погибли. Во вторник, 18-й день того же месяца джумада (на самом деле во вторник,

28-й день), последняя башня Тампля была взята. Защитники покинули ее в обмен на гарантию жизни, потому что под башню со всех сторон были сделаны подкопы. Когда франки вышли и имущество было вынесено, башня рухнула на группу зевак и мародеров, еще находившихся внутри, убив их всех. После этого султан отделил женщин и детей, а всех мужчин, коих было великое множество, обезглавил.

Удивительно, что всемогущий Аллах сделал так, что мусульмане овладели Акрой в тот же день и час, когда франки вошли в город при Саладине. Тогда христиане обещали жизнь осажденным и убили всех. Теперь султан обещал жизнь франкам и тоже нарушил свое слово. Так Аллах наказывает вероломство.

Когда султан взял Акру, он послал войско под командованием эмира Алам ад-Дин Санджар ас-Саваби аль-Джашнигира (титул в дворцовой иерархии) в направлении Тира, чтобы патрулировать дороги, собирать информацию и блокировать город. Когда они занимались этим, подошли корабли из Акры и попытались войти в гавань Тира. Эмир помешал им. Жители Тира попросили амнистию и получили гарантию безопасности для себя и своего имущества. После этого они сдали город, который был удачнее всех расположен и лучше укреплен. Он не был захвачен султаном Саладином, когда тот вел завоевания в Палестине. Когда Саладин брал очередной город, он сохранял жителям жизнь и отправлял их в отлично укрепленный Тир. Но теперь в сердцах жителей поселилось отчаяние, и они сдали город без боя. Хотя у аль-Малик аль-Ашрафа и не было намерения нападать на него. Приняв капитуляцию, он послал людей, чтобы организовать его разрушение. В результате он получил большое количество первоклассного мрамора и спасение. Взяв Тир с такой легкостью, аль-Малик аль-Ашраф укрепился в намерении продолжить завоевание оставшихся франкских территорий на востоке (то есть Бейрута, Сидона, Атлита и Тортосы; все они сдались без боя летом того же года; маленький островок Рувад (Арвад), расположенный недалеко от Тортосы, оставался в руках тамплиеров до 1303 года).

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Библиографическа справка	18
Авторы и их труды	19
<i>Часть первая.</i> От Годфруа до Саладина	28
<i>Часть вторая.</i> Саладин и Третий крестовый поход	103
<i>Часть третья.</i> Айюбиды и вторжение в Египет	239
<i>Часть четвертая.</i> Мамлюки и изгнание крестоносцев	282

Для возрастной категории 16+

Габриэли Франческо
КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ.
ВЗГЛЯД С ВОСТОКА
Арабские истории о противостоянии
христианства и ислама в Средние века

Ответственный редактор *Л.И. Глебовская*
Художественный редактор *Е.Ю. Шурлапова*
Технический редактор *Н.В. Травкина*
Корректор *О.А. Левина*

Подписано в печать 27.11.2018.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,8. Уч.-изд. л. 16,07.
Тираж 2 000 экз. Заказ №

ЗАО «Центрполиграф»
121471, Москва, Можайское ш., дом 29/2

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

Отпечатано в ОАО «Рыбинский дом печати»
152901, Ярославская обл., г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8
e-mail: printing@yarosavl.ru www.printing.yarosavl.ru